

Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№1 (37) 2016

Хранители

Документы Лебедева
Ивана Васильевича

Архивная служба Кабаровского края

ДЕЛО №

ПЕРВЫЕ АРХИВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Исторический очерк развития архивного дела в Кабарде с 1864 по 1917 гг. (Иванов А.И.)

Василий Иванович Ковалевский
Василий Григорьевич Гаврилов

ТИХООКЕАНСКАЯ ЗВЕЗДА

Под знаменем вперед на

Воины доблестной Красной Армии
Труженики дальневосточного тыла
Красной Армии быстрее одержать победу

Объявление Советского Правительства
правительству Японии

Благодарность Верховного Главнокомандующего

И. СТАЛИН

АРХИВНАЯ СЛУЖБА В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Благодарность Верховного Главнокомандующего

Презиума Верховного Главнокомандующего Советского Союза товарищу Сталину № 230, 234, 278, 301, 381, 387 и 391 от 18, 25 января, 14, 13 февраля, 23 апреля, 2 и 9 мая 1945 года Коммунистическому объединению Юго-Российской бригады Маршала Советского Союза ВОЛКОВА, на отличные боевые заслуги в боях за освобождение городов КИЭВ, ОСТРУЖ, ЛЬВ, НЕЖИТКА

От Советского Информбюро

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 12 АВГУСТА

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 14 АВГУСТА

От Советского Информбюро

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 18 АВГУСТА

От Советского Информбюро

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 25 АВГУСТА

Словесница Искусств

№ 1 (37)
2016

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор	Елена Викторовна ГЛЕБОВА
Художественный редактор	Галина Ивановна ПЕРШИНА
Выпускающий редактор	Наталья Васильевна РОДИНА
Интернет-версия журнала	Алексей Викторович МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Глебова Елена Викторовна

главный редактор журнала «Словесница Искусств»

Федосеев Олег Александрович

(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)

Черепанова Светлана Юрьевна

(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
П/И № ТУ27-00252 от 7 декабря 2011 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Хабаровскому краю и ЕАО

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры
(680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК») (680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 69а).

Издатель: Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК»)

Адрес издателя и редакции:

680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а

Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru

www.slovoart.ru, <http://словесницаискусств.рф>
www.fkhv.ru

Отпечатано в АО «Хабаровская краевая типография»

680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31

Тираж 750 экз.

Выход в свет 14 июня 2016 г.

Цена свободная

© Все права защищены. Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения. Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам. За точность фактов ответственность несут авторы

На первой странице обложки:

Евгений Фентисов.

Посадка сети. 1991

Картон, пастель

Дальневосточный художественный музей. Хабаровск

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА:

2 Елена ГЛЕБОВА. *Код хранителей*

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ХРАНИТЕЛИ

- 4 Наталья БЕНДИК. *На вечное хранение*
11 Ольга ЗАВЬЯЛОВА. *Истинные ценности*
17 Елена НИКИШИНА. *Неугасающий костер*
22 Сергей БОГДАНОВ. *Пушкин в памяти дальневосточников*
26 Наталья БЕНДИК. *Дом, где хранится история*
28 Лидия ЛЮСАЯ. *Знак лучших*
29 Марина КОСТРОМИНА. *Это наша память*
32 Наталья БЕНДИК. *В архивах вся наша жизнь*
34 Татьяна КИРПИЧЕНКО. *Арсеньевские папки из архива Николая Розаля*
37 Владимир ВОЛЬХИН. *«Венец благополучных дел музея»*
42 Светлана ЖУК. *Неутомимый человек с открытой душой*
48 Михаил МАНАКОВ. *Полузабытые страницы*
50 Игорь МОЖЕЙКО. *Местный житель*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

54 *Люди и реки*

ВЫСТАВКИ

58 Наталья ГРЕБЕНЮКОВА. *Расшифровываем инскрипты и маргиналии*

75 ЛЕТ ХАБАРОВСКОМУ СОЮЗУ ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

61 Татьяна ДАВЫДОВА. *Свидетельство прекрасной жизни*
70 Виктория ШИШКИНА. *Беседы в мастерской*

ТЕАТР

71 Тамара БАБУРОВА. *Судьба, ставшая легендой*
76 Татьяна ЧАНОВА. *В уездном городе, инкогнито*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

78 Александр ЛЕПЕТУХИН. *Стрелки времени*

ЭТНИКА

82 Раиса БАЙКОВА. *Содружество культур: молодежный проект*

ЛИТЕРАТУРА

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

88 Клара ЗИЛОВА. *«Иди на корабле... в отдаленные страны»*

РЕДКИЙ ФОНД

92 Наталья РАДИШАУСКАЙТЕ. *Автограф Вавилова ШТРИХИ*

97 Клара ЗИЛОВА. *Дальневосточная командировка Аркадия Гайдара*

102 Виктор БУРЯ. *Кибальчишия – место, где я родился и живу ВЗГЛЯД*

105 Олег КОПЫТОВ. *Литература сегодня – не только «буквенность»*

108 Наталья ПОЗИНА. *Толика оптического обмана*

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ

112 Нина ДУБИНИНА. *Историческая правда*
119 Сергей КРАШОШТАНОВ. *Где родился Ерофей Хабаров РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ*

120 Татьяна КИРПИЧЕНКО. *Мозаика земли*

ЛЕТОПИСЬ

123 Елена ГЛЕБОВА. *Колымские сезоны*
127 Тамара БАБУРОВА. *От Хабаровска до Харбина*

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ

133 Наталья РУБАН. *Евангелие священника Максима Никонишина*

136 **АВТОРЫ**

Код хранителей

Люди, чья профессиональная деятельность напрямую связана с архивами, представляются мне совершенно особенными. Это стало ясно с самого начала, когда я впервые пришла в читальный зал Государственного архива Хабаровского края по улице Нагишкина в поисках материала для дипломной работы. Шифры, фонды, каталоги, специальная терминология в речи сотрудников – все казалось тогда малопонятным, но указывало на особый статус территории. И еще поразило отношение к материалам. Архивист, передавая подшивку старых газет или папку с документами, сразу настраивал на максимально бережную работу, и в этом ощущалась большая личная ответственность за каждый листок огромного массива документов, поставленных на государственное хранение.

Со временем язык архивистов, показавшийся сначала секретным кодом, стал понятен, а работа в архивах оказалась тесно связанной с моей журналистской деятельностью, поскольку давала возможность находить интересную фактуру для публикаций. А главное, приносила радость, потому что напоминала увлекательную экспедицию, одаривавшую интересными и неожиданными находками. И всегда меня соединяли с давно минувшим временем, но при этом бурлящим жизнью на

страницах старой периодики, в ветхих листках из личных фондов дальневосточников, – архивисты, проводники между прошлым и настоящим.

Журнал «Словесница Искусств» и Госархив Хабаровского края связывают очень давние и крепкие связи, потому что с самого первого номера, который увидел свет в 1998 году, мы публикуем статьи его сотрудников. Многие из них стали постоянными и любимыми авторами – Лидия Вараксина, Лариса Салеева, Любовь Кривченко, Елена Ходжер, Наталья Бендик, Елена Бакшеева и другие. А сколько уникальных фотографий, иллюстраций предоставили нам хабаровские архивисты, как и сотрудники Дальневосточной государственной научной библиотеки, Гродковского музея, где также хранятся ценные архивы. Все это обогатило наше издание и дало возможность читателям узнать больше об истории Дальнего Востока. Благодаря официальному сайту журнала в интернете наша читательская аудитория достаточно широка и охватывает не только Россию, но и другие страны.

История архивов – тема глубокая, многогранная. Она уводит в Месопотамию и Египет V–III веков до нашей эры, на территории которых археологи обнаруживают следы существования архивов при

храмах и дворцах. Высокая культура хранения важных документов существовала в древнем Иране и Китае, в империи Великих Моголов, расположенной на территории современных Индии и Пакистана. В России в XVI веке был учрежден Царский архив, объединивший документы тверских, рязанских, смоленских, черниговских, ярославских и других князей, материалы о внутреннем управлении и внешних связях Российского государства со странами Западной Европы и Востока. Но задолго до этого в Киевской Руси уже существовала традиция хранить государственные бумаги при княжеских дворах и монастырях. В эпоху Петра Первого архивы государственных учреждений отделили от текущего делопроизводства и передали в руки особых лиц – архивариусов. Крупнейшие российские архивы возникали в конце XVIII – начале XX века, формировались региональные архивы, и все они служили общей высокой цели – сохранить историческое и документальное наследие.

75-летие Государственного архива Хабаровского края дало прекрасный повод посвятить главную тему очередного номера нашего журнала всем хранителям и выразить благодарность за их благородный труд.

Елена ГЛЕБОВА

Фото из Государственного архива Хабаровского края

ХРАНИТЕЛИ

На вечное хранение

История архивного дела на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века

Наталья БЕНДИК

Архивная деятельность на Дальнем Востоке берет свое начало с момента появления человека на этих землях и зарождения письменности. Первые письма, обнаруженные археологами, выполнены на различных носителях – камне, дереве, металле, глине. Все это свидетельствует о стремлении наших далеких предков зафиксировать важную информацию. В первых государственных образованиях на Дальнем Востоке письменные документы стали неотъемлемой частью цивилизации. С приходом русских землепроходцев на берега Тихого океана документы, создававшиеся в походах или после их завершения, приобретали особую значимость, потому что они содержали сведения государственной важности. К счастью, некоторые из них сохранились до наших дней в Российском государственном архиве Дальнего Востока (РГАДА), сибирских и дальневосточных архивах.

Оформление административно-территориального устройства Дальневосточного региона во второй половине XIX века, создание в 1884 году Приамурского генерал-губернаторства повлекли за собой образование аппаратов органов власти и управления, учреждений ведомств с основными и вспомогательными службами. В число таких служб входили и канцелярии, занимавшиеся организацией текущего делопроизводства и окончательного архива. Порядок этой работы определялся согласно действовавшему в стране с 1845 года Общему Учреждению Губернскому (ОУГ)¹. В текущем архиве постепенно накапливались бумаги, нужные для справочно-информационной работы, а через три года они переходили в окончательный архив. Согласно статьям 61–68 ОУГ устанавливался регламент передачи дел на постоянное хранение – строго по описи, с распиской должностного лица. Особо в этих статьях оговаривался порядок в архиве: «надлежащая исправность», наличие описи дел по алфа-

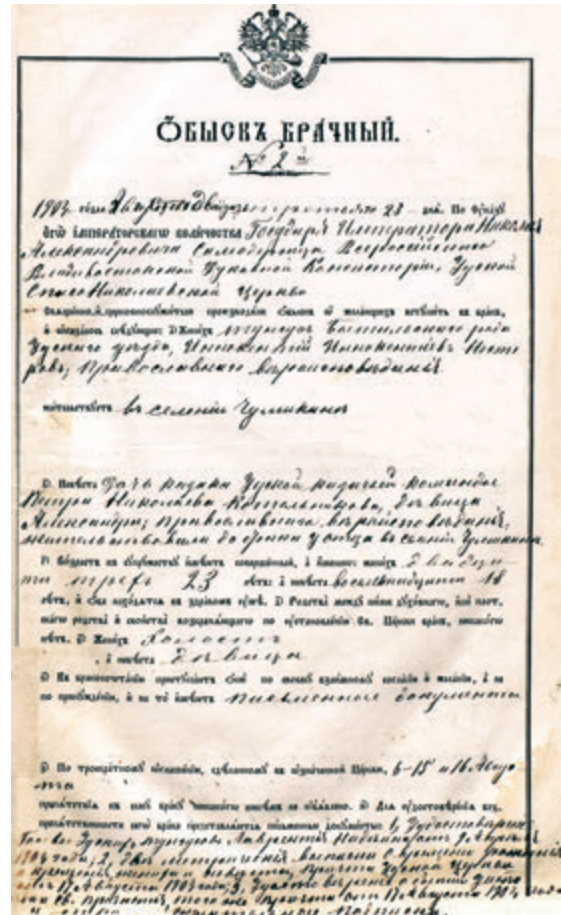
виту и номерам, чтобы «легче искать и не потерять». Законодательно утверждено, что архив должен располагаться в сухом, теплом помещении, где документы могли бы быть свободно размещены на полках. Уничтожению (статья 601) после 10 лет хранения могли подвергнуться только определенные группы документов: отчетность по движению делопроизводства, запросы и справки, дела о продвижении и расквартировании войск и т. п. Не указанные в статье документы могли быть уничтожены только по особому распоряжению министра внутренних дел. Но, как правило, в текущем архиве дела задерживались гораздо дольше. Из-за отсутствия штатов и времени не всегда производились отбор и уничтожение дел. Окончательный архив превращался в исторический, так как насчитывал порой десятки тысяч единиц хранения за большой хронологический период – до 100 лет и более. Перестав быть полезными для каждодневной работы, архивы постепенно перекочевывали в сараи, коридоры, чердаки, амбары, где их сохранность не обеспечивалась. Наводнения, пожары, дожди, нашествия грызунов, возможность проникновения посторонних лиц – все это приводило к их частой гибели. И тем не менее получить доступ к окончательному архиву с целью научного исследования было почти невозможно.

Все учреждения правительственного подчинения обязывались вести делопроизводство и архив. Однако специалистов для этой работы найти было непросто. Кадровая проблема для Дальнего Востока всегда оставалась острой. Служащих, знавших канцелярское дело, а главное, порядок ведения делопроизводства и архива, было крайне мало. Функции архивариуса возлагались, как правило, на журналиста – человека, составлявшего протоколы заседаний в характерной для того времени форме журнала. Обычно на эту должность принимали вольнонаемных лиц, грамотных, но зачастую не имевших никакого опыта работы в архивном деле. Общее руководство и контроль за деятельностью архива канцелярии или областного правления возлагались на вице-губернатора. В случае отсутствия кадров по специальному приказу назначался офицер². Количество штатных единиц определялось расписанием в зависимости от уровня учреждения. Так, самой крупной была канцелярия приамурского генерал-губернатора, состоявшая к 1917 году из 30 человек. Возглавлял ее правитель дел канцелярии, и до-

¹ Полное собрание законов Российской империи. 2-е издание. СПб., 1846. Т. XX. № 18580. С. 59–60.

² Троицкая Н.А. Из истории архивного дела на дореволюционном Дальнем Востоке. Материалы научно-практической конференции «Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие» // Материалы региональной научно-практической конференции. Владивосток, 1998. С. 52.

кументооборот доходил до 3 тысяч единиц в год³. Канцелярия амурского военного губернатора только за 1873 год зарегистрировала 1 543 документа⁴. Канцелярии других учреждений имели меньше бумаг и меньшее число штатов. Условия в архивах оказывались чаще всего неудовлетворительными. Архивистам приходилось работать «с огромным напряжением сил..., в пыли, грязи и вредной атмосфере при разборе архивных дел»⁵.

Основными местами концентрации архивов на Дальнем Востоке становились административные центры – Хабаровск, Владивосток, Благовещенск, Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре, Александровск-на-Сахалине, Анадырь, Охотск, Никольск-Уссурийский, Спасск, Семено-Михайловское, Софийск, Мариинское, Керби, Екатерино-Никольское, Зeya, Иман, Удское. Несмотря на их молодость, по сравнению с западными регионами страны, в каждом так или иначе была представлена типичная для российской системы сеть ведомственных архивов. Это архивы местного правления, жандармского и полицейского управлений, воинских присутствий, судебных органов, прокурорского надзора, мировых судей, сиротского суда, нотариусов, земства, земских и городских управ, казенной палаты, контрольной палаты, фабричных инспекторов, акцизного управления, землеустроительных комиссий, лесничих, почтово-телеграфных контор, духовной консисто-

рии, соборных и приходских церквей, учебных заведений различных ведомств, сельских сходов и др.⁶ Специфика пограничной окраины, близость морского побережья, проведение государственной переселенческой политики и других колонизационных мероприятий на территории губернаторства, господство военного ведомства обусловили формирование архивов пограничного комиссара, заведующих водворением переселенцев в подрайонах, а также сеть таможенных архивов, архивов военных портов, крепостей, строительства и управления Уссурийской и Амурской железными дорогами и КВЖД, ссыльнокааторжного управления на Сахалине и других.

Наиболее важный документальный комплекс – архивы приамурского генерал-губернатора и губернаторов областей. Деятельность высшего чиновника Приамурского края, наделенного обширными полномочиями, отразилась в той документации, которая постепенно, в течение 30 лет – с 1884 по 1917 год, откладывалась через текущий архив в окончательный. Значительный объем архивного материала (до 10 тысяч единиц хранения)⁷ вообрал в себя информацию по всем территориям губернаторства. Указы императора, Сената, Государственного Совета об образовании Приамурского генерал-губернаторства составили отдельные подшивки дел, годовые отчеты самого генерал-губернатора императору, отчеты военных губернато-

³ Чернышева В.И. Хабаровск 1958–1983. Хабаровск. 1983. С.114.

⁴ Троицкая Н.А. Указ. соч.С.52.

⁵ Троицкая Н.А. Указ. соч. С. 53.

⁶ Маяковский И.Л. История архивного дела в СССР. М., 1960. С. 327.

⁷ Троицкий А.П. Вопрос об архивах и памятниках древней русской письменности в пределах Дальневосточного края. Владивосток, 1929. С. 68.

ДИРЕКТОРЪ
 МОДЕКОВЪ
 МУЗЕЯ
 ПРИАМУРСКАГО
 ОУДЪЛЪ
 ИМПЕРАТОРСКАГО
 РУССКАГО
 ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
 ОБЩЕСТВА.
 г. ХАБАРОВСКЪ

1
~~Оно Императорскому~~
 Императорскому Распорядительному Комитету Хабаровскаго Гарнизоннаго Собрания

4. Удобрив 1873
 Писаревским
 во избежание
 было ввиду
 и отчасти
 изысканий или
 Трутневъ
 Совету
 бы то
 профам
 бумагам
 направились
 Трутневъ

Совету Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ запискѣ 4. Января с.г., пересмотрѣвъ деловыя копия о временномъ предоставленіи Гарнизонному Собранию части участка принадлежащаго Библиотекѣ Отдѣла для склада архивныхъ матеріаловъ, постановилъ следующее: Ввиду того, что въ библиотекѣ хранится около 100000 книгъ, среди которыхъ есть очень цѣнныя рукописи, библиотечныя рѣдкости и книги, пожелавъ какъ и во Императорскомъ Великомъ Ученствѣ Императоромъ и ввиду того, что библиотекѣ необходимо обезопасить отъ всякихъ случайностей и въ особенности отъ пожаровъ, участкомъ принадлежавшимъ Гарнизонному Собранию, предоставить ему во временное пользованіе только на складываніе рукописей:

- 1) Существующій каменный заборъ, отдѣляющій землю Гарнизоннаго Собрания отъ земли Географическаго Общества не сниматьъ, а пригнать въ каменную ограда для прочности.
- 2) Во временное пользованіе Гарнизонному Собранию перецѣпить участокъ земли принадлежащаго въ три сажени и двинуть и оградить отъ забора городского бюджета до кустовъ, то у фонтана и т.д.
- 3) Гарнизонное Собрание обязуется оградить временно предоставленную ему участокъ вторымъ заборомъ съ тѣмъ, чтобы этотъ заборъ отступалъ отъ каменной стѣны библиотечной на одну сажень.

114

[Handwritten signature]

ров областей образовали аналитический материал, отражающий динамику развития края по всем направлениям. Не менее важной частью были доклады и обзоры губернаторов по конкретным вопросам. Они касались состояния сельского хозяйства, строительства Уссурийской железной дороги, развития русской торговли на Дальнем Востоке, почтовой гоньбы и др. Формировались архивные дела по предметно-тематическому принципу: манифесты Николая II, указы Сената о войне с Японией, отчеты о деятельности городских банков, переписка об учреждении крейсера для охраны северо-восточного побережья Дальнего Востока и мероприятия по охране Владивостокского порта. Вопросы открытия учебных заведений, учреждения публичных библиотек, образования Общества изучения Амурского края и Географического общества в Хабаровске, издания газет и открытия метеорологической обсерватории также находились в компетенции главного администратора края и оставались на постоянное хранение.

Архивы военных губернаторов областей по своему составу были схожи. Все губернаторы получали указы Сената, циркуляры министерств, до 1884 года – Главного управления Восточной Сибирью, а затем приамурского генерал-губернатора, вели деловую переписку по самому широкому спектру вопросов как с вышестоящими администраторами, так и с начальниками округов. Неизменно важное место среди них занимали бумаги по проблемам административно-территориального устройства, передислокации войск, флота и их обеспечения, охраны и разработки месторождений полезных ископаемых, осуществления мер в отношении политзаключенных, каторжан, ссыльных, а также состояния судоходства, почтово-телеграфной связи, взимания налогов и политики в отношении коренных народов⁸.

У каждого губернаторского архива содержание бумаг отражало специфику области. Так, архив канцелярии камчатского губернатора хранил материалы по обороне Петропавловска-Камчатского, документы о сдаче Г.И. Невельским дел и инструкций, отражающих исследования Амурской экспедиции (1855–1856), военному губернатору В.С. Завойко, об экспедиции Керцелли для ознакомления с положением на соболиных промыслах Камчатки. Кроме того, в архиве отложились донесения медицинского инспектора о борьбе с эпидемиями и открытии больниц, прошения купцов Российско-Американской компании о разрешении им снабжать продовольствием население Петропавловского порта и многие другие. А в архиве канцелярии губернатора Сахалинской области кроме документов по общему управлению островом сохранили ведомости о проведении переписи населения на острове Сахалине в 1884 году, документацию об организации разработки товариществом «Михайловский и К^о» каменноугольных залежей и уникальный комплекс материалов по каторге и ссылке, который включал персоналии деятелей партий и движений Центральной России конца XIX – начала XX века, много другой важной информации.

В окончательный архив военного губернатора Амурской области архивисты откладывали важнейшие правительственные циркуляры по устройству области, по поддержанию административно-полицейского режима в от-

ношении инакомыслящих, укреплению военных сил и переписку по хозяйственным вопросам. В отдельные дела формировали ведомости об экономическом развитии промышленных предприятий с указанием технической оснащенности, количества выпускаемой продукции, численности рабочих, условиях труда и зарплаты, дела по трудовым артелям и обществам рабочих механического, строительного, кожевенного и сапожного производства. Особыми папками оформлялись доклады, сметы и чертежи амурского областного архитектора. Для области большое значение имели состояние судоходства на Амуре, порядок организации торговли на золотых приисках, устройство переселенцев, организация и состояние казачьего войска – документы, отражавшие эти проблемы, были отложены на постоянное хранение.

Канцелярия военного губернатора Приморской области, несмотря на небольшую численность штата, сумела сохранить в постоянном архиве сотни дел. Наряду с административными документами: приказами, распоряжениями, отчетами, постановлениями, в хранилище находились ведомости о посеве зерновых культур и овощей, ценах на продукты, информация о сборе налогов, численности и составе населения, переписка с производителями работ в портах Тихого океана, разрешения частным лицам заниматься торговлей, горным и рыбным промыслом и другое.

Во Владивостоке кроме канцелярии военного губернатора значительную административную роль играло Приморское областное правление. Значительный массив документов, отражавших развитие Приморской области, отложился именно в архиве правления. Местом пребывания правления и его архива до 1880 года был Николаевск-на-Амуре, затем Хабаровск, а с 1888 года Владивосток⁹. Большой объем архива требовал к себе внимания – помещений, систематизации, обработки дел, их описания. Военный губернатор Приморской области при осмотре хранилища озадачил заведующего двумя вариантами: или уничтожить, или привести в порядок. В 1913 году архив пересортировал и документы обработали, и в итоге он составил более 20 тысяч единиц хранения¹⁰.

Фактически все стороны жизнедеятельности Приморской области нашли свое отражение в документах архива. Указы императора 1909 года о ее административном переустройстве, приказы приамурского генерал-губернатора и военного губернатора области, материалы о разделении, образовании и переименовании составили в архиве отдельный комплекс документов. Материалы местных самоуправлений области были представлены отчетами, донесениями, журналами старост, итогами выборов, перепиской по хозяйственным вопросам, приговорами сельских сходоков. Предполагаемого исследователя могли заинтересовать списки лиц, занимавших должность старосты в Николаевске-на-Амуре в 1864–1874 годах, устав Иманского общественного собрания, инструкция для Хабаровской городской думы. Многие дела, отражавшие развитие местной промышленности, могли бы стать серьезной научной базой для глубоких экономических прогнозов: стати-

⁸ Путеводитель по фондам ЦГА РСФСР ДВ. Т. 1. Дореволюционный период. Томск, 1961. С. 9, 18, 19, 37.

⁹ Обзор фонда № 1. ЦГА РСФСР ДВ. «Приморское областное правление». Томск, 1990. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 3.

стические сведения о золотодобыче в Амурской области, о рудниках общества «Тетюхе», о развитии овощеводства в северных районах, цифровые таблицы о рыбодобыче, о размерах полей зерновых культур в Приморской области, конных заводах М.И. Янковского и А.Д. Старцева, о завозе особых пород крупного рогатого скота из Восточной Сибири и другие¹¹.

Значительный комплекс документов составляли архивы войсковых казачьих правлений – Забайкальского, Амурского, Уссурийского. Наряду с отчетами, донесениями, рапортами и приказами в отдельные папки были отложены бумаги о наделении казаков землей, о переселении кубанских казаков на Амур, о выделении казаков в горно-полицейские управления для охраны рудников, о порядке сдачи хлебов с земель войска в казну, о развитии на казачьих землях животноводства, об управлении общевойсковым капиталом и ряд других.

Кроме подобных обязательных бумаг члены городской думы Владивостока посчитали необходимым сохранить в архиве приказы Владивостокского порта, разрешения на аренду частной городской земли под базары, а благовещенские думцы посчитали важными для будущего промышленно-экономический обзор Амурской области, доклады об открытии среднетехнического училища и средних учебных заведений. Для городских управ, старост, общественных управлений представлялось важным иметь в делопроизводстве списки мещан, купцов, сведения об обороте капиталов местных предпринимателей, взимании податей, о благотворительности и о выдаче свидетельств на право торговли. Так сформировались архивы местных самоуправлений.

Самым тщательным образом велись дела и сохранялись в губернаторстве архивы судов, прокуратуры, полиции, жандармерии, охранных отделений, тюрем и каторги. Состав их документов был похож на архивы аналогичных учреждений России. В соответствии с инструкцией по делопроизводству Министерства внутренних дел (МВД) дела в них заводились на каждого осужденного, привлеченного или подозреваемого. По каждому факту составлялись отчеты, акты, велась переписка. Это создавало огромный объем документов. Так, архив Благовещенской тюрьмы представлял собой более 20 тысяч единиц хранения, Владивостокской – более 5 тысяч, окружного Александровского полицейского управления – около 2 тысяч, Корсаковского – около 1,5 тысяч. Конечно же, особое место занимали дела «политических» и уголовников¹².

Ведомственные архивы казенных палат, казначейств, податных инспекторов, контрольных палат и акцизного управления, таможен, почтово-телеграфных контор, банков, статистических комитетов состояли из важнейших финансовых, учетных и статистических документов. Архивы переселенческих организаций, духовного ведомства, документация отдельных крупных экспедиций в значительной мере отражали процесс заселения края, зарождавшихся духовных институтов. Экономическое развитие Дальнего Востока отражено в документах архивов горно-

го управления, канцелярии старших фабричных инспекторов областей, биржевых комитетов, Приморского справочного бюро по рабочему вопросу и в архивах акционерных обществ, товариществ, частных фирм, занимавшихся тем или иным производством.

Немаловажное место в дальневосточном архивном фонде занимали частные архивы. Крупнейшие частные предприятия Дальневосточного региона, насчитывавшие сотни и тысячи рабочих, также имели значительные документальные собрания, отражавшие историю становления и развития предприятия, его техническую оснащенность, социальное положение работающих, экономические связи и перспективы. Владельцы мастерских Владивостокского порта, серебро-свинцового рудника «Тетюхе», Сучанских каменноугольных копий, Первореченских вагонно-сборочных мастерских, торговых фирм «Чурин и К°» и «Кунст и Альберс» создавали архивы исходя из практической целесообразности, не соблюдая особых правил архивоведения. С началом революции ряд предпринимателей постарались вывезти свою документацию за границу. Об этом стало известно позже, и советскими архивистами были предприняты попытки вернуть их на родину¹³. Многие из этих материалов и сейчас находятся в архивах США, Австралии, Китая, в современной литературе они получили название «архивная россия».

Документы частной жизни дальневосточников сосредоточились в семейных архивах, в частности известных предпринимателей, и отражали преемственность фамильного дела, родословное древо семьи, роль фирмы в жизни общества. По свидетельству научных сотрудников краеведческих музеев современного Дальнего Востока, многие из этих коллекций удалось сохранить потомкам Плюсниных, Чуриных, Ланиных, Пострых, Хмелевцовых, Топорковых, Пьянковых, Тетюховых, Янковских и других¹⁴. Домашние архивы собирались в семьях интеллигенции, чиновников, офицеров, реже в крестьянской среде. Известно, что приамурские генерал-губернаторы, в частности Н.И. Гродеков, Н.Л. Гондатти, имели не только свои библиотеки, но и личные архивы.

Опыт культурного развития Дальнего Востока в начале XX века еще не был настолько велик, чтобы сформировалось множество крупных частных архивов коллекционного характера. Тем не менее великолепные подборки редких книг, журналов, фотографий, документов, археологических находок сложились в семьях общественных деятелей, исследователей, ученых, среди которых Ф.Ф. Буссе, Н.М. Матвеев, В.К. Арсеньев, А.В. Кириллов. Эти собрания долгое время служили и хозяевам, и обществу заинтересованных людей, а со временем их передали в архивы общественных организаций или музеи. Они и поныне не утратили своей ценности.

Документальное богатство Дальнего Востока создавалось не только через официальное делопроизводство и частных лиц, но и благодаря деятельности общественных организаций. Все население края отличалось высокой общественной активностью, особенно характерной для горожан. Широкой известностью пользовались Владивостокское

¹¹ Там же. С. 3–52.

¹² Путеводитель по фондам ЦГА РСФСР ДВ. Т. 1. Дореволюционный период. Томск, 1961. С. 116, 124.

¹³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.Р-266. Оп. 1. Д. 92.Л.3

¹⁴ Бурилова М.Ф. Хабаровск купеческий. Хабаровск, 1998. С. 3, 33, 34, 48.

общество любителей природы, Благовещенское общество любителей правильной охоты, Хабаровское общество любителей конного спорта, общество содействия устройству детских развлечений и занятий, музыкально-драматическое общество, общество врачей Южно-Уссурийского края и многие другие. Все они считали обязательным избирать свое маленькое правление, вести документацию – журналы заседаний, программы мероприятий, членские списки, ведомости членских взносов, переписку. Несмотря на самостоятельный характер ведения записей, они свидетельствовали о высокой ответственности за проделанную работу перед будущими поколениями. Частично сохранившиеся документы дошли до наших дней¹⁵.

Особое место, с точки зрения истории архивного дела, принадлежало Приамурскому отделу Русского Географического общества (Хабаровск) и его Южно-Уссурийскому отделению (Никольск-Уссурийский), Обществу изучения Амурского края (Владивосток) и Амурскому отделению Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (Благовещенск). Наряду с исследовательской и просветительской деятельностью их члены занимались сбором редких, уникальных и необычных экспонатов для создания музеев. Среди них карты, схемы, грамоты, печати, фотографии, дневники наблюдений, свитки, письма, альбомы. Наибольший интерес архивистов вызывают такие записи в книгах поступлений: «Коллекция диаграмм золотодобывающей промышленности Амурской области», «Тунгусский календарь», «Археологическая карта берегов Амура», «Печать Маньчжурского чиновника с иероглифами», «Карта древних поселений в Шкотовском районе», «48 фотографий моделей машин, представленных на выставке 1913 года». В графе «от кого поступил экспонат» фамилии известных путешественников, общественных деятелей и просто любителей старины: В.Ф. Михайловский, М.А. Соловьев, Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньев, С.Н. Ванков, Б.В. Давыдов, П.Ф. Успенский, Л.Н. Ильин и другие.¹⁶ К 1917 году музеи вышеназванных обществ обладали немалыми коллекциями документов.

Для научного исследования собирались архивные реликвии в книгохранилищах Восточного института. Из экспедиций по Китаю, Корее, Японии преподаватели и студенты привозили уникальные собрания восточной литературы и документы. В 1900 году профессор А.В. Рудаков привез из Хуньчуня 24 ящика с документами. При содействии генерал-губернатора Н.И. Гродекова он приобрел в Цицикаре Китайско-Маньчжурский архив цзан-цзюня объемом в 20.000 томов рукописей и материалов. Это старинное собрание по истории социально-экономического развития сельскохозяйственного района Хэйлунцзянской и Гиринской провинций охватывало период с 1675 по 1900 год¹⁷. Для студентов и преподавателей Восточного института эти

«Тихоокеанская звезда». 1928

сокровища стали прекрасной базой исследования первоисточников по истории Маньчжурии. Во время этой же командировки А.В. Рудаковым приобретены «Полный свод по буддизму и даосизму» и много других китайских грамот и рукописей. В библиотеку передавали редкие книги преподаватели университета Е.Г. Спальвина, П.П. Шмидта, Г.В. Подставина, а также многие студенты. Из поступивших материалов и экспонатов сформировали два музея – этнографический и торгово-промышленный. Подобного собрания материалов по Востоку не было ни в одной библиотеке, ни в одном вузе России, а по маньчжурскому разделу оно превзошло даже Британский музей¹⁸.

Своеобразными архивохранилищами становились культовые учреждения: церкви, соборы, монастыри, костелы, молитвенные дома. И хотя на Дальнем Востоке России они не были столь древними и богатыми, как в западных регионах страны, тем не менее в специальных кладовых хранили документы как удостоверяющие факты рождения, смерти, вступления в брак дальневосточников (метрические книги), так и о своей деятельности.

Органы, управляющие духовной жизнью края, – Камчатское духовное управление, Благовещенская и Владивостокская консистории, канцелярия епископа Приамурского и Благовещенского и другие хранили указы Сената и Синода, ведомости, статистические отчеты и описи о состоянии и де-

¹⁵ Путеводитель ЦГА РСФСР ДВ. Т. 1. Дореволюционный период. Томск, 1961. С. 223–225.

¹⁶ Книги поступлений № 1, № 2 Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева; Книга № 1 квитанций по приему пожертвований в Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова; Инвентарный каталог Амурского областного краеведческого музея им. Г.С.Новикова-Даурского.

¹⁷ Усов В.Н. Как передавали Китаю Маньчжурские архивы // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4; Кастанов А.И. История «Маньчжурского архива» в России // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 15.

¹⁸ Дальневосточный государственный университет. История и современность. Ч. 1. 1899–1939. Владивосток, 1997. С. 26.

тельности церквей, документы об открытии церковноприходских школ, училищ, акты по отводу земель церквям, клировые, исповедальные и метрические книги, путевые журналы и другие документы о миссионерской деятельности на Дальнем Востоке¹⁹. Объем материалов отдельных духовных учреждений был настолько велик, что иногда исчислялся тысячами единиц хранения. В 1920-е годы архивисты Благовещенска в числе первых привезли в хранилище архив Благовещенской духовной консистории, составлявший около 8 тысяч дел²⁰. Наиболее закрытыми были архивы монастырей – Троицкого (ст. Шмаковка Приморского края), Рождества Богородицы (г. Никольск-Уссурийский), Богородично-Федоровского (с. Архангеловка Хабаровского уезда) и другие

В начале XX века на территории губернаторства оставались еще крупные архивы или их части существовавших учреждений или предприятий в период вхождения территории Приамурья до 1884 года в состав Восточно-Сибирского губернаторства: Главного управления Восточной Сибири (около 300 дел 1859–1884 годов), канцелярии сибирского воеводы (более 3 000 дел 1735–1822 годов), Российско-Американской компании, архива военного ведомств. Многие из них были вывезены в Санкт-Петербург.

Учитывая особенности геополитического положения Приамурского генерал-губернаторства для Российской империи, важно отметить дислокацию на его территории крупных военных сил и, следовательно, наличие больших комплексов архивных документов. В соответствии с инструкциями военного ведомства кроме текущего делопроизводства уделялось внимание и окончательным архивам, хронологические рамки которых охватывали часто более 50 лет²¹. Документы по личному составу войск составляли основную часть архивов, но вместе с тем они содержали справки, ведомости, приказы по вопросам формирования, обучения, передислокации, вооружения, а также материалы разведотделов, информационно-справочные бумаги, пограничные сводки²².

В 1906 году для обеспечения сохранности армейских документов Законом Российской империи «Об учреждении при штабе Приамурского военного округа окружного архива» был организован архив²³. В его хранилища направлялись не задействованные в постоянной практической работе документальные комплексы ликвидированных воинских подразделений, передислоцированных на запад и т. п. С переброской войск в 1914–1917 годах на Австро-Германский фронт архивы большинства воинских соединений вывезли в западные районы и приняли в центральные архивы страны²⁴. Оставшиеся небольшие массивы подобрали Приморская областная архивная ко-

миссия, уполномоченные испартоотделов, первые архивные учреждения²⁵.

Все ведомственные архивы, находившиеся на территории губернаторства, существовали обособленно, независимо друг от друга, фактически подчиняясь лишь правилам, установленным внутри ведомства, или уставными документами. В России, в том числе в Приамурье, в начале XX века отсутствовал централизованный орган, контролировавший их работу или на определенном уровне объединявший в систему архивы учреждений. Если в центральных губерниях эту роль в какой-то мере выполняли архивные комиссии или губернские архивы, то на Дальнем Востоке всю архивную политику определяли губернаторы, ведомства или владельцы частных предприятий. Все попытки объединения в один губернский архив оказались безуспешными. Так, в 1913 году правление Иркутской архивной комиссии обратилось к приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти с планом создания единого исторического архива Сибири и Дальнего Востока с целью использования его фонда в научных целях, но получило отказ²⁶. Еще одна попытка собрать документы Приамурья в единый комплекс связана с деятельностью Приамурского отдела Русского географического общества. В 1915 году историко-географический отдел общества представил генерал-губернатору обстоятельную записку о состоянии архивов на территории края и проект создания архива или архивной комиссии. На первом этапе предлагалось передать архивные материалы ведомств в ведение Приамурского отдела ИРГО. Однако проект отвергли. Н.Л. Гондатти мотивировал это тем, что комиссии неэффективны, нужно искать другой вариант в решении архивного вопроса²⁷.

Каждое ведомство стояло на страже своих интересов, и они не допускали никакой передачи дел ни для объединения документальной исторической базы, ни для научного исследования в самом архиве, ни для публикаций. Случаи работы с историческими документами были единичны. С особого разрешения генерал-губернатора допускались известные исследователи и общественные деятели В.К. Арсеньев, Ф.Ф. Буссе, А.М. Бодиско.

Итак, единого архива, объединяющего фонды различных учреждений и организаций, не существовало. Налицо была сеть ведомственных архивов, сохранность документов которых в большей степени зависела от добросовестности хранителей, от понимания начальством значения сохранения документов для потомков, сохранения «исторической памяти общества»²⁸. К 1917 году на территории Приамурского генерал-губернаторства образовалось около тысячи ведомственных и десятки частных архивов. Общий объем их фондов предположительно составлял около трех миллионов единиц хранения, они охватывали хронологический период более чем в 200 лет²⁹.

Фото предоставлены Госархивом Хабаровского края

¹⁹ Путеводитель ЦГА РСФСР ДВ. Т. 1. Дореволюционный период. Томск, 1961. 233–235.

²⁰ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф.Р-66. Оп. 4. Д.4. Л.116.

²¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.-Р. 289. Оп. 1. Д. 839.

²² Там же. Д.835.Л.5-6.

²³ Собрание законов Российской империи. 1906. СПб., 1909. Т. 26. С. 608.

²⁴ Изюмов А. Главное управление архивным делом. Краткий исторический очерк. // Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время 15.04.1918–15.04.1920 г.М., 1921. С. 14; Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель. Л. 1956. С.44–45, 153, 348–349, 416, 437.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д.839.

²⁶ ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д.45. Л. 58.

²⁷ ГАХК. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 21. Л. 145–146.

²⁸ Ермакова Э.В. Зарождение архивного дела в Приморье. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 6.

²⁹ Путеводитель ЦГА РСФСР ДВ. Томск, 1961.

Истинные ценности

Ольга ЗАВЬЯЛОВА

Государственному архиву Хабаровского края 29 марта 2016 года исполнилось 75 лет, и к этой серьезной дате он подошел настоящим миллионером. Главное архивохранилище нашего региона насчитывает 3 268 фондов общим объемом 1 миллион 8 тысяч 350 единиц хранения на различных носителях, которые всесторонне раскрывают историю Хабаровского края и Дальнего Востока в целом.

Обывательские представления об архиве как о пыльном месте, где хранятся скучные бумажки, уходят в прошлое. Сегодня это не только хранилище истории, но и региональный учебно-методический центр для архивных учреждений, организаций, предприятий края, центр научно-исследовательской работы, несущий миссию воспитания культуры памяти как важнейшего элемента общей культуры человека.

Государственный архив Хабаровского края образован в 1941 году путем объединения трех архивов –

исторического, военного и архива Октябрьской революции. Собранное и сохраненное документальное наследие нашего региона может сегодня заинтересовать, убедить и даже удивить. Десятилетиями бережно хранятся исторические материалы, документы личного происхождения, фотографии, афиши, листовки, карты, печатные издания, коллекции денежных знаков, рукописи, делопроизводственные материалы, аудиовизуальные документы.

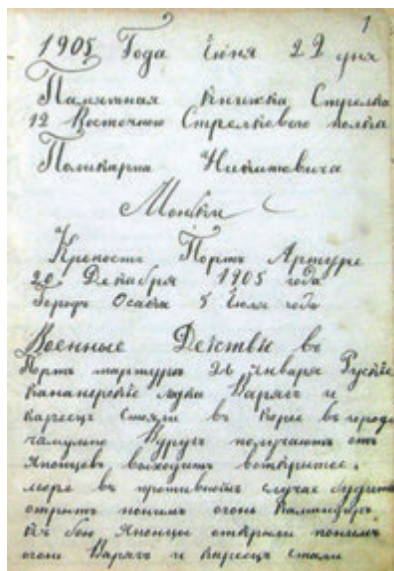
Архивный фонд Хабаровского края начал формироваться в 1920-е

годы. Затяжная Гражданская война и военная интервенция, сопровождавшиеся длительным пребыванием архивных материалов в условиях хаоса, безвластия, бесконтрольного вывоза за границу и массовой гибели документов привели к значительной потере архивных богатств региона. С окончанием Гражданской войны и включением Дальневосточной республики в состав РСФСР в истории архивного дела наступил необычайно сложный и важный период. Начало архивной службе Хабаровского края

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Личное дело Бюро российских эмигрантов последнего генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти

Памятная книжка солдата П.Н. Моньки, защитника Порт-Артура 1905 г., в, которой он запечатлел события Русско-японской войны

положено в 1923 году с момента образования уездного архивно-го бюро. В 1938 году в Хабаровске созданы три самостоятельных государственных архива: военный, исторический и архив Октябрьской революции. На основании постановления СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723 на их базе создан Государственный архив Хабаровского края с подчинением отделу УНКВД по Хабаровскому краю. В это время его фонд состоял из 135 653 дел, сосредоточенных в 1061 фонде.

Но уже через два месяца грянула война... Архивное управление при Наркомате внутренних дел ССР дало указание: «ценные архивные фонды Хабаровского края, Еврейской автономной и Амурской областей эвакуировать в глубь страны». Первоначально исторические документы вывезли в Минусинск, затем в Томск, где был образован Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ). С 1992 года часть исторических документов Госархива края, согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 13.02.1991 № 96 «О переводе Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока из г. Томска в г. Владивосток», хранится в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока во Владивостоке.

Сегодня в Государственном архиве Хабаровского края сосредоточено около 40 исторических фондов, среди которых множество значимых документов для воссоздания истории нашего края: постановления общего присутствия городской управы, приказы городского головы, списки гласных Хабаровской городской думы (1918, 1919 гг.), известия Хабаровского городского самоуправления (1913, 1914 гг.), документы Управления Уссурийской железной дороги (1897–1936 гг.), документы культовых учреждений Дальнего Востока (с 1826 г.) Есть и особо ценные документы, среди которых дневник солдата П.Н. Моньки, защитника Порт-Артура 1905 года, где он запечатлел события Русско-японской войны; удостоверение командующего партизанскими

отрядами Приморья А.К. Флегонтова; ультиматум генерал-лейтенанта М.Ф. Терехина командиру Сахалинской провинции генерал-лейтенанту Т. Китава о капитуляции; рукописная речь героя Гражданской войны С.Г. Лазо, произнесенная им на заседании Владивостокского Совета 3 апреля 1920 года, текст которой был написан им в тюрьме и тайно передан сотруднице газеты «Красное знамя».

В архиве сосредоточено 10 уникальных фондов харбинской россики, включающих более 57 тысяч дел, вывезенных хабаровскими архивистами в 1945 году из Маньчжурии. Хранятся здесь и документы Приамурского отдела Императорского русского географического общества конца XIX – начала XX века, стоящего у истоков изучения края в географическом, этнографическом и статистическом отношениях. В первую очередь, это протоколы заседаний отдела, подписанные С.С. Бабиковым, Н.А. Десулави, П.В. Плюсниным и др. Особую ценность представляют письма, резолюции, анкеты, рекомендации, написанные рукой известного ученого, путешественника и писателя В.К. Арсеньева.

Большинство и не подозревает о том, что в архивах сохранилось много сведений об их далеких предках. Однако в дореволюционной России уделялось большое значение систематизации и сохранению генеалогических знаний, которые стояли на страже имущественного и сословного права. В этом смысле архивы сегодня являются ценнейшими источниками информации. Собранные и сохраненные архивистами края метрические книги церквей, соборов, миссий, действовавших на территории Дальнего Востока, и метрические выписи, удостоверяющие факты рождения, смерти и вступления в брак жителей Приамурского края, брачные обыски начиная с 1826 года, содержащие оригиналы и копии документов для заключения брака, путевые журналы миссионеров, клировые ведомости, исповедные ведомости (рописи) сегодня являются основным источником изучения жизни наших предков.

З.Н. Матвеев – член Приморской областной архивной комиссии

Н.В. Кюнер – член Приморской областной архивной комиссии

А.П. Георгиевский – председатель президиума Приморской областной архивной комиссии

Р.С. Тишлер – сотрудник Дальневосточного краевого архивного управления. 1930-е

В.П. Голионко – руководитель архивной службы ДВ в 1925–1930 гг.

С.Х. Булыгин – руководитель Дальневосточного краевого архивного управления в 1930–1937 гг.

На сегодняшний день в госархиве сформировано более 120 фондов личного происхождения. Это документы участников Гражданской и Великой Отечественной войн, ученых, писателей, художников, музыкантов, общественных деятелей, учителей, врачей, краеведов. В последние годы архив принял на государственное хранение документы доктора технических наук, заслуженного архитектора Российской Федерации; Ю.А. Живетьева, фотокорреспондента В.Н. Токарского, доктора экономических наук Е.Л. Мотрич, ректора Хабаровского государственного педагогического университета В.В. Романова, профессора Дальневосточного государственного гуманитарного университета С.И. Красноштанова. Эти люди оставили для грядущих поколений документальную память о событиях и фактах жизни нашего города, края, страны, свидетелями которых они стали.

Главенствующую нишу в деятельности Государственного архива края занимает исполнение запросов социально-правового характера, тематических обращений от физических и юридических лиц. Благодаря активному применению ин-

формационных технологий в цифровую форму преобразовано более 11 миллионов электронных образов документов, а созданные поисковые базы данных позволяют обеспечить качественный и быстрый доступ к архивной информации, оперативно осуществлять поиск документов по запросам пользователей. Архивисты краевого учреждения ежегодно обрабатывают свыше 6 тысяч таких запросов и обращений.

Более 4 тысяч пользователей читальных залов госархива – в большинстве своем преподаватели и журналисты, аспиранты и научные сотрудники, работники музеев и библиотек, студенты и школьники, краеведы и историки-любители – ежегодно получают для своих изысканий более 15 тысяч архивных дел. Исследователи из Благовещенска, Владивостока, Иркутска, Комсомольска-на-Амуре, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского, Якутска изучают историю партий и политических движений, административно-территориальное деление Дальнего Востока и его влияние на жизнь региона, международные отношения и социаль-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Участники Первого Дальневосточного краевого совещания архивных работников. Хабаровск. 1927.
Во втором ряду третья слева – руководитель архивной службы ДВ в 1925–1928 гг.

Работники крайгосархива. 1944

но-экономическое развитие коренных малочисленных народов Хабаровского края, историю образования городов и поселков «малой родины», российской эмиграции и другие темы и события.

Очень важный аспект в работе главного архивохранилища – предоставление архивных справок или копий архивных документов, связанных с социальной защитой граждан, касающихся их пенсионного обеспечения, подтверждающих имущественные интересы, а также документов, необходимых для получения льгот и компенсаций в соответствии с законодательством Российской Федерации. Среди исполняемых госархивом запросов наряду с постоянными лидерами запросы имущественного характера, подтверждение стажа работы, доказательства о заработной плате и ее размерах; растет интерес к генеалогическим и биографическим сведениям, исполняются запросы, связанные с репрессиями и раскулачиванием, сведениями о метриках граждан (рождение, смерть, степень родства), информацией по вопросам опеки, учебы, наградений государственными и ведомственными наградами, выдаются исторические справки о населенных пунктах, отраслях, организациях.

Процессы демократизации и гласности открыли возможность доступа к ранее закрытой и сегодня рассекреченной части фондов. В читальных залах госархива для проведения научных исследований, генеалогических изысканий, поиска правоустанавливающих документов наряду с российскими пользователями работают и зарубежные, в том числе из Китая, Кореи, Японии, США, Канады, Австралии, Франции, Германии, Израиля.

Набирает обороты образовательная деятельность Государственного архива Хабаровского края в сфере архивоведения и документо-ведения. Создан справочно-информационный фонд, где сконцентрировано более 4 тысяч единиц нормативно-методической, научно-исследовательской, справочной литературы. Методистами архива ведутся теоретические и прикладные ис-

Ветераны Великой Отечественной войны знакомятся с изданиями архива

Художник-реставратор Е.Д. Миллер

следования, связанные с разработкой пособий, детализирующих работу по комплектованию и описанию документов. В целях популяризации архивных документов готовятся выставки, проводятся школьные уроки, студенческие лекции, дни открытых

дверей. Регулярно выходят циклы радио- и телепередач о ветеранах войны и труда, писателях и ученых, знаменательных событиях и датах, в местных и центральных периодических изданиях публикуются статьи различной тематики.

Ведущий архивист Е.Е. Ефремова. Оценка физического состояния фотодокументов

Архивисты уделяют большое внимание патриотическому воспитанию подрастающего поколения, активно взаимодействуют с образовательными учреждениями и учреждениями культуры края, участвуют в конференциях и семинарах. Наряду с уже традиционными семинарами и совещаниями для ответственных за делопроизводство в организациях и на предприятиях края, организуемых комитетом по делам ЗАГС и архивов правительства края совместно с Государственным архивом, в 2016 году стартует учебная программа по проведению курсов повышения квалификации в данной сфере деятельности. Целью образовательного проекта является изучение требований актуальных правовых и нормативных методических документов по документационному обеспечению управления и архивному делу, овладение практическими приемами ведения современного делопроизводства, а также формирование необходимых специалисту компетенций.

Издательская деятельность краевого госархива подарила десятки

справочников и сборников документов, которые снискали огромную популярность не только среди жителей края, но и в других регионах страны. В их числе «Религия и власть на Дальнем Востоке», «Трудный путь к Победе», «БАМ: через годы, через расстояния...», «Мастера кисти и резца», «Административно-территориальное устройство Хабаровского края. 1938–2009 годы», «Строительный комплекс Хабаровского края», «Из истории взаимоотношений и сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке» (1860–2008), серия сборников «Страницы истории» – о возникновении и развитии Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Николаевска-на-Амуре. Многие из этих изданий по итогам конкурса работ в области архивоведения, документо-ведения и археографии отмечены дипломами Федерального архивного агентства. Издание «Хроника. Хабаровский край. Годы и события 1938–2008 годы» и сборник архивных документов «Комсомольск-на-Амуре. Страницы истории» удостоены звания лауреата премии губер-

натора Хабаровского края в области литературы и искусства.

Архивные документы используются во всех сферах жизни современного общества. Никогда архивная информация не была востребована так, как сейчас. Документы государственных органов, предприятий и организаций различных форм собственности, документы личного происхождения отражают главнейшие направления различных сфер деятельности и развития края: промышленность и строительство, экономику и финансы, сельское хозяйство и потребительский рынок, культуру и образование, здравоохранение и социальную защиту и многое другое. Поступающие в архив год за годом, они несут вместе с собой отпечаток всех поворотов, нововведений, кардинальных изменений политического, социального и экономического характера.

А история госархива, как и самого края, продолжается.

*Фото предоставлены Госархивом
Хабаровского края*

Неугасающий костер

Елена НИКИШИНА

История Государственного архива Хабаровского края – это история и его сотрудников, прекрасно знающих свое дело, доброжелательных, отзывчивых. А еще тех, кто собирает свидетельства истории нашего края и потом щедро делится находками, пополняя архивные фонды бесценной информацией. Архив всегда был местом притяжения людей талантливых и увлеченных.

Собирающая «унесенных ветром»

В 1973 году научным сотрудником начала свой путь в архиве исследователь, автор многочисленных публикаций в средствах массовой информации Лидия Александровна Вараксина. В начале 1990-х, как и многие в то время, сменила род занятий, но не смогла жить без любимого дела и вернулась в госархив, где с 1995 по 2002 год была заместителем директора.

Документы личного фонда Лидии Александровны не только характеризуют ее как творческую личность, но и показывают ее роль в жизни архива, активное участие в общественной жизни города и края. В поле зрения Л.Н. Вараксиной находились едва ли не все вопросы архивной работы: организация дней открытых дверей, фотодокументальных выставок, участие в региональных и международных научно-практических конференциях. Она из тех редких людей, в которых идеально сочетаются необходимые для архивиста качества: память на документы, широкий кругозор и энергия, особенно важные в собирании материалов, умение понять интересы разных исследователей и живое желание помочь каждому.

Ее коньком были харбинские фонды, по материалам которых она писала статьи о Харбинском доме милосердия, о благотворительной деятельности харбинских организаций, о многих семьях «унесенных ветром». Именно она стала инициатором передачи документов семьи Дземешкевич о жизни российской эмиграции в Китае в госархив края. А началось все с радиопередачи из цикла «Золотой запас России», героиня которой Людмила Константиновна Дземешкевич, бывшая харбинка, проживающая в Омске, автор книг «Харбинцы» и «Харбинские были» рассказала о домашнем музее и первых съездах бывших харбинцев в России. Откликом на нее стало письмо Лидии Александровны о хранящихся в краевом архиве документах харбинской россики и просьба выслать в архив ее книги: «Очень хотелось бы пополнить наши печатные источники о харбинской эмиграции Вашими замечательными, по отзывам, книгами». В 2001 году в адрес архива поступили книги Людмилы Константиновны и ее мужа Павла Фаддеевича, затем документы домашнего музея и подлинные документы, письма и воспоминания бывших харбинцев, дайренцев, тяньцзиньцев, присланные ей из Австрии, Ав-

Лидия Александровна Вараксина

День русской культуры в Харбине. 1998

Людмила Дземешкевич – студентка медицинского училища. Омск. 1957

Л.К. Дземешкевич и корреспондент Э.А. Мамакина. Омск. 1994

стралии и Америки и разных городов России. В свою очередь архивисты в личных делах фонда «Главное бюро российских эмигрантов» (БРЭМ) нашли сведения о родственниках супругов Дземешкевич и отправили ей ксерокопии собственноручно заполненных ими анкет с фотографиями. Людмила Константиновна не прерывала связи с хабаровскими архивистами и после передачи домашнего музея в архив. Последняя из присланных ею посылок содержала дневниковые записи последних лет и несколько экземпляров книги «Украинская революция глазами Севастополя» с посвящением «Государственному архиву Хабаровского края и Лидии Александровне Вараксиной – великодушным дарителям на издание книги».

Переписка этих замечательных женщин завязалась в процессе работы с документами, длилась на протяжении двенадцати лет и хранится в их личных фондах в госархиве. Фрагменты писем – свидетельства не только того, каким долгим и извилистым путем попадают иногда документы в архив, где они будут храниться вечно, но и как они сближают людей, соприкасающихся с ними, об их духовном родстве.

07.02.2001. Омск

...Милостивая государыня, Лидия Александровна, счастлива выполнить Ваш заказ, высылаю книги. Благодарю за честь...

...Волнующе тяжело было сыну держать в руках почерк отца, которого он не знал, видеть его лицо на фотографии, которой не было в доме, вспоминать его благодарный, никогда не изменявший ни себе, ни своим клятвам, характер...

... за то низко кланяюсь Вам в ножки и понимаю, как велико значение того дела, которому посвятили жизнь Вы. Я тоже много работаю с архивами. Идут ко мне остатки уцелевших домашних архивов харбинцев со всего света. В благодарность за Ваше добро, сударыня, я по-

дарю Вам фотографии, документы, книги харбинские, которые мне прислали...

26.04.2001. Омск

...Буду рада отправить своих любимцев в их родной дом, каким считаю я Хабаровское отделение русского Харбина. Пусть живут в своем общем доме, а вдруг и встречи какие-нибудь произойдут, как устроили Вы мне нечаянные встречи с моими родными, за что я Вам так благодарна, милая Лидия Александровна.

29.05.2001. Хабаровск

...Очень хотелось бы, чтобы Ваш исключительно интересный личный архив не оказался разобценным по частям (частные руки, архивы, музеи, библиотеки). Было бы замечательно, если бы весь комплекс документов поступил в госархив, обладающий самой ценной коллекцией документов о русской эмиграции в Маньчжурии, при этом важно, чтобы фотографии и документы были проаннотированы.

Людмила Константиновна, дорогая, надеюсь, что наше содружество окажется надежным, и все наши мечты воплотятся в жизнь. Вы напишете еще не одну замечательную книгу, а наш архив пополнится Вашим личным фондом.

30.11.2001. Омск

...Китайские мудрецы велят нам смотреть на небо и на земле ни во что не вмешиваться, а только отмечать, что за чем последовало. Отдаваясь архивам, как легко можно это делать, да? Благодарю Вас, Лидия Александровна, за Ваше доброе внимание к моему писанию и нашему архиву. Вот бы мне да на ваших Брэмовских историях написать книгу!

12.02.2002. Хабаровск

...Вчера закончила разбирать документы, присланные Вами. Я восхищаюсь, Людмила Константиновна, Вами, удивляюсь Вашей трудоспособности. Только ис-

ключительно добрый человек, обладающий такой открытой душой и щедрым сердцем мог расположить всех этих людей к себе, в течение стольких лет вести с ними такую обширную переписку и стать для них связующим звеном между прошлым и настоящим. Удивительно, как много Вы успеваете делать: вести переписку, организовывать выставки, выпускать газету, писать свои замечательные книги о Харбине и харбинцах. Bravo!

25.02.2002. Омск

...Многие уже очень больны и стары, но все еще держатся за эти реликвии, и хоть я внушаю им, что участь этих документов после нас плачевна, все же хватаются за них, как будто будут жить вечно, и вечно лелеять их и беречь. Надо рассказать им об архиве БРЭМа и о самом Хабаровском архиве как об очень значительном архиве страны, чтобы честь оценили пребывания на этих полках...

...Теперь я буду знать, что есть у меня еще один дом, куда я всегда могу заглянуть, хотя бы письменно, и отправить туда на жительство очередную харбинскую семью. История русской эмиграции – история совершенно невероятная и глубоко поучительная. Как не было дворянства подобно российскому (И.Бунин), так и эмиграции не было подобно нашей...

...Я пока еще тоже цепляюсь за свои старинные фотографии, но говорю сыну, чтобы он тоже отправил их потом в мой хабаровский дом-хатку. Желаю всего доброго вашему, дорогому для меня, архиву.

26.04.2002. Хабаровск

Харбинцы, 20–40-х годов прошлого века, рассеянные по всему свету, вновь встретились в Ваших книгах и документах, которые после описания станут частью Харбинской архивной россики.

...у меня к Вам личная просьба: пришлите, пожалуйста, наложенным платежом на мое имя Ваши книги. Дело в том, что мне очень бы хотелось иметь Ваши книги в своей личной библиотеке. Мне очень близка харбинская тема и все, что с ней связано. Поэтому я сама хотела описать присланные Вами документы, создать к ним хороший научно-справочный аппарат, связать его с харбинскими фондами, вывезенными из Маньчжурии в 1945 году, но увь! Я работаю последний месяц.

13.05.2002. Омск

В Вашей «работе» со мной не чувствовалось работы, а была добрая заинтересованная беседа и желание послужить друг другу, от чего выигрывало дело – и вдруг Вы уходите! Думаю теперь, что все мои бумаги будут просто пылиться на вековых полках и тоже вековать. Ведь это такой великий труд – описать все, связать с фондами, чтобы могли подступиться ученые-исследователи.

28.05.2002. Хабаровск

Людмила Константиновна, милый Вы человек, я так подробно пишу Вам о наших архивных делах, потому что меня очень расстроило Ваше замечание: «Все мои бумаги будут просто пылиться на вековых полках и тоже вековать». Ничего подобного не случится. Ваши документы обязательно будут использоваться исследователями. Конечно, впереди сложная и кропотливая работа по описанию документов, но это под силу нашим архивистам. Люди, которые будут этим заниматься, неравнодушные к делу, эрудированные и очень скрупулезные (Ольга

Ивановна, Оксана Эрнестовна). Некоторые документы, книги, физическое состояние которых было очень плохим, наша Екатерина Давыдовна – золотые ручки – уже отреставрировала, для книг сделала новые переплеты, таким образом, их жизнь продлена на долгие годы.

08.06.2002. Омск

Очень рада, что заниматься моим архивом будут такие же люди, как Вы, дорогая Лидия Александровна, и очень сожалею, что наговорила по этому поводу ерунды, обеспокоившей Вас. Поблагодарите от меня и «золотые ручки» – Екатерину Давыдовну.

Я думала отдохнуть от харбинской темы, занявшись новоиспеченными гувернантками, но как только получаю конверты, так и трясусь, как охотничья собака. Вам-то, конечно, знакомо это чувство. Ну, бог даст, соберем еще что-нибудь в дополнение к нашему архиву. Я, как китайцы, стараюсь не думать и не просить, а оно само течет ко мне.

21.10.2004. Севастополь

Многоуважаемая Оксана Эрнестовна! Благодарю Вас за участие в нашем с Павлом Фаддеевичем архиве. Должно быть права Ольга Ивановна, что чем больше приложится рук и души, тем лучше. Права она и в том, что документы эти как нить связующая. Вот уже сколько друзей мы обрели.

Как складывается жизнь милой моему сердцу Лидии Александровны? Передайте ей, пожалуйста, мой душевный привет и благодарность за память в день моего рождения. Как бы я хотела ее увидеть! Она меня хотя бы по фотографиям знает, а я ее совсем никак. Снимите ее как старейшую работницу и подарите мне одну из этих фотографий, пожалуйста.

01.12.2008. Севастополь

Мы с Вами не часто обмениваемся письмами, но в душе и на языке Вы у меня постоянно. Я все сравниваю с Вами людей и жизнь их с Вашей. И все думаю: выигрываете Вы или проигрываете?

Декабрь 2008. Севастополь

2009-й уже на пороге. Когда-то Конфуций писал: «В 15 лет я ощутил стремление учиться, в 30 утвердился, в 40 освободился от сомнений, в 50 познал веление неба, в 60 мой слух обрел проникновенность, с 70 я следую желаниям сердца». Так, похоже, живете и Вы, дорогая Лидия Александровна. Пусть же этот год и Вас не обойдет добрыми движениями человеческих сердец. Ваша Людмила Дземешкевич

11 июля 2009. Севастополь

Ровно 4 июля пришло ко мне Ваше письмо, а через несколько дней тысяча рублей ко дню рождения, которые мне стыдно получать. Ради бога, остановите свою добрую руку и скажите, чем мне ответить Вам.

Сын недавно был в родовом имении по адресу, точно указанному в присланных Вами архивных документах. Нашел и краеведа, и тот водил по фольварку Дземешкевичей в 800 десятин и яблоневому саду, по дубовой аллее, по высохшему пруду и родовому склепу, где в войну хоронились люди от фашистов...

16 июня 2010. Севастополь

Дорогая Лидия, получила перевод из Хабаровска. У меня даже сердце остановилось, ведь Вы с января не рабо-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

таете сама... получается, что Вы уже вполнину спонсор на мою книгу. Душевное спасибо.

15 мая 2010. Севастополь

Милая Лидия Александровна, рада, что Вы в прежнем состоянии жизни своей доброй души. Как загляну в свой альбом, как увижу Вас в июне 2001 на фоне моста в Портленде, маленькую, тоненькую, в светлой улыбке, так и знаю, что, все перенеся, Вы выйдете победившей.

15 июля 2010. Севастополь

Дорогие мои друзья-архивариусы! Я, как Бунин, понимаю старомодное слово архивариус очень высоко. Хорошо зная харбинцев по общей с ними жизни и той энциклопедии, какую они составили своей перепиской, газетами, книгами, фотографиями, думаю, что терять эту богатую ветвь русской культуры нельзя. Масса харбинцев хорошо образованных, многие – хорошей русской породы. Их письма не только рассуждений полны, но и юмора, сарказма, иронии и христианского добра...

...Пришла пора отдавать все и заветный молитвослов настоятеля Свято-Троицкого монастыря, весь облитый ладаном. У японцев ценится вещь со следами жизни...

...Книгу я закончила («Украинская революция глазами Русского Севастополя»). Шла по пятам за оранжевой революцией, записывая и политику, но главное – бытовые сценки, украинские характеры. Семь лет вела дневники и по ним написала. Пошлю и дневники, так как в них жизни еще больше. Благодарю Вас за доброе Ваше участие к угасающему нашему костру.

17 февраля 2011. Севастополь

...Решаюсь я с просьбой обратиться к Вам, Ольга Ивановна. Лидия Александровна меня разбаловала: по моей просьбе она сделала мне пересъемку карты Харбина так хорошо, что все мелкие подписи улиц Харбина видны. Я ее переснимаю и дарю харбинцам, и хвастаюсь, конечно. Если Вам не очень затруднительно, переснимите мне фотографию 10 класса и Пекинского института, увеличив их побольше. А я повешу их на стенку, откармливая свою ностальгию. Если трудно, то обойдусь. Все-го хорошего желаю Вам в Вашем добром труде.

6 мая 2011. Севастополь

Милая, уважаемая Ольга Ивановна! Сердечное спасибо Вам за фотографии. Теперь, когда Вы увеличили их милые лица, с каким трепетом я рассматриваю их рожицы, сколько воспоминаний! Я даже их стала прятать от себя – такая грусть... Юность хлынула на меня и измучила. Говорил же Сенек: «Звери пугаются только при опасности, нас же мучит и будущее, и прошедшее. Память и предвидение вредят нам». Но мы тянемся и тянемся к ним!

28.10.2011. Севастополь

В Ваш юбилейный год, дорогая Лидия Александровна, обнимаю Вас душевно и радуюсь нашей встрече с Вами на этой земле. Пусть моя памятная ложечка укрепит Ваше здоровье, опускайте ее в воду и пейте, чтобы ионы серебра очистили Ваш организм. У нас в Харбине полагалось дарить такие ложечки на память...

Последнее письмо Людмилы Константиновны Дземешкевич датировано 31 января 2012 года.

...Главное, как здоровье Лидии Александровны? Вот бы ей летом покупаться в море в Крыму, где воздух сухой

и целебный. Мы предоставили бы ей комнату, обеспечили тишину и покой...

Людмила Константиновна ушла из жизни в апреле 2012 года после тяжелой скоротечной болезни. Лидия Александровна – ровесница архива, недавно отметила свое 75-летие, находясь на пенсии, не теряет с ним связи. Растит внуков, борется с недугами.

Кирпичи и кирпичики краеведа Жукова

Есть профессиональные архивисты, «хранители памяти», и специальность эта широкая и многогранная. Специалисты собирают, обрабатывают, учитывают, а в результате обнаружат наиболее ценные интересные документы. А есть энтузиасты-одиночки, для которых мир и люди прошлого представляют огромный интерес: как они жили, какими были, что делали... Это о неутомимом исследователе и знатоке хабаровской старины Анатолии Михайловиче Жукове. В Хабаровске он живет с 1977 года, по основной профессии шофер, а краеведческие изыскания стали увлечением всей жизни. Впрочем, то, что Жукову удалось сделать в этой области, трудно назвать любительством. К его исследованиям обращаются многие профессионалы, на него ссылаются в научных изданиях.

Родился Анатолий Михайлович 22 июля 1949 года в Николаевске-на-Амуре в семье морского офицера. Рос и воспитывался бабушкой, которая частенько запирала непоседливого внука. Вот тогда и приистрастился к книгам, особенно историческим, прочитанным по рекомендации хороших учителей. Пройдут годы, и прошлое Николаевска-на-Амуре станет для Жукова интереснее, чем мировая история. Позже его стало увлекать то, о чем не писалось в газетах и книгах. Прошел путь от любителя-дилетанта, записывающего все в общие тетради, до создателя картотеки исторических фактов с обязательной ссылкой на источник. Вначале изучал старые здания, затем улицы, это давало другие попутные сведения: кто был владельцем дома, кто его проектировал и строил, как возникла улица. Годами, буквально по крупичкам, откладываются в картотеке сведения о воинских частях, их командирах, об учебных заведениях, учителях, купцах, видных чиновниках и т. д.

На улицах «жуковского» старого Хабаровска растут ввысь и вширь родословные древа, обрастая все большим количеством жителей, их детей, внуков, правнуков. Сотни людей из ближнего и дальнего зарубежья благодарны Жукову за то, что он помог им найти родственников, потерявшихся в водовороте бурной истории нашей страны.

О картотеке Жукова знают все, кто когда-либо углублялся в изучение исторических фактов или личностей, оставивших след в истории Хабаровского края. Анатолий Михайлович собирает по кирпичику в прямом и переносном смысле свидетельства прошлого. Краеведческий музей хранит его коллекцию кирпичей с оттисками буквенного клейма производителя, коих в Хабаровске было немало. Человек искренний и неравнодушный, он бескорыстно делится не только с музеем, но и с архивом,

в котором начинал как исследователь, а теперь сам консультирует сотрудников и краеведов.

В 2010 году часть своих документов Жуков передал на постоянное хранение для создания личного фонда. Это лишь малая толика того, чем он располагает. Рукописи статей за 1991–2003 годы, написанные уборым почерком, почти без правок. За каждым словом чувствуется взволнованность, страсть, любовь к прошлому города. Ему интересно все – от Муравьевской слободки и Артиллерийской горы до истории тюрьмы и бань Хабаровска. Он не только сам увлечен историей, но и нас увлекает. В библиографическом указателе, составленном студентами Хабаровского государственного института искусств, 115 его статей, опубликованных с 1987 по 2000 год. Вот и выходит, что в средствах массовой информации он постоянный, ценный и нужный автор. За серию публикаций об истории Хабаровска Анатолию Жукову присуждено первое место в творческом конкурсе журналистов, посвященном 145-летию города.

Часть фонда Жукова составляют подлинные письма Веры Николаевны Бутынской, дочери заведующего отделением торговой фирмы «Чурин» в Хабаровске. Всего сорок писем за три года переписки. Вера Николаевна в письмах жалела лишь об одном, что не знала Анатолия Михайловича раньше, лет десять назад. Сколько бы всего интересного они поведали друг другу! А еще письма приморского краеведа Б.А. Дьяченко, автора книг и многочисленных публикаций по истории Владивостока. Из письма Б.А. Дьяченко А.М. Жукову: «Так глубоко в историю я еще не влез. И даже не знаю – влезу ли. Тут Вы одиноки, как дуб среди поляны, у Вас нет конкурентов, но и помочь Вам никто уже не может, так как знания наши несравнимы». А ведь это отзыв человека, который немало сделал для своего края: ценой публичной голодовки добился возвращения из Томска документов Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока и переноса из Парижа во Владивосток праха графа Николая Муравьева-Амурского и установки ему памятника.

Личных документов А.М. Жукова в копиях совсем немного (свидетельство о рождении, трудовая книжка, удостоверение общественного инспектора и члена президиума Хабаровского краевого Совета ВООПиК). Среди них выделяется орденская книжка: в 1990 году он одним из первых в нашем крае удостоен ордена «За личное мужество» за проявленные смекалку и смелость при задержании преступников. Увлечение краеведением получило признание, Жуков удостоен премии имени основателя Хабаровска Якова Дьяченко и премии губернатора, в фонде много благодарственных писем Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова за переданные в дар музею семейные реликвии, исторические предметы и фотографии. А свою знаменитую картотеку Анатолий Михайлович обещал со временем передать в Государственный архив Хабаровского края на постоянное хранение. Ведь цель его жизни – поделиться многолетними исследованиями с земляками, приобщить их к изучению своих корней, воспитать чувство гордости и уважения к предкам.

Фото предоставлены Госархивом Хабаровского края

На автомобиле УАЗ. 1990

На подведении итогов конкурса дарителей коллекций, а также отдельных предметов и документов, отражающих историю города Хабаровска. Май 2004 года.

Слева направо: А.М. Жуков, Л.И. Колосов, В.В. Чекунаев, В.П. Сысоев, В.П. Буря, Н.Д. Наволочкин

После вручения юбилейного знака «150 лет Хабаровску». 2008

Пушкин в памяти дальневосточников

*По страницам фондов Государственного архива
Хабаровского края*

Сергей БОГДАНОВ

Антонина Константиновна Дмитриева – краевед, почетная гражданка г. Хабаровска на открытии памятника А.С. Пушкину после реставрации. 1990

В каждом российском городе есть места, так или иначе связанные с именем Александра Сергеевича Пушкина. В Хабаровске имя великого поэта увековечено в названии улицы, мемориальных досках, ему поставлен памятник. В государственном архиве Хабаровского края хранятся документы об истории памятных пушкинских мест нашего города, о дальневосточных исследователях творчества классика русской литературы.

Хабаровск с XIX века является научно-культурным центром Дальнего Востока. 1894 год отмечен сразу несколькими важными событиями – создание Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО), краеведческого музея и Николаевской публичной библиотеки. С этого же времени в городе регулярно проходили народные чтения, на которых хабаровчане слушали доклады о творчестве классиков русской литературы, включая, конечно же, и А.С. Пушкина. По прошествии 40 лет со дня основания города на Амуре хабаровчане отмечали 100-летие со дня рождения Пушкина. В 1899 году торжественные мероприятия в честь великого поэта проходили во многих городах России, не стал исключением и Хабаровск.

В январе 1899 года Советом Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, Комитетом народных чтений, городской думой и учебными заведениями Хабаровска была составлена программа намечавшихся празднований. Приамурский отдел географического общества играл ведущую роль в научно-культурной жизни Хабаровска, в его работе принимал непосредственное участие генерал-губернатор Приамурья Н.И. Гродеков. Организаторы запланировали чтения произведений классика в училищах и казармах, в Алексеевском женском училище составили программу «литературно-вокально-музыкально-

Чествование в Хабаровске столетия со дня рождения А. С. Пушкина.

25 мая, во вторник, в 12 час. дня в хабаровской женской гимназии состоялось, на память столетия со дня рождения А. С. Пушкина, литературно-социально-музыкальное утро, программа которого была напечатана в № 275 «Прям. Вд.»

К назначенному времени, кроме воспитанниц и учащихся, на гимназию прибыли многие члены почетного совета и родители, преимущественно матерей. Торжественное чествование поэта началось с прибытия г. окружного инспектора, д. с. с. В. П. Маргаритова. В красиво убранной зале и фаянзах залы, в ливожь углу, стоял декорированный занавесью и цветами портрет поэта, близ которого учащими гимназии читались произведения его. Утро, по своей программе и по исполнению, произошло самое отрадное впечатление на публику. Хоръ ученицъ стройно ис-

«Приамурские ведомости» о праздновании в Хабаровске столетия со дня рождения А.С. Пушкина. 1899

го утра». В Успенском соборе – в те годы основном месте для всякого рода торжественных официальных мероприятий 26 мая, в день рождения поэта (по новому стилю 6 июня), прошла заупокойная литургия, на которой присутствовали генерал-губернатор, офицеры, гражданские служащие и учащиеся. По окончании Божественной литургии на Соборной площади (современная Комсомольская) отслужили торжественную панихиду. При совершении церковных обрядов пел «соединенный хор всех учебных заведений и любительский численностью около 200 чел.»¹.

В военном собрании на ул. Шевченко (ныне Художественный музей) прошли заседание ИРГО и музыкально-драматический спектакль, а зал собрания украшал бюст поэта. Центром мероприятий стал городской сад. Здесь на открытой сцене играли сцены из пьес, звучала музыка, устроили карусель и мачту с призами. Прохожим дарили портреты и произведения великого классика. В Иннокентьевском и Алексеевском женских училищах, кадетской школе и железнодорожном училище читали стихотворения и играли сцены из пушкинских произведений «Борис Годунов», «Полтавский бой», «Песнь о вещем Олеге». В Алексеевском училище исполнили 20 литературных номеров, 4 вокальных и 7 музыкальных произведений. Отличившиеся учащиеся награждались сочинениями Александра Сергеевича. В саду кадетской

Народный дом имени А.С. Пушкина

школы для учащихся Хабаровска были устроены детские гулянья: карусель, качели, «русская гора с... деревянными рельсами и... вагонеткой», тир, «призовой столб»².

О праздничных пушкинских днях горожан информировала газета «Приамурские ведомости». В номере за 16 мая 1899 года сообщалось: «27 мая все учебные заведения г. Хабаровска в здании приготовительной школы кадетского корпуса будут праздновать юбилей Пушкина... В тот же день, с 12 часов, в городском саду устроено будет празднество... Предполагается на открытой сцене дать представление из произведений Пушкина... 27 же мая, вечером, в здании военного собрания сценическим кружком устроен будет интересный музыкально-драматический спектакль»³.

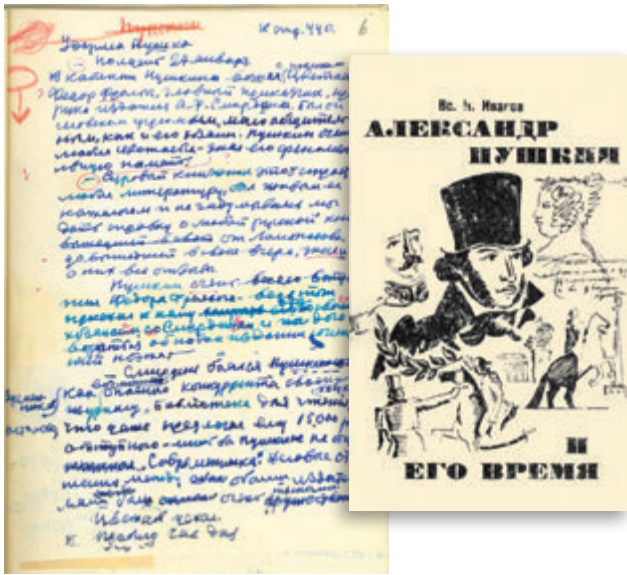
Широкое освещение пушкинского юбилея помогло Комитету народных чтений собрать финансовые и материальные средства. Редактор-издатель газеты «Владивосток» Н.В. Ремезов в адрес комитета направил 400 портретов А.С. Пушкина. Благотворители-хабаровчане на праздничных мероприятиях пожертвовали свыше 200 рублей. Благодаря усилиям общественности, Комитета народных чтений и Хабаровской городской думы имя поэта присвоили одной из центральных улиц города. Улица Пушкина – одна из важнейших улиц исторического центра с памятниками архитектуры Хабаровска. Пушкинской улица стала в 1899 году, и об этом напоминает памятная доска, установленная на здании, где находится магазин «Книжный мир». В наши дни в исторических зданиях на улице Пушкина (бывший жилой дом Д.П. Ступина – ныне Дворец бракосочетания, здание Николаевского реального училища, доходный дом В.В. Петренко, жилые дома И.Е. Михайлова и И.А. Гржибовского) работают коммерческие и административные учреждения.

Одно из исторических зданий на этой улице – народный дом имени Александра Сергеевича Пушкина. Народные дома в дореволюционной России были общедоступными культурно-просветительскими учреждениями, выполняя роль позднее появившихся клубов. Стараниями интеллигенции, передовых рабочих и ремесленников здесь создавались кружки по ликвидации негра-

¹ А. Сильницкий. Чествование в Хабаровске столетия со дня рождения А.С. Пушкина / А. Сильницкий // Приамурские ведомости. – Хабаровск. – 1899. – № 283. – С. 8.

² Там же. С. 11.

³ Приамурские ведомости. – Хабаровск. – 1899. – № 281. – С. 8.

Рукопись и книга писателя Вс. Н. Иванова «Александр Пушкин и его время»

мотности, библиотеки-читальни, театры. К 1914 году в России насчитывалось 222 народных дома. В 1899 году возник вопрос о строительстве в Хабаровске народно-просветительского учреждения. Для этой цели жители города собрали более 200 рублей. В 1901 году Хабаровская дума на заседании 18 декабря приняла решение о строительстве народного дома. В связи с тем, что идея о его строительстве возникла в год 100-летия со дня рождения поэта, ему присвоили имя Пушкина. Хабаровскому комитету народных чтений отвели участок земли 20 x 50 квадратных метров на Пушкинской улице ниже Николаевского городского училища. Средства в фонд поступали от литературно-музыкальных вечеров, редакции «Приамурских ведомостей».

К строительству дома приступили в 1902 году, но помешал случившийся в следующем году пожар, и завершилось оно спустя два года. Построенное здание стало в полном смысле слова народным домом. В нем размещались бесплатная библиотека-читальня и детская начальная школа. На первом этаже большой зал на 200 человек и сцена, где играли спектакли. Просветительскую работу народного дома курировал председатель комитета народных чтений Василий Власьевич Перфильев, более известный в Хабаровске как первый директор Николаевской публичной библиотеки. Во время русской революции 1905 года в народном доме проходили митинги солдат, рабочих и служащих; заседали стачечные комитеты. Но в феврале 1906 года по решению властей народный дом был на время закрыт и опечатан.

В 1906 году правление Общества содействию народного просвещения утвердило заведующим народным домом Константином Александровича Пупыкина. Он добился открытия при народном доме детской начальной школы для бедных, которая стала работать с осени 1907 года. В ней учились также дети воинов, погибших в Русско-японскую войну и позже – в Первую мировую. Школа и общественные учреждения содержались за счет средств Общества содействия народному просвеще-

нию. Нуждающимся ученикам бесплатно выдавали пальто, костюмы, обувь, тетради, учебники, грифельные доски. В зимние каникулы устраивалась елка с подарками и праздничным гуляньем⁴. Благодаря К.А. Пупыкину в народном доме создали кружки театрального, музыкально-хорового искусства, ликвидации неграмотности, швейного, столярного и слесарного дела⁵. Константин Анатольевич также устраивал вечера танцев для молодежи.

В народном доме помимо К.А. Пупыкина работали А.Н. Геласимова, А.И. Малышев и С.П. Щепетнов, известные участием в революционном движении и Гражданской войне. Антонина Николаевна Геласимова преподавала в начальной школе народного дома в 1915–18 годах. Педагогическая работа оставила у нее яркие воспоминания. В просветительском учреждении она участвовала не только в обучении детей, но и в организационно-педагогической работе среди преподавателей Приамурья. В 1980 году А.Н. Геласимова передала в архив воспоминания «Хабаровский народный дом им. А.С. Пушкина», где изложила историю народного дома и биографии его преподавателей⁶.

В 1917 году народный дом стал центром революционно-политической жизни, здесь проходили съезды Имано-Хабаровского союза народных учителей. В 1920-е годы здание отдали под бесплатную школу для обучения детей. В советское время народному дому за участие в событиях русской революции 1905–1907 годов присвоили статус историко-революционного памятника, и в 1997 году на его месте установлена памятная доска.

Еще в 1935 году первый ректор Хабаровского педагогического института Василий Иванович Вишняков заказал гипсовую скульптуру А.С. Пушкина в Москве в Краснопресненских художественных мастерских. Памятник планировали открыть к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина – в 1937 году, но в связи со строительством здания пединститута, а затем из-за начавшейся Великой Отечественной войны скульптуру установить не смогли. Долгое время она находилась в складском помещении, где и обнаружили ее в 1949 году японские военнопленные, строившие институтское общежитие⁷. В 1950 году памятник отремонтировали и установили на постаменте в сквере возле пединститута. В 1971 году студенты художественно-графического факультета отреставрировали скульптуру и перенесли ее к центральному входу. Но памятник стал разрушаться – появились трещины и пятна. Студенты худграфа вместе с преподавателем В.Н. Джунем делали все возможное для его реставрации, но их усилий оказалось недостаточно. Общественность Хабаровска в лице Антонины Константиновны Дмитриевой, в то время члена Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, действительного члена Географического общества СССР (за заслуги в деле реставрации памятников А.К. Дмитриева позже удостоена звания «Почетный гражданин города Хабаровска»), а

⁴ ГАХК. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 15а. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ ГАХК. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

также активиста Общества охраны памятников Т.С. Бесолицыной, общественного деятеля А.С. Комовского, журналистки А.М. Фельдман и других неравнодушных хабаровчан начала работу по выявлению истории памятника и возможности его реставрации. В различные инстанции – архивы, музеи, частным лицам – направили огромное количество запросов и писем. В 1985 году на заседании сектора монументального искусства НИИ Академии художеств СССР отметили, что памятник является профессиональной работой советского скульптора 1930-х годов. Сектор дал рекомендации по проведению капитальной реставрации памятника и замене постамент⁸. Документальное заключение о необходимости замены скульптуры подтвердила краевая архитектурная комиссия во главе с главным архитектором города Ю.А. Живетьевым. Встал вопрос о поиске средств и формировании реставрационной группы.

Благодаря усилиям общественности и руководства г. Хабаровска нашлись средства на реставрацию, и в 1989 году гипсовую скульптуру убрали для установки нового, более прочного памятника А.С. Пушкину. За реставрацию памятника в металле взялись скульпторы из Комсомольска-на-Амуре – Надежда Семеновна Ивлева и Сергей Васильевич Николин. В хабаровском скульптурном цехе сделали выколотку скульптуры из листовой меди – фигуру поэта «одели» в металл. Над этим с большим вдохновением трудились форматор Борис Филиппович Шляхов и чеканщики по металлу из Хабаровских художественных мастерских Игорь Мартемьянов и Сергей Черненко⁹. Перед установкой новой скульптуры изменили и постамент памятника. Его приподняли, расширили и облицевали в мрамор. В мае 1990 года реставрация была закончена. В 191-ю годовщину со дня рождения А.С. Пушкина – 6 июня 1990 года – обновленный памятник предстал перед хабаровчанами. В честь его открытия состоялся праздник поэзии.

Открытие памятника стало личной победой инициатора реставрации памятника Антонины Константиновны Дмитриевой. Неутомимая женщина посещала исторические пушкинские места, писала статьи и выступала с радиопередачами о творчестве А.С. Пушкина. Как краевед она исследовала генеалогическое древо пушкинского рода и историю появления памятника поэту в Хабаровске.

Пушкину посвятили стихотворения поэты-дальневосточники П. Комаров («Пушкин») и Л. Миланич («Квартира Пушкина»). Ежегодно, в день рождения поэта, в Хабаровском крае проводились конференции, книжные выставки, вечера поэзии. Писатели, лекторы и преподаватели в городах и районах края выступали с лекциями и докладами о пушкинской литературе. Книги поэта переведены на языки коренных малочисленных народов Дальнего Востока. В архиве в личном фонде нанайского филолога Сулунгу Оненко хранятся произведения Пушкина на нанайском языке: повесть «Станционный смотритель», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Творчество поэта привлекало и театральные

коллективы. В 1949-м, в год 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина, Хабаровский краевой театр драмы поставил пьесу «Александр Пушкин». И сегодня дальневосточные театры включают в репертуар его произведения.

Но самый весомый вклад в исследование творчества поэта внес известный дальневосточный писатель Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971). В архиве имеется фонд этого известного представителя российской эмигрантской и советской литературы, в котором хранятся 35 дел с рукописями исторического романа «Александр Пушкин и его время». Среди них и рукопись главы «Граф Аракчеев», не вошедшая в окончательный вариант романа, а также рецензии на этот роман, написанные известными писателями Д. Нагишкиным, К. Симоновым, письма-отзывы С. Щипачева, А. Пришвина, В. Кочеткова, С. Маркова.

Из письма К. Симонова 5 июля 1967 года: «Вашу рукопись о Пушкине читал с большим интересом. В ней есть самое главное – возникает общество, эпоха, атмосфера, в которой жил Пушкин»¹⁰. Л. Леонов в письме от 14 ноября 1970 года: «Дорогой Всеволод Никанорович, с большим удовольствием получил от Вас книжку «Александр Пушкин» – тема старая, но вечно новая – поразительное явление, происходящее от непрестанной надежды нашей узнать еще и еще что-нибудь об этом поэте, навечно усыновленном Россией»¹¹. Сам Всеволод Иванов так писал о своей работе над произведением: «Никогда я до того не писал ничего так увлеченно, как эту книгу, и в то же время с чувством полной ответственности. Живой Пушкин нужен, необходим нам, как Шекспир – Англии, Гете – Германии, Данте – Италии, Шевченко – Украине, Ш. Руставели – Грузии. Нужен нам как ведущий в конкретности, освещающий в деятельности, в подвиге, жизни...».

Фото предоставлены Госархивом Хабаровского края

Список источников и литературы

1. ГАХК. Ф. Р-780. Личный фонд А.Н. Геласимовой. Оп. 1. Д. 15а. Хабаровский народный дом им. А.С. Пушкина. Воспоминания. 1980 год.
2. ГАХК. Ф. Р-1103. Личный фонд Вс. Н. Иванова. Оп. 1. Д. 182. Письма писателей С. Щипачева, Ю. Шестаковой, Л. Леонова, Н. Яновского. 1961–1971 гг.
3. ГАХК. Ф. Р-1128. Оп. 1. 159. Документы Комитета по подготовке и проведению «Дня русской культуры». 1937 год.
4. ГАХК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 824. Документы выставки «Наш Пушкин», посвященной 200-летию со дня рождения поэта. 1999 год.
5. ГАХК. Ф. Р-1938. Личный фонд А.К. Дмитриевой. Оп. 1. Д. 1. Документы о реставрации памятника А.С. Пушкину. 1979, 1981, 1983, 1986–1990 гг.
6. ГАХК. Ф. Р-1938. Оп. 1. Д. 5. Тексты статей и вырезки статей о А.С. Пушкине, собранные А.К. Дмитриевой и написанные ею. 1987–1991 гг.
7. ГАХК. Ф. Р-1938. Оп. 1. Д. 37. Воспоминания А.К. Дмитриевой об истории реставрации памятника А.С. Пушкину в г. Хабаровске – «Наш Пушкин». 1978 год.
8. Архиепископ Нестор. Праздник русской культуры // День русской культуры. – 1935. – 9 июня. – С. 4.
9. А. Сильницкий. Чествование в Хабаровске столетия со дня рождения А.С. Пушкина // Приамурские ведомости. – Хабаровск. – 1899. – № 283. – С. 7–11.
10. Приамурские ведомости. – Хабаровск. – 1899. – № 281. – С. 8.

⁸ ГАХК. Ф. Р-1938. Оп. 1. Д. 38. Л. 3-4.

⁹ ГАХК. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р-1103. Оп. 1. Д. 182. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 2.

Дом, где хранится история

Наталья БЕНДИК

Новый дом для Комсомольского-на-Амуре городского архива

Комсомольску-на-Амуре очень повезло. Теперь его история будет храниться в новом доме, в новом архиве, в условиях высокой комфортности по улице Санитарной, 2а. Это событие особой значимости для всей архивной службы Дальнего Востока, поскольку более 70 процентов муниципальных архивов ютятся в небольших приспособленных помещениях или же в двух-трех комнатах администрации района.

Читальный зал Комсомольского-на-Амуре архива

Спасательные работы во время затопления архива в 2013 году

Светлое обновленное здание с просторными коридорами, кабинетами, архивохранилищами, огромными окнами, уютным читальным залом и подсобными помещениями построено в 1957 году как школа, потом стало учебным комбинатом, а сегодня приобрело новую жизнь! Благодаря серьезной разработке проекта капитального ремонта здания, его финансового обеспечения, замене всех коммуникаций на новые, а также грамотно продуманной системе оборудования архивохранилищ и рабочих кабинетов появился современный городской архив.

Его общая площадь 1 900 квадратных метров, высота потолков около 3 метров. Без изыска, но все самое важное и необходимое в здании есть: регулируемое отопление, сигнализация, современная система пожаротушения и климат-контроля, освещение, металлические стеллажи, удобная мебель в читальном зале и кабинетах, зона приема посетителей с информационными стендами и возможностью составить заявление, ожидать приема специалистами, ознакомиться с интересной выставкой о замечательных горожанах, чьи фонды хранятся в архиве. Архивохранилища заполнены

пока не на 100 процентов, а лишь на 60–80, свободными оставлены полки для пополнения фондов от организаций-источников комплектования. Есть пока небольшой резерв, и хотелось бы его сохранить на несколько лет. Первейшее правило архива – думать о том, как сохранить будущую историю.

Новое здание Комсомольский-на-Амуре городской архив получил за год до своего 70-летия, и это произошло неслучайно. С одной стороны, это учреждение, достойно выполняющее миссию хранителя городской истории, давно заслужило такого внимания со сторо-

ны органов власти и управления. С другой стороны, его руководитель Александр Владимирович Синюта и весь коллектив приложили такие серьезные усилия к решению проблемы о предоставлении здания, что иначе и не могло быть.

Комсомольский-на-Амуре городской архив образован решением Комсомольского-на-Амуре горисполкома 20 января 1947 года. За долгие годы в его жизни происходили различные преобразования: с 1969 по 1996 год он был филиалом Государственного архива Хабаровского края, с 1991 года в его состав входил сектор документов по личному составу, в который принимаются документы ликвидированных организаций. В 2006 году у организации появилось новое название – муниципальное архивное учреждение «Комсомольский-на-Амуре городской архив». В августе 2013 года, когда на Хабаровский край обрушилось наводнение, архивистам под руководством А.В. Синюты удалось спасти фонды архива от гибели. Не хочется говорить высокими словами, но архивисты-комсомольчане действительно проявили в те дни высокую степень ответственности, истинное служение архивному делу. Александр Владимирович Синюта награжден благодарностью губернатора Хабаровского края за мужество и спасение архивных фондов в сложных условиях стихийного бедствия.

Сегодня в Комсомольском-на-Амуре архиве хранится около 200 тысяч единиц хранения, охватывающих период с 1919 по 2013 год. Да, городу всего 84 года, но приехавшие сюда со всего СССР люди привезли свою историю, семейные реликвии, тоже ставшие частью документального наследия. В фондах архива документы о строительстве Комсомольска-на-Амуре, его заводах, предприятиях, обеспечивавших повседневную жизнь горожан, его культуре, спортивной жизни, благоустройстве, здравоохранении, знаменитых гостях.

Многое изменилось за эти десятилетия. С 1990-х в архивную работу начали активно входить явления нового общественного строя и технического прогресса: рассекречи-

Директор Комсомольского-на-Амуре городского архива А.В. Синюта

Гость архива – мэр Комсомольска-на-Амуре А.В. Климов

вание ранее закрытых фондов, информационные технологии, расширение зоны использования документов, повышение профессионального и образовательного уровня работников архива, обновление технологических процессов хранения фондов, расширение спектра оказания государственных услуг и другие. Значительную часть архивного фонда составляют фонды личного происхождения таких известных комсомольчан, как Е.В. Дородный, М.М. Скляренко, Л.С. Несветаев, П.Л. Фефилов, С.И. Вишнякова, А.В. Машенко, Л.Н. Долгов и других. Архив активно взаимодействует со многими организациями города, проводит для учащихся школ, студентов, горожан выставки, экскур-

сии, школьные уроки, встречи. Созданы все условия для проведения практических занятий, прохождения практики для студентов, обучающихся по направлению «Документоведение и архивоведение».

Конечно же, все эти достижения стали возможны благодаря людям, которые работали и продолжают работать на репутацию своего архива. Среди ветеранов Л.Н. Грабко, Т.П. Бусоргина, С.Г. Сухарева, Ж.А. Худолева. Значительный вклад в развитие архивного дела внесли А.А. Колпакова, В.П. Агеева, а также возглавлявшие в разные годы Комсомольский-на-Амуре архив В.З. Корень, В.П. Корсун, Л.В. Полугарова (Савостина), Г.В. Сочелева, Л.Н. Ромашко.

Знак лучших

Лидия ЛЮСАЯ

В Хабаровске ежегодно вручается памятный знак «Лучший хранитель истории» – за бережное отношение к истории города и сохранение семейных архивов. За пять лет, с 2010-го по 2015-й, высокой награды удостоены 30 лауреатов, среди которых и организации, и конкретные люди.

Эта история началась еще в 2008 году, когда во время подведения итогов смотра к 150-летию Хабаровска «История, город и я» конкурсная комиссия вышла с предложением к руководству администрации города с просьбой учредить знак особого отличия. Инициативу поддержали, а дизайнеры постарались сделать памятный знак «Лучший хранитель истории» ярким и запоминающимся. На стилизованном пере изображены землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, открывавший в середине XVII века для русского государства приамурские земли, и первооткрыватель военного поста Хабаровка капитан Яков Васильевич Дьяченко. В центре пера часы, символизирующие ход времени, на трех гранях основания изображены виды Хабаровска (Амурский утес, здание администрации города Хабаровска, храм Серафима Саровского), на четвертой – герб города.

По инициативе городской общественности первым, кому вручили памятный знак «Лучший хранитель истории», стал мэр Хабаровска Александр Николаевич Соколов. В 2010 году он награжден за большой вклад в сохранение исторического наследия Хабаровска. При поддержке и непосредственном участии А.Н. Соколова в 2004 году открыли Музей истории города, и за небольшой отрезок времени он стал уникальным хранилищем бесценных исторических собраний. А ведь эту идею городские власти безуспешно пытались реализовать с 1960-х годов. При участии мэра восстановлены и созданы памятники истории и культуры – Ерофею Хабарову и Якову Дьяченко, молодым защитникам города Хабаровска 1921 года (ранее памятник девятнадцати комсомольцам) и другие.

Хабаровск стал одним из немногих городов на Дальнем Востоке, где созданы все необходимые условия для сохранности архивных документов, которые обеспечивают не только конституционные права граждан, но и имеют важное историческое значение. 3 ноября 2012 года Хабаровску присвоено почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы», и в этом тоже особый вклад А.Н. Соколова и его команды в летопись города.

Несмотря на то, что история памятного знака сравнительно молода, за его соискание уже боролись более ста кандидатов, и лучшими стали тридцать. «Лучшим хранителями истории» признаны музейные организации, среди которых музей истории Краснофлотского района, собравший уникальные экспозиции по истории Краснознаменной Амурской флотилии; музей «Богдановка» детского санатория «Амурский» – за уникальную экспозицию, посвященную истории Богдановской заимки; музей истории Тихоокеанского государственного университета, сформировавший

коллекции документов и предметов, отражающих историю становления и развития университета; музей истории Амурского моста Дальневосточной железной дороги – филиала ОАО РЖД – за создание коллекции документов и музейных экспонатов по истории развития железнодорожного мостостроения на Дальнем Востоке начала XX века и многие другие музеи учебных заведений, организаций и ведомств.

Хабаровская городская организация Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов отмечена памятным знаком за создание исторических фильмов «Вечный огонь памяти» и «Все для победы» о хабаровчанах – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла, а совет ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Центрального района города Хабаровска – за формирование коллекции документов и предметов об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла Центрального района Хабаровска.

А вот лишь некоторые имена хабаровчан, названных лучшими хранителями истории. Это В.И. Бабий, собравший историческую коллекцию редких документов, предметов и фотографий; В.А. Лысунец, написавший ряд исследований по истории Хабаровска и сформировавший коллекцию документов о В.Я. Дьяченко, А.А. Насыров, создавший коллекции ретроавтомобилей и документов об истории деятельности клуба «Авторетро»; В.З. Хидиров, автор коллекции материалов по реставрации и восстановлению памятников истории и архитектуры города Хабаровска; Н.П. Гребенюкова, автор коллекции документов и предметов по истории культуры и искусства Дальнего Востока и города Хабаровска. Среди тех, кто создал семейные архивы, А.А. Косицына, Е.В. Номероцкая, Г.В. Платонова. Н.Г. Гладун.

В некоторых архивах отражается не только линия жизни их создателей, но и тех сфер, в которых они трудились. Почетный гражданин Хабаровска М.Я. Киреева отмечена памятным знаком за коллекцию документов и предметов, которые отражают ее профессиональную и общественную деятельность по сохранению истории гимназии № 1. Среди лауреатов и доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета, председатель совета Хабаровского краевого отделения Всероссийской общественной организации охраны памятников истории и культуры Н.П. Крадин, награжденный за создание личной коллекции документов, книжных изданий и научных трудов об истории архитектуры города Хабаровска и Хабаровского края.

Это наша память

В Хабаровске ежегодно проходит смотр-конкурс

«Лучший хранитель истории»

Марина КОСТРОМИНА

Экспозиция
политехнического
лицея

Музей средней школы № 12

Фундаментальная ценность любого государства заключается в способности сохранять собственные традиции и культуру, что очень созвучно с основной задачей смотра-конкурса «Лучший хранитель истории», который проводится в Хабаровске. Его формат оказывает большое влияние на необходимость сохранять историю нашего отечества посредством создания семейных архивов, ведомственных музеев и музейных комнат, частных коллекций документов и предметов.

Коллекция документов совета ветеранов
Центрального района

Коллекция почтовых марок и конвертов В.И. Кубрина

Очередной конкурс «Лучший хранитель истории» был посвящен 70-летию победы в Великой Отечественной войне, его победителями стали городской совет ветеранов и совет ветеранов Центрального района г. Хабаровска, два ведомственных музея – средней школы № 12 и политехнического лицея, а также Валерий Иванович Кубрин – ветеран военной службы, член правления Хабаровского краевого отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство».

Городской совет ветеранов, принимая решение о создании фильмов «Вечный огонь памяти» и «Все для победы», считал своим долгом через рассказы хабаровчан, участвовавших в защите Москвы и обороне Ленинграда, в сражениях на Курской дуге, взятии Берлина, войне с Японией, а также тех, кто был узником фашистских лагерей, кто трудился на оборонных заводах нашего города, еще раз вернуться к истории Великой Отечественной. Тем более что в последнее время она часто подвергается искажению и фальсификации.

В фильме «Вечный огонь памяти» звучат рассказы Николая Ивановича Волошина, командира зенитно-артиллерийской батареи, участника обороны Москвы, Василия Степановича Горелова, старшины разведроты 345-й дивизии 1-го Дальневосточного фронта, Бориса Аркадьевича Кожевникова, командира зенитно-пулеметного взвода Донского, Воронежского, 2-го Белорусского фронтов, Владимира Михайловича Корякова, старшины 2-й статьи Тихоокеанского флота 26-й отдель-

ной батареи береговой обороны и других участников войны. Когда смотришь этот фильм, трудно оставаться равнодушным. Особенно в тот момент, когда одна из героинь фильма «Все для победы» Нина Андреевна Поздеева, рассказывая о том, как совсем еще девчонкой работала токарем на Хабаровском заводе имени В.М. Молотова, вытачивала стабилизаторы для мин, воскликнула: «... и сейчас, если потребует, мы все встанем на защиту Родины!» В словах далеко не молодой женщины столько искренности и внутренней силы, что приходит отчетливое понимание, почему наша страна сумела выстоять в той страшной войне.

Совет ветеранов Центрального района представил на конкурс большую коллекцию документов, фотографий, видеоматериалов, периодических изданий, брошюр, альбомов, сочинений школьников, стихов, а также выставку портретов ветеранов войны и тружеников тыла. Музей политехнического лицея собрал уникальные свидетельства о жизни 26 участников войны – жителей Краснофлотского района Хабаровска. Это фронтовые письма и дневниковые записи, газеты военного времени, воспоминания солдат. В этом собрании много интересного. К примеру, документы и награды семьи Бурыкиных: деда, Степана Евдокимовича, участника Гражданской войны, его сына Семена Степановича, участника Великой Отечественной и сына Семена Степановича – Алексея Семеновича, воевавшего в Афганистане. В этом же музее документы и награды Бориса Аркадьевича Кожевникова, которому недавно присвоено звание «Почетный гражданин города Хабаровска». Обращаясь к военной коллекции, которая хранится в средней школе № 12, можно узнать, что у Николая Михайловича Бакланова 5 орденов, 26 медалей, а также 7 грамот Верховного командующего. Это не может не восхищать. Но самое главное, архивные собрания лицея и школы активно используются. К ним обращаются школьники, готовя исследовательские работы и рефераты, с которыми затем успешно выступают перед различными аудиториями. Ряд таких работ получили всеобщее признание.

Все это, безусловно, оказывает влияние на воспитание юного поколения: узнавая о подвигах своих предков, школьники проникаются личной ответственностью за возрождение величия своей страны. Ведь еще Аристотель утверждал, что судьба империи зависит от воспитания молодежи. Вот и руководители музеев-победителей конкурса Валентина Павловна Крестинская и Вера Семеновна Попова, работая с ребятами, много сил отдают воспитанию в них чувства верности Отечеству.

Отдельной строкой конкурса «Лучший хранитель истории» стали частные собрания. Коллекция почтовых марок и конвертов, собранная полковником запаса Валерием Ивановичем Кубриным, рассказывает о славной и трагической эпохе нашей страны 1941–1945 годов. Она состоит из трех тематических частей, связанных с отступлением и обороной, наступлением и победой. Каждая из них делится на подразделы «Вооруженные силы Германии», «Народное ополчение», «Партизанское движение», «Города-герои», «Союзники СССР против немецко-фашистской Германии», «Оборо-

Лауреаты памятного знака «Лучший хранитель истории» 2010–2015 годов, участники смотра-конкурса 2015 года, представители структурных подразделений администрации города Хабаровска и ветеранских организаций города

Валерий Александрович Шубин, председатель Хабаровской городской организации Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил (на сегодняшний день бывший)

Валерий Иванович Кубрин, ветеран военной службы, член правления Хабаровского краевого отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». 2015

Галина Николаевна Чековец, председатель совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Центрального района города Хабаровска

на морских конвоев». Здесь такие раритеты, как марка, проштампованная 9 мая 1945 года, конверты выпуска 1941 года с лозунгами «Будь героем!», «По призыву великого вождя народов тов. Сталина сыны советского Отечества вступают в народное ополчение», «Громи врага, иди на приступ, бей немцев яростно, боец! Чем больше ты убьешь фашистов, тем ближе Гитлера конец»,

марки с изображением участников Тегеранской и Потсдамской конференций. Эти знаки истории, собранные Валерием Ивановичем Кубриным, очень востребованы, они экспонировались в здании Хабаровского почтамта, Краевом доме ветеранов, музее КДВО, Краевом музее им. Н.И. Гродекова. Сам автор коллекции считает, что посвящена она одной главной теме – нашей Памяти.

В архивах вся наша жизнь

ООО «Бизнес-Архив» в дальневосточном архивном сообществе

Наталья БЕНДИК

Так выглядит архив «под ключ»

Уже 12 лет, с 16 января 2004 года, общество с ограниченной ответственностью «Бизнес-Архив» выполняет свою миссию по сохранению и использованию документального наследия России. Из дня в день его сотрудники вместе со всеми архивными учреждениями страны пытаются решить одну из главных проблем в своей области: «Хранить нельзя уничтожить». Где поставить запятую?

ООО «Бизнес-Архив» зарегистрировано в Хабаровске, но имеет своих представителей в других городах Дальнего Востока. В его уставе, в разделе «Перечень услуг», отмечено все, что характерно для обычных государственных и муниципальных архивов Российской Федерации. И все же основной объем рабочего времени специалистов «Бизнес-Архива» занимают два направления – информационно-поисковая работа, связанная с выявлением документов по темам, которые заказываются исследователями, краеведами, общественными, муниципальными и государственными учреждениями, и организация делопроизводства и архива в учреждениях, семьях, обществах.

Специалисты, занимающиеся этой работой, – люди творческие, любящие историю, обладающие настоящим исследовательским азартом. Они искренне радуются находкам, пусть даже самым маленьким, продвигаются вперед и в итоге создают родословное древо, очерк, галерею руководителей, историческую справку, журнал, книгу. Наибольших успехов в этом направлении достигли в разные годы Н.А. Удалова, В.С. Даютова, О.Н. Колесников, А.И. Никишина.

Одним из самых интересных проектов «Бизнес-Архива» стала книга «Летопись городской власти», посвященная 80-летию Комсомольска-на-Амуре. В 2012 году, после победы на конкурсе, на его осуществление была получена субсидия из краевого бюджета. В итоге на Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор» книгу отметили бронзовой медалью в номинации «Фотоальбомы, юбилей-

ные книги» в конкурсе «Лучшее краеведческое издание». Другой интересный проект связан с историей водоснабжения Хабаровска. На протяжении нескольких лет компания работает с крупнейшим муниципальным учреждением «Водоканал», и цель сотрудничества заключается в создании историко-экологического центра, в котором будет представлена история предприятия за сто с лишним лет, портреты людей, руководителей, инновационные процессы, участие в жизни города и т. п.

Предметом изучения архивистов стали и многие семейные хроники. К счастью, эта работа не зависит теперь от места проживания человека, а благодаря информационным технологиям общение с членами семьи стало более доступным и активным. Ведь заказчики «Бизнес-Архива» живут в разных местах в России, СНГ, других странах мира. Созданные архивистами родословные древа стали основой для формирования серьезных семейных архивов, коллекций, экспозиций. К слову, «Бизнес-Архив» тесно сотрудничает с телевизионной программой «Жди меня», чему способствуют родоведческие изыскания. Участвуя в региональных конкурсах, которые организуются совместно с Российским гуманитарным научным фондом и министерством образования и науки Хабаровского края, «Бизнес-Архив» выиграл несколько грантов на проведение научных исследований.

2011 год особенный в жизни архивистов Хабаровского края, поскольку был посвящен 100-летию В.И. Чернышевой, руководителя архивной службы края в 1943–1969 годах. Коллектив ООО «Бизнес-Архив» выступил иници-

О.Н. Колесников представил книгу «Летопись городской власти» на выставке-ярмарке «Печатный двор». Владивосток. 2012

Н.Н. Бендик в архивах Санкт-Петербурга. 2007

Коллектив «Бизнес-Архива»

Сотрудник компании И.С. Перельгина. 2012

атором установления мемориальной доски на здании Госархива Хабаровского края, принимал активное участие в организации Чернышевских чтений, подготовил выставку «Человек и его дело», посвященную жизни и деятельности этого выдающегося архивиста. Кроме того, издан специальный выпуск журнала «Бизнес-Архив», приведено в порядок место захоронения В.И. Чернышевой на городском кладбище, опубликован ряд статей, проведена поисковая работа среди родственников Веры Ивановны, организован вечер памяти в день ее 100-летия.

В 2013 году «Бизнес-Архив» организовал Первый краевой конкурс на лучшую фотоработу «В архивах – вся наша жизнь», приуроченный к 90-летию архивной службы Хабаровского края. В фотоконкурсе приняли самое активное участие ведущие архивные учреждения края, в числе которых управление по делам архивов правительства Хабаровского края, Государственный архив Хабаровского края, архивный отдел управления делами администрации г. Хабаровска, архив научно-технической документации департамента по недропользованию по Дальневосточному федеральному округу. Поддержали этот конкурс и некоторые учебные заведения, в том числе те, что занимаются подготовкой специалистов архивного профиля – Хабаровский технический колледж и Хабаровский государственный институт искусств и культуры.

Такое направление, как организация делопроизводства и организация архива в учреждениях, семьях и обществах, становится все более востребованным, особенно сре-

ди тех учреждений, которые стали объектами прокурорских проверок. «Архив под ключ» – так часто называют эту услугу. Несколько организаций, заключив с компанией договор, получают не только обработанные и описанные документы в соответствии с существующими требованиями, но и современные оборудованные архивы, подготовленных специалистов и защищенную систему хранения. В этой работе преуспели специалисты компании И.С. Перельгина, О.В. Бедарева, В.Б. Николаева, А.С. Бутырина, И.В. Охотина, К.А. Чуракова, Л.В. Исаева.

За время своей работы ОАО «Бизнес-Архив» собрало фото- и книжный фонды, документальные фонды, коллекцию документов, в которых научные труды, редкие книги и уникальные фотографии. Все это находится в открытом доступе. Компания проводит курсы повышения квалификации, подбирает кадры для делопроизводственной и архивной работы, помогает разрешить трудные «архивные задачи», возникающие в учреждении. Среди заказчиков «Бизнес-Архива» такие организации, как ОАО «Дальневосточная энергетическая компания», департамент муниципальной собственности администрации города Хабаровска, ОАО «Дальневосточная генерирующая компания», МУП города Хабаровска «Южное», МУП города Хабаровска «Водоканал», учреждения здравоохранения, образования, культуры Хабаровского края и других субъектов Дальнего Востока. И, конечно же, компания поддерживает партнерские отношения со всеми архивными учреждениями Дальнего Востока и за его пределами.

Арсеньевские папки из архива Николая Рогалья

Татьяна КИРПИЧЕНКО

Имя писателя и литературного критика Николая Митрофановича Рогалья занимает особое место в дальневосточной литературе. Он был в числе тех, кто создавал и укреплял писательскую организацию в Хабаровском крае, с 1940 по 1965 год являлся ответственным секретарем Дальневосточного, а затем Хабаровского краевого отделения Союза писателей, а также главным редактором серии «Библиотека дальневосточного романа» Хабаровского книжного издательства. С 1955 года и до последних своих дней Николай Рогаль возглавлял журнал «Дальний Восток», и это время часто называют расцветом издания.

Николай Митрофанович Рогаль

За годы творческой деятельности писателя, создавшего роман «На восходе солнца» (1958) и его продолжение «Пятое апреля» (к сожалению, неоконченное), пьесу «Июнь-Корань» (1965), ряд повестей и рассказов, а также критико-биографический очерк «В.К. Арсеньев» (1947), в его семье сформировался большой архив документов, печатных изданий, рукописей. Часть этого архива и библиотеки дочь писателя Людмила Николаевна Рогаль передала в Дальневосточную государственную научную библиотеку после смерти отца в 1977 году. Особого внимания заслуживают папки с документами о выдающемся писателе, исследователе и путешественнике Владимире Клавдиевиче Арсеньеве, поскольку это самый полный и интересный фонд в архиве Рогалья.

Тема Арсеньева долгие годы была главной для Николая Рогалья. В журнале «Дальний Восток» он опубликовал 21 материал о нем, а также две работы самого исследователя. Это стало настоящим прорывом, поскольку

за предыдущие 20 лет свет увидели лишь 10 публикаций о В.К. Арсеньеве. В 1947 году в хабаровском издательстве Дальгиз вышел критико-биографический очерк Н.М. Рогалья «В.К. Арсеньев». Книжка получилась небольшой по объему – всего 80 страниц малого формата, но работа по ее подготовке проведена огромная. Об этом можно судить по количеству документов, сохранившихся в архиве Рогалья. Здесь собраны печатные документы, среди которых более 20 газетных вырезок, ксерокопия статьи Ф.Ф. Аристова «Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский)» из журнала «Землеведение» за 1929 год, многочисленные рукописные материалы – выписки из дневников В.К. Арсеньева за 1902 и 1907, 1908–1909 и 1927 годы, а также «Послужной список заведующего Отделом охраны морского зверя при Дальневосточном управлении рыболовства и охоты на морского зверя Арсеньева Владимира Клавдиевича. 21 марта 1925 г.» (до 1908 года). Здесь же выписки из документов В.К. Арсенье-

ва, хранящихся в Хабаровском краеведческом музее, сделанные 8 февраля 1947 года, рукописные заметки, два блокнота с выписками из книг В.К. Арсеньева с комментариями Н.М. Рогалья, рукопись книги «Владимир Клавдиевич Арсеньев» с многочисленными авторскими правками, а также тексты статей, докладов, тезисы лекции и многое другое.

Владимир Клавдиевич Арсеньев

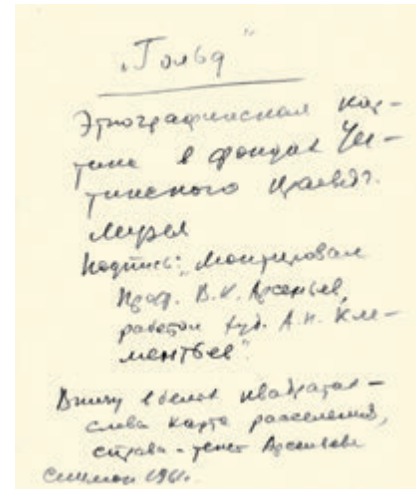
После выхода в свет очерка «В.К. Арсеньев» Н.М. Рогаль продолжал готовить к публикации в журнале «Дальний Восток» новые материалы. В его архиве сохранилась подборка копий документов об Арсеньеве из Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (г. Томск), опубликованные и не опубликованные в журнале «Дальний Восток» статьи об Арсеньеве, сопровождаемые письмами авторов Б.П. Полевого и Т.В. Станюкович («Арсеньев в 1917 году»), А.И. Тарасовой «Неопубликованные письма В.К. Арсеньева к московским ученым» (опубликовано в «Дальнем Востоке». 1975. № 7), «Путевые дневники» и «Записные книжки»

ва, хранящихся в Хабаровском краеведческом музее, сделанные 8 февраля 1947 года, рукописные заметки, два блокнота с выписками из книг В.К. Арсеньева с комментариями Н.М. Рогалья, рукопись книги «Владимир Клавдиевич Арсеньев» с многочисленными авторскими правками, а также тексты статей, докладов, тезисы лекции и многое другое.

Фотокопия этнографической картины «Гольд» с комментарием Арсеньева. Читинский музей, снимок 1961 года

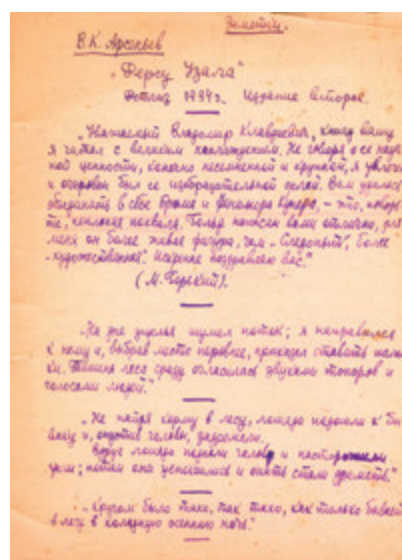
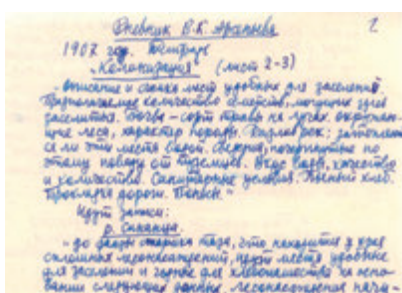
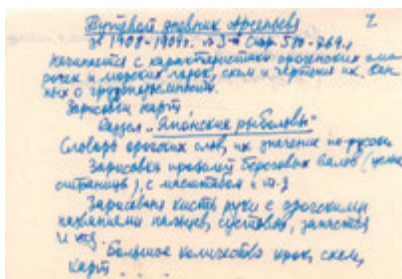

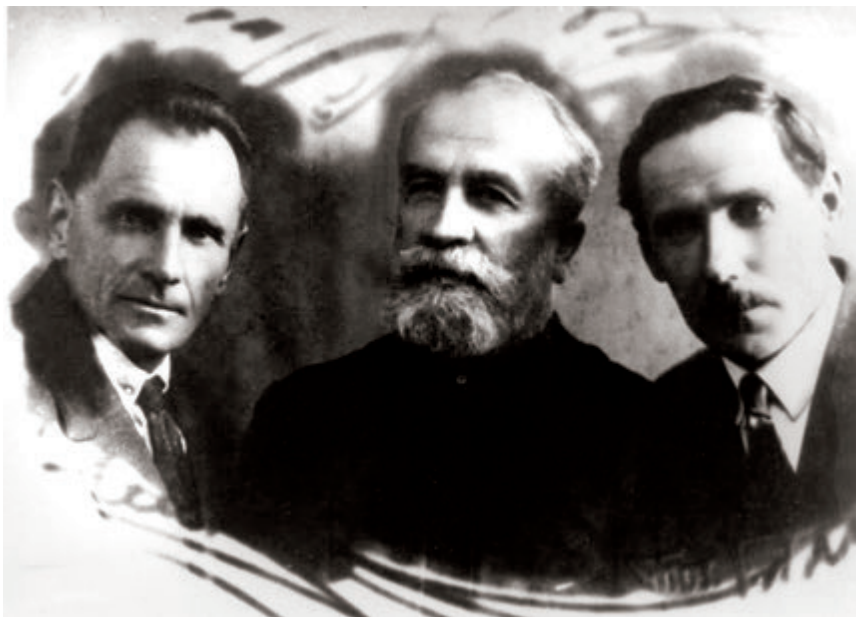
Оборотная сторона снимка «Гольд»

В.К. Арсеньева 1906 года, переданные его дочерью Н.В. Арсеньевой Приморскому филиалу Географического общества СССР и впервые подготовленные к изданию Ю.А. Семом и Л.И. Сем для журнала «Дальний Восток» (опубликованы в 1972 году в № 8, 9), рукопись рассказа брата Владимира Клавдиевича Александра Арсеньева «Степан Безродный» и др.

Интерес для исследователей представляет папка Георгия Георгиевича Пермякова «В.К. Арсеньев /материалы». С Г.Г. Пермяковым у Н.М. Рогалья была длительная переписка по поводу его публикаций. Сохранились письма Пермякова главному редактору журнала «Дальний Восток» «относительно статьи А. Васиной «Сын крепостного», о родственниках и первой жене В.К. Арсеньева, о полемике по поводу книги Пермякова «Тропой женьшеня», «Биография В.К. Арсеньева», составленная Пермяковым по сведениям жены и сына (1958) и др. Н.М. Рогаль был рецензентом книги Г.Г. Пермякова. Текст отзыва, сохранный в архиве, он направил главному редактору Хабаровского книжного издательства Овечкиной с припиской: «Посылаю Вам очень подробную, детализированную рецензию на рукопись Г.Г. Пермякова – «Тропой женьшеня».

Работая в журнале «Дальний Восток», Н.М. Рогаль поддерживал тесную связь с дальневосточными издательствами, которые часто обращались к опытному редактору с просьбами дать заключение или написать рецензию на то или иное произведение дальневосточного автора. В архиве писателя хранится статья и письмо

В.К. Арсеньев, художник Н.И. Яковлев, Т.М. Борисов

из Владивостока, в котором Дальневосточное книжное издательство, готовившее к выпуску собрание сочинений В.К. Арсеньева, просит дать заключение на вступительную статью к этому изданию. А между тем авторы статьи – серьезные ученые: кандидат исторических наук (на тот момент) Ю.А. Сем, профессор А.И. Куренцов и старший преподаватель ДВГУ Н.И. Старовойтов. Это письмо как дань признания лучшему знатоку темы – биографу Арсеньева.

Общественность нашего города много лет добивалась, чтобы имя В.К. Арсеньева получило достойное

звучание в Хабаровске. Активное участие в этих акциях принимал и Рогаль. В его архиве сохранился пакет документов «Об увековечении памяти исследователя советского Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева», в котором собраны документы за 1947, 1950 и 1960 годы по вопросу увековечения памяти В.К. Арсеньева, в том числе решение Исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся от 31 августа 1950 года. В нем Исполком краевого Совета депутатов трудящихся просит Совет Министров РСФСР разрешить присвоить Хабаровскому краеведче-

скому музею имя В.К. Арсеньева, переименовать Арсеньевский переулок в городе Хабаровске в улицу В.К. Арсеньева, установить на здании Хабаровского краеведческого музея и на доме, где жил знаменитый путешественник, мемориальные доски, а в его квартире организовать мемориальный музей. И в заключение – соорудить в городе Хабаровске памятник В.К. Арсеньеву. Прошло больше 60 лет, но, к сожалению, ничего из задуманного, кроме памятной доски на Краевом музее им Н.И. Гродекова, так и не осуществлено.

Есть в архиве Рогалья и небольшая подборка фотодокументов. В конверте с надписью «В.К. Арсеньев» три фотографии. На одной В.К. Арсеньев, Т.М. Борисов и между ними художник Н.И. Яковлев, на другой – у могилы В.К. Арсеньева (до перезахоронения на Морском кладбище) стоят женщина (предположительно первая жена В.К. Арсеньева) и двое мужчин (один из них брат Владимира Клавдиевича). Третий снимок представляет собой фотокопию этнографической картины «Гольд» с комментарием Арсеньева (Читинский музей, снимок 1961 года).

В 1924 году В.К. Арсеньев побывал в Чите и Ленинграде и тогда же передал хранителю Читинского музея А.К. Кузнецову целую серию этнографических картин, выполненных владивостокскими художниками А.И. Клементьевым и К.П. Тимофеевым. На картинах изображены представители разных народов Дальнего Востока в национальных костюмах. Все эти костюмы подробно прокомментированы Арсеньевым. Позднее Кузнецов писал Владимиру Клавдиевичу: «Картины развешаны в этнографическом отделе музея (теперь расширенном) и служат лучшим научным и художественным украшением музея и памятью о Вас, как известном, вдумчивом, многостороннем этнографе».

Картины до нашего времени не уцелели, сохранились лишь некоторые фотографии, и одна из них оказалась в архиве Рогалья, который бережно сохранял память о выдающемся дальневосточнике, чье творчество и судьба по-прежнему привлекают исследователей.

Фото из архива Дальневосточной государственной научной библиотеки

Могила В.К. Арсеньева на Морском кладбище (до перезахоронения)

«Венец благополучных дел музея»

Судьба уникальных скелетов из коллекции Гродековского музея

Владимир ВОЛЬХИН

В начале 1901 года в Хабаровский музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, делавший только первые шаги, обильно начали поступать дары для будущих экспозиций. Только за три месяца, с января по март, их набралось больше полусотни. Директор музея В.П. Маргаритов едва успевал их регистрировать. Поступления самые разнообразные: от генерала Гродекова – два изображения Будды и медная пушка, захваченная в Гирине, а также 12 артиллерийских орудий из Порт-Артура, от инженера Кербедза – два бивня, найденных при постройке моста через реку Сунгари на глубине шести сажен под водой, от поручика Маслова – фальшивый рубль 1898 года и один фальшивый полтинник 1899 года, от других начиная с модели золотопромывательной машины, богатейшей коллекции боевого снаряжения китайцев, предметов пыток и казни преступников и заканчивая японским мечом с пропитанным смертельным ядом лезвием.

Но «венцом благополучных дел музея» были два уникальных приобретения. Первое на Командорских островах в октябре 1897 года, когда у инородца Трифона Синицина куплены за 200 долларов (золотом) два полных скелета вымершей морской коровы (капустницы). Второе в августе 1899 года, когда граф Генрих Кейзерлинг прислал из Владивостока в дар музею скелет огромного китообразного длиной 10 саженей (свыше 20 метров).

Стеллерова корова

Впервые это редкое, ныне вымершее китообразное травоядное животное увидел Георг Вильгельм Стеллер – путешественник и натуралист, адъютант натуральной истории (помощник профессора) Петербургской академии наук, врач и участник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга к берегам Америки в 1741 году.

Оказавшись с частью экипажа после кораблекрушения «Св. Петра» на необитаемом острове (получившем позднее имя Беринга), Стеллер во время зимовки описал это животное так: «Тело длинное, свыше 10 аршин, толстое, округлое, веретенообразной формы и к хвосту утолщающееся. Передняя часть тела напоминает тюленя, задняя – кита. Голова собачья, с стоячими острыми ушами, зубов нет, десны покрыты ребристыми рогами-

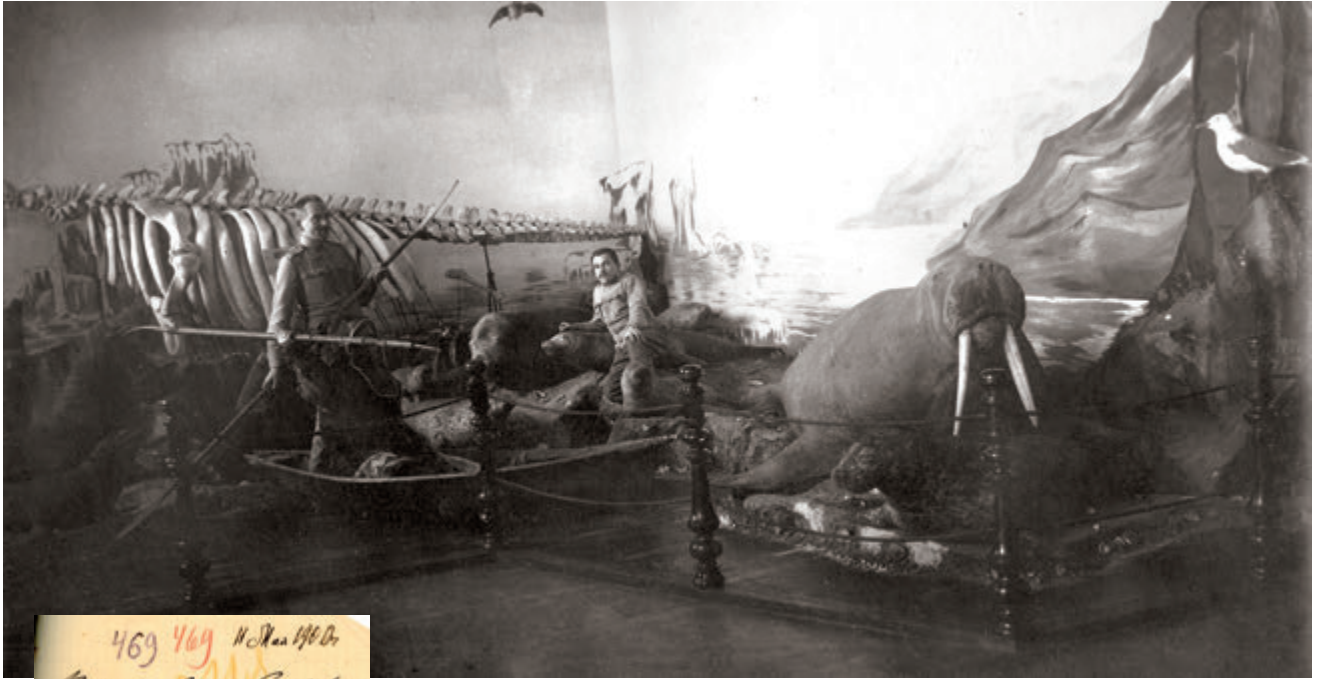
ми пластинками, на верхней и нижней губе по обеим сторонам борода, глаза большие. Кожа складчатая, похожая на кору старого дуба, густо покрыта волосами, на спине серого, на брюхе рыжевато-белого цвета; в воде же животное было такого цвета, как бурая корова. Ласты имели два сустава, на концах – копытообразные уплотнения. Животные почти всегда были заняты едой». Такое описание оставил нам Георг Стеллер, впервые увидев невиданное млекопитающее – морскую корову, названное позже его именем – Rhitina Steller.

Эти уникальные животные водились только в Беринговом море, держались огромными стадами у побережья Командорских островов, особенно на морских пастбищах Берингова острова, в местах с обильной водной растительностью – морской капустой (ламинарией) и морской травой (аларией). Мясо морской коровы оказалось нежным и вкусным, неотличимым от говядины, напоминающим мясо молодых бычков, а жир – мясо молодых свиней. Эти животные и были основной пищей зимовщиков экспедиции Беринга.

По описанию Стеллера, «...морская корова, или капустница, крайне миролюбивое доверчивое животное, при появлении человека корова продолжает оставаться на месте, поедая по берегам водоросли. К ней можно было подходить и трогать руками, поэтому добыть капустницу не составляло никакого труда. В любое время года этих животных можно найти повсюду вокруг острова в таком количестве, что все побережье Камчатки могло бы постоянно щедро снабжать себя их жиром и мясом... Вес животного со шкурой, мышцами, мясом, костями и внутренностями я оцениваю в 200 пудов». Дальше Командорских островов она не распространялась, что при ее доверчивости к человеку и послужило, по словам французского географа конца XIX века Ж. Реклю, «главнейшей причиной ее быстрого исчезновения».

Шведский исследователь Арктики, член-корреспондент Петербургской Академии наук Н. Норденшельд, на основании рассказов туземцев сообщает, что «стеллерова корова до 1780 года встречалась еще. В настоящее время это животное совершенно исчезло, и каждая уцелевшая отдельная часть этого животного в ученом мире считается драгоценностью». Таким образом, морская корова была полностью истреблена зверопромышленниками всего за сорок с небольшим лет после открытия ее Г. Стеллером.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Скелет морской коровы. Экспозиция начала XX века

469 469 № 1211 1910
 Поставил в музей Командорского округа
 скелет морской коровы и кости
 конечностей сунгари и другие
 находки.
 Поставил в музей Командорского округа
 скелет морской коровы и кости
 конечностей сунгари и другие
 находки.
 1910

Скелет морской коровы. 1920–30-е

В Хабаровск скелеты доставили с Командорских островов в конце 1897 года по распоряжению начальника Командорского округа Н.А. Гребницкого и благодаря любезности его помощника Н.С. Ваксмута. При осмотре и обмере находки было определено, «что скелет состоит: из черепа, 45 позвонков, ребер и костей конечностей. Длина всего доставленного скелета – 7 арш. 13 вер. (4,05 м), длина черепа – 13 вер. (57,2 см), высота – 8 вер. (32,5 см), окружность спинного позвонка – 18 вер. (79,2 см), наибольшая длина ребра – 31 вер. (136,4 см), а окружность ребра 6,5 вер. (28,6 см)». Факт приобретения Приамурским отделом ИРГО сразу двух скелетов вымершей «стеллеровой коровы», опубликованный в печати, «произвел мировую сенсацию в ученых сферах». Сразу был получен ряд запросов на возможность приобрете-

ния драгоценной находки – от Лионского музея и Парижского естественно-исторического музея, от Королевского кабинета естественных наук в Штутгарте и Мюнхенского музея (Германия), Национального Венгерского музея в Будапеште. Известно, что на совете отдела 7 октября было рассмотрено письмо императорского российского консула в Сан-Франциско В. Арцимовича «об оказании содействия в разрешении продать французскому консулу de Lalande одного экземпляра *Rhytina Steller*». Известна и резолюция совета: «...передать в канцелярию генерал-губернатора мнение о разрешении продать французскому консулу «одну корову» и затем внести в смету будущего года 100 долларов золотом на покупку для Хабаровского музея одного экземпляра морской коровы». В России тоже нашлись желающие приобрести скелет морской коровы – Академический зоологический музей и Музей Императорской академии наук в Петербурге.

Все заявки и пожелания были тщательно изучены членами совета, а во всех городах, музеи которых пожелали приобрести скелет *Rhytina Steller*, побывал на переговорах хабаровский представитель, член Совета отдела К.Е. Пфаффиус. Он выяснил, что все музеи, как европейские, так и русские, не обладают средствами для покупки дорогих экземпляров для своих коллекций. И все же Пфаффиус по поручению Совета отдела продал один экземпляр скелета коровы Стеллера, после того как на все отправленные им из Хабаровска весной 1903 года телеграммы с условиями продажи экземпляра пришел один незамедлительный ответ от директора Парижского естественно-исторического музея господина Перие. Оперативность этого господина и решила участь редкого скелета. Он был продан с громадной выгодой для хабаровцев – за 2 500 франков (по другим данным за 5 000 франков).

Вот что об этом событии сообщала газета «Приамурские ведомости» от 1 апреля 1903 года: «Приамурским отделом ИРГО отправлен для Парижского естественно-исторического музея редкий скелет морской коровы, купленный парижским музеем за 5 000 франков. Скелет укупорен в пяти ящиках весом 31 пуд». Расширим эту скупую информацию. По просьбе покровителя Приамурского отдела ИРГО Н.И. Гродекова ящики со скелетом бесплатно перевезли из Хабаровска во Владивосток по Уссурийской железной дороге с любезного разрешения ее начальника Н.И. Кремера. Из Владивостока скелет отправили морским путем до Нагасаки, куда он прибыл 27 апреля 1903 года и был передан французскому вице-консулу. Доставку до Нагасаки любезно и безвозмездно принял на себя торговый дом «Кунст и Альберс». Из Нагасаки экспонат отбыл 3 июня на французском почтовом пароходе в Йокогаму. Затем французский посланник в Токио распорядился о переправке скелета в Европу на одном из французских крейсеров.

Можно догадаться, кем был приобретен второй скелет. В Зоологическом музее Академии наук России в Петербурге хранится наиболее крупный и полный скелет «стеллеровой коровы». Откуда он? Известно, что в марте 1902 года К.Е. Пфаффиус, занимаясь продажей скелетов, сообщил телеграммой из Петербурга в Хабаровск следующее: «Сенатор Семенов (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, вице-президент ИРГО) советует так: продавать ске-

лет за границей. Если нельзя получить желаемой цены, обратиться к нему, будет хлопотать приобрести скелет для Музея Академии наук». Известно также, что русскими исследователями Аляски посчастливилось в свое время найти и собрать три полных скелета морской коровы, и они были вывезены в Петербург, Москву и Гельсингфорс (Хельсинки).

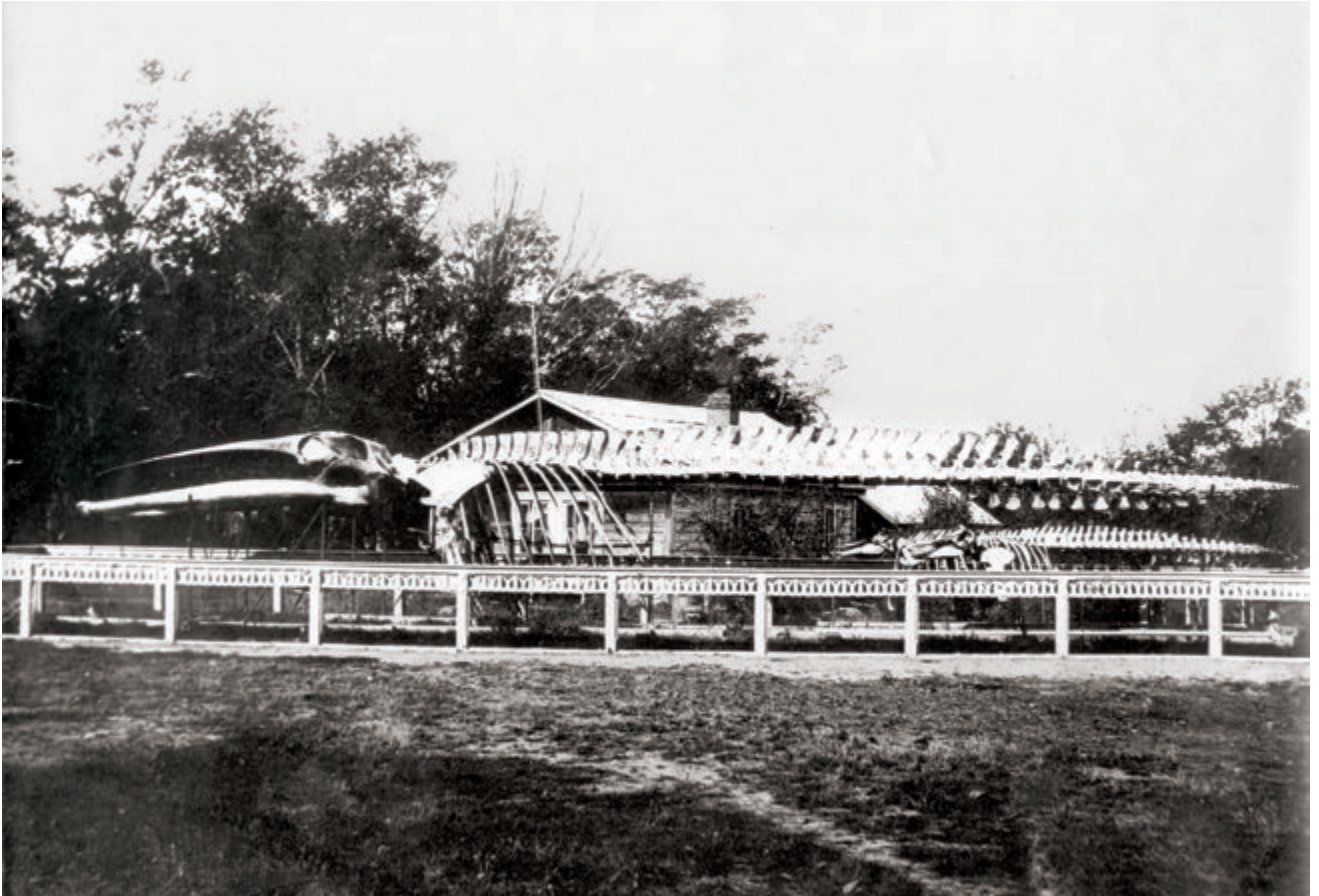
История скелета морской коровы, который сегодня находится в экспозиции отдела природы Гродековского музея, такова. Известно, что В.Н. Маргаритов в 1897 году во время своей этнографической экспедиции на Камчатку приобрел для музея доставленный с Командорских островов не крупный скелет морской коровы. Скорее, это был взрослый теленок длиной около трех метров, и потому особой сенсации не произвел. Но ценностью он обладал необыкновенной. Сегодня в мире число полных скелетов стеллеровой коровы можно пересчитать по пальцам, и едва ли дойдешь до десяти. Все они хранятся лишь в крупнейших музеях мира. И один из этих уникальных экспонатов – в Хабаровске.

Японское «чюдище»

Если открыть газету «Приамурские ведомости» за 5 мая 1902 года, прочтем следующее: «На площадке, около музея, в праздничные дни и в послеобеденное время собирается много публики, любующейся сборкой скелета морского «чюдища», огромного, свыше 10 сажень длины кита, пожертвованного нашему музею китобойным товариществом Генриха Кейзерлинга из Владивостока. Скелет кита был доставлен в 1899 году из бухты Гайдамак, где у графа находится салотопенный завод. Устанавливается скелет директором музея Маргаритовым В.П. с помощниками, на железных стойках 1 сажени высоты, укрепленных на бревенчатых рамах (бревна пожалованы самим городской головой А.А. Рассушиным). Позвонки уже низаны на железные штанги в полтора дюйма толщины. Скелет почти собран; остаются несобранными грудная клетка и голова».

Отойдем ненадолго от скелета «чюдища» и вспомним несколько исторических эпизодов рассвета китобойного дела на Дальнем Востоке. В дальневосточных морях, Японском, Охотском и Беринговом, в начале XIX века водились многие виды китов. В Охотском и Беринговом – полярный кит (из семейства гладких, длиной до 21 м), кашалот (зубастый кит длиной до 20 метров и весом до 70 тонн), заплывал и голубой кит (блювал, или синий кит, самое крупное млекопитающее, весом до 150 тонн). В водах Камчатки, как писал известный исследователь Дальнего Востока доктор Н.В. Слюнин («Охотско-Камчатский край», 1901), «размеры китов некоторых видов достигают 102 футов длины, вес доходит почти до 10 тысяч пудов. Иначе говоря, такой кит по весу соответствует 30–32 слонам или 160–170 быкам. Это, поистине, чудовище снабжено в пасти, вместо зубов усами, длина которых превышает четыре аршина, и в пасти этой может поместиться лодка с гребцами. Поэтому неудивительно, что один такой кит дает уса и ворвани (вытопленного жира) на сумму от 5 до 20 тысяч рублей».

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Скелет кита. Начало XX века

Скелет кита. 1946

Современная экспозиция скелета кита

Южнее, в Японском море, обитали в основном финвалы, или сельдяные киты (семейства полосатиков, длиной 20–27 метров), появлялись и другие виды. Добыча китов изначально была задумана для получения продуктов их переработки: жира – для пищевой, кожевенной и мыловаренной промышленности, мяса – для получения консервов и белка, печени – для выработки витаминов и фармпрепаратов, амбры и спермацета (воскоподобных веществ в желудке и голове кашалотов) – для использования в парфюмерном деле и получения смазочных материалов, кремов и мазей. Все должно было бы идти по-научному. Но в реальной жизни с начала XIX века китоловство стало развиваться по хищническим законам в угоду добыче модного тогда в Англии, Франции и Америке китового уса, применяемого при шитье модной одежды, изготовлении разных поделок и стоившего на рынке баснословных денег – от 6 до 8 тысяч рублей за усы одного кита. Немалую выгоду приносили взятое с китов мясо и ворвань, которых получали с одного кита, в зависимости от его породы, от 3 000 до 4 000 пудов (48–64 тонны).

В дальневосточных морях с начала XIX века по-разному хозяйничали иностранные дельцы. В Охотском море плавали в течение лета целые флотилии – до 200 шхун. По свидетельству только американских арматоров (капитанов снаряженных судов), за 14 лет (с 1847 по 1861 год) ими вывезено китового жира и уса на 130 миллионов долларов. С 1849 года по концессии, выданной Российско-Американской торговой компанией, американцы начали заниматься китоловством у берегов Русской Америки, в Беринговом проливе и Охотском море. Только за два промысловых сезона с 1849 по 1850 год их китобой-

ные суда добыли китового уса на сумму 2 071 742 доллара и китового жира на 6 370 711 долларов. Позднее, только за пять лет (1881–1885) американскими же китобоями было добыто в водах Чукотки и Камчатки китовых продуктов на сумму 7 155 474 золотых рубля. Для сравнения: все население Чукотского уезда получало в год от китового промысла уса доходов на сумму до 100 тысяч рублей и пищевых продуктов до 50 тысяч пудов. Приведенные выше цифры заимствованы, с некоторыми дополнениями и изменениями, из статьи неизвестного автора «Морские промыслы у берегов Дальнего Востока», опубликованной в № 2512 «Приамурских ведомостей» за 1916 год.

Из русских предпринимателей первым занялся китобойным промыслом в здешних водах финн Отто Васильевич Линдгольм. Вольным шкипером он в 1863 году с тремя товарищами прибыл в Николаевск-на-Амуре для организации китобойной компании. В 1864 году, с благословения военного губернатора Приморской области контр-адмирала П.В. Казакевича, основал факторию в Тугуре, и его китоловство давало ежегодно чистого дохода свыше четверти миллиона рублей. Вслед за ним успешно начал китобойное дело отставной капитан 2-го ранга Аким Егорович Дадымов, но в январе 1891 года китобоец «Геннадий Невельской» вместе с капитаном и всей командой пропал без вести в Японском море. После гибели А.Г. Дадымова китоловством у берегов Дальнего Востока занялся граф Генрих Кейзерлинг. В 1899 году он вместе с компаньонами образовал фирму «Тихоокеанское китобойное и рыбопромышленное АО графа Г.Г. Кейзерлинга и К°». Обществом были приобретены два специально приспособленных парохода «Николай» и «Георгий», устроен на берегу бухты Гайдамак (в заливе Восток) завод для вытопки китового жира, переработки костей и пр. Основной капитал общества к концу 1903 года превысил 1,5 миллиона рублей, но дальнейшее развитие промысла остановила Русско-японская война. В 1904 году почти весь русский китобойный флот, находившийся в Нагасаки, был арестован японскими властями в качестве военного трофея.

Возвращаясь к музейному экспонату, вновь заглянем в газету «Приамурские ведомости». В номере за 30 июня 1902 года сообщалось: «Скелет кита собран, рядом собран скелет помельче, гигантской рыбы – касатки; оба скелета помещены под особым красивым шатром и огорожены деревянной решеткой изящного рисунка; такой же решеткой обнесен и край Муравьевского утеса, что давно не мешало бы сделать, ибо обрыв здесь почти отвесный и дети, гуляя, могли подвергаться опасности...».

Хабаровчане должны быть благодарны российскому моряку-китобою, графу Генриху Гуговичу Кейзерлингу за переданные музею реликвии. Более ста лет были доступны для осмотра всем желающим эти редкие экспонаты, пока летом 2004 года оба скелета не передали на реставрацию специалистам. Спустя четыре года восстановленный скелет кита-полосатика занял достойное место – в специальном стеклянном павильоне Гродековско-го музея.

Фото предоставлены Хабаровским краевым музеем им. Н.И. Гродекова

Неутомимый человек с открытой душой

Светлана ЖУК

Петр Михайлович Покровский

Именно в это время значительная роль в становлении Дальневосточного художественного музея по праву принадлежит его первому директору Петру Михайловичу Покровскому.

Покровский родился в октябре 1893 года в селе Красная Ляга Каргопольского уезда Северо-Восточной области (бывшей Вологодской губернии) в семье священнослужителя и сельской учительницы. Ему было два года, когда умерла мать Ольга Васильевна, и отец отдал его на воспитание в Каргопольское духовное училище. Затем годы учебы в Олонецкой духовной семинарии, где он с увлечением занимался в классе иконописи. После окончания духовной семинарии молодой Покровский поступил в Юрьевский (бывший Дерптский) университет на славянское отделение историко-филологического факультета. Заложенная в детстве любовь к рисованию привела его в частные художественные мастерские, которые он посещал одновременно с обучением в университете.

Революционные события 1917 года и начавшаяся Гражданская война прервали обучение, П.М. Покровский

В истории Дальневосточного художественного музея, самого первого на Дальнем Востоке России, различают два периода создания и становления – дореволюционный (1901–1917) и советский (1917–1941)¹. Учрежденный приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым в 1902 году как Хабаровский художественный музей, он около 30 лет существовал в стенах Хабаровского краевого музея (ныне им. Н.И. Гродекова). Следующий этап в его истории наступил в 1931 году, когда Хабаровский крайисполком постановил создать художественный музей краевого уровня. В его основу были положены собрание картин и графики из Императорской Академии художеств, хранившихся с 1902 года в бывшем музее ПО ИРГО; переданные в музей по завещанию 1 400 работ уссурийского художника В.Г. Шешунова; более 1 000 работ, отобранных по разрешению Совнаркома в хранилищах центральных музеев Москвы и Ленинграда (Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, Государственной Третьяковской галерее, Государственном музее им. А.С. Пушкина, Государственном историческом музее и др.).

вернулся в Каргополь. Используя приобретенные в университете и художественных мастерских навыки педагога и художника, здесь он заведовал внешкольным образованием, преподавал рисование в средней школе и педагогическом техникуме. Вскоре он женился, и уже через год в семье родился сын Анатолий. Любовь к искусству позволила сделать профессиональный выбор: в 1922 году Петр Михайлович стал директором Каргопольского краеведческого музея², в котором проработал четыре года. В памяти земляков-каргопольцев Покровский остался человеком «открытой души» и разносторонних дарований. Он играл в народном театре, прекрасно пел и рисовал. А еще стойко переносил лишения тех лет. В письме директору Вологодского музея он писал: «Для прокормления себя и семейства пишу вывески для нэпманов и продаю необходимые вещи домашнего обихода ...»³

В августе 1926 года Покровский с семьей приехал в Хабаровск и уже с 15 августа был зачислен в Хабаровский краевой музей заведующим отделом революции. С первых же дней проявились его деловые качества и практи-

ческие познания в различных сферах музейной деятельности. Он быстро освоился с обязанностями заведующего отделом революции, проникся планами и заботами музея. В это же время в связи с передачей в Хабаровский музей более 1500 картин умершего уссурийского художника Шешунова Далькрайон постановил открыть в Хабаровске картинную галерею в качестве самостоятельного отдела музея. Директор музея К.Я. Лукс, увидев в П.М. Покровском опытного музейного работника, искреннего и безотказного, поручил ему заняться дополнительно вопросами организации галереи. Буквально через четыре дня после зачисления на работу Покровский уехал в командировку в Никольск-Уссурийский для приема работ Шешунова. Осенью 1926 года для картинной галереи отвели здание бывшей синагоги⁴ на улице Фрунзе, 45, провели частичный ремонт и перedelку помещений. Там же, на втором этаже поселилась и многочисленная семья Покровского – жена Александра Петровна, дети Анатолий и Ирина, теща Анна Архиповна Жихарева.

По решению ученого совета музея П.М. Покровский подготовил план размещения в картинной галерее художественных предметов, и уже в начале 1927 года она открылась большой выставкой. Галерея сразу стала местом общения художников, а центром их притяжения, несомненно, был П.М. Покровский, в котором они видели прежде всего художника, искусствоведа, единомышленника. Кроме того, он лично знал многих ведущих современных мастеров, с которыми общался в художественных мастерских.

Занимаясь организацией картинной галереи, Покровский заинтересовался предметами быта народов Амура из фондов музея. Его первое знакомство с искусством «туземцев», как их было принято называть в 1920-е годы, состоялось в конце 1926 года, когда Петра Михайловича командировали в непродолжительную экспедицию в стойбища гольдов (устаревшее название нанайцев) по реке Амур с целью сбора экспонатов для Всесоюзной выставки искусств в Москве. Став членом созданного в январе 1927 года Дальневосточного общества краеведения, П.М. Покровский вместе с хабаровскими художниками выезжал в экспедиции по стойбищам, изучая искусство нанайцев. Из экспедиций исследователи привозили зарисовки, наброски предметов быта, одежды, виды стойбищ, портреты нанайцев.

По предложению П.М. Покровского в апреле 1927 года решением ученого совета Хабаровского краевого музея картинная галерея была переименована в художественный отдел музея, в его состав вошли произведения живописи, скульптуры и предметы национального искусства. Назначенный в 1927 году заведующим этого отдела Покровский занимался комплектованием и изучением предметов искусства народов Дальнего Востока, постоянно выезжал в этнографические экспедиции. Профессионализм, лидерские качества и высокая репутация в среде художников позволяли ему влиять на современные художественные процессы. По инициативе П.М. Покровского в Хабаровске 5 июля 1927 года создана Ассоциация хабаровских художников из двадцати человек. Они работали в школах, училищах, редакциях газет, клубах, мечтали о художественных выставках и профессиональном общении. Всеми консультационными вопросами ассоциации при ее организации занимался Покровский. В 1927 году ассоциация организовала в Хабаровске две выставки – персоналию худож-

ника И.П. Сверкунова, с которой были отобраны для приобретения в художественный отдел музея 14 работ, и художественную выставку к 10-летию Октябрьской революции.

Вскоре на первом организационном собрании юных художников Хабаровска П.М. Покровский выступил с предложением организовать художественную секцию молодежи при Хабаровской Ассоциации художников (ХАХ). Собранием было решено организовать кружок изобразительных искусств при комсомольском клубе как секцию молодежи ХАХа и провести общегородскую выставку молодежи, приурочив ее также к 10-летию Октября.

В июне 1927 года в Хабаровске организована краевая комиссия содействия Госакадемии художественных наук в организации выставки искусства национальных меньшинств СССР, которую готовили к открытию в честь предстоящего 10-летия Октября. В состав комиссии вошли представители президиума крайисполкома, Главнауки на Дальнем Востоке и краевых организаций. В задачу комиссии входили задачи выявления, собирания, обработки материала и отсылка в Москву экспонатов, наиболее характерных для отдельных народностей и «племен Дальнего Востока»: орнаментов, резьбы по кости, дереву, вышивки, скульптуры. Ответственным за организацию этой выставки утвердили П.М. Покровского. В Москве выставка прошла с огромным успехом. Совнарком СССР отметил выполненную П.М. Покровским работу грамотой и наградил его именными золотыми часами.

В 1929 году в здании художественного отдела Покровский организовал персональную выставку художника-карикатуриста Н. Наумова, очень популярного в дни Гражданской войны на Дальнем Востоке. Следующей стала выставка художников Дальнего Востока, среди которых хабаровские художники Бормотов, Косицын, Яницкий, Гусак, Холодов и другие, а также приглашенные Покровским из Москвы Борисов и анималист Ватагин. Выставка вызвала небывалый интерес, ее посетили свыше трех тысяч человек. Вторая экспозиция была посвящена советской тематике, ее участниками стали московские художники-графики М. Добросердов и В. Беляев.

Представляя на ученом совете в ноябре 1928 года план развертывания подотдела туземного искусства, П.М. Покровский отметил, что этот вопрос совершенно новый. Необходимо собрать документированные материалы по искусству туземцев, обработать их, выявить особенности национального стиля и бороться за сохранение его чистоты и самобытности. Занимаясь искусством коренных народов Дальнего Востока, Покровский продолжал выезжать в экспедиции для комплектования художественного отдела музея предметами искусства туземцев. Благодаря этому музейная коллекция пополнялась образцами орнаментов и вышивок, халатами, торбасами, тапочками, предметами культа, орудиями труда. Им также был разработан конспект работы по искусству гольдов. На 1 октября 1930 года в художественном отделе числилось уже 1 782 предмета.

В декабре 1930 года П.М. Покровского избрали делегатом от Дальнего Востока на Всероссийский музейный съезд, где не только обсуждались многие проблемы музейной работы, но были и призывы к борьбе с реакционным рутинерством, к превращению музеев в «инструмент культурной революции». Возвратившийся из Москвы Покровский выступил с отчетом о работе съезда на ученом

ГЛАВНАЯ ТЕМА

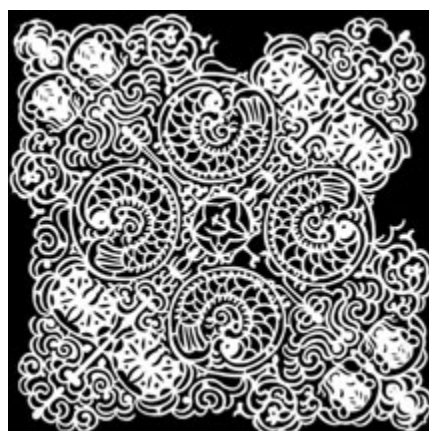
Гусак Г.В. Рисунок ковра. 1937 г.
Бумага, акварель

Гусак Г.В. Рисунок нанайских коробок, украшенных орнаментом.
1935 г. Бумага, акварель

Футляр для хранения серег. Нанайцы

Актанка (Оненко) М.Е. Вырезка орнаментальная. 1933 г. Нанайцы

совете и с новыми силами приступил к работе в художественном отделе музея.

Восстановление картинной галереи, поступление большого количества предметов изобразительного искусства из Государственного музейного фонда в Хабаровский музей, родившаяся в ходе подготовки и проведения краевых выставок идея художников о том, чтобы в Хабаровске появился художественный музей – все это стало определяющими в решении краевых властей создать художественный музей регионального значения. Председатель Дальневосточного краевого исполнительного комитета А.Н. Асаткин лично договорился в Наркомпросе и Совнаркомом о выделении для Дальнего Востока крупного собрания художественных произведений из Государственного музейного фонда. Всего в 1930–1931 годах для Дальневосточного художественного музея (ДВХМ) было отобрано 1100 произведений изобразительного искусства из семи центральных музеев.

В 1931 году М.П. Покровского назначили первым директором Дальневосточного художественного музея. Требовали решения вопроса о выделении здания для музея, наборе штата, а тем временем из Москвы уже прибыли пять вагонов с художественными ценностями. Часть музейных грузов завезли в краевой музей, остальные распределили в красных уголках различных организаций, но так или иначе все они подвергались риску растраты или похищения. В итоге под давлением общественности крае-

вые власти решили разместить художественный музей на улице Фрунзе, 45, в здании бывшего художественного отдела краевого музея.

В 1931–1937 годах П.М. Покровский, опытный музейный деятель и художник-педагог, способствовал не только становлению ДВХМ, но и ускоренному развитию дальневосточного изобразительного искусства, объединению художников вокруг музея. В это время среди научных сотрудников ДВХМ были хабаровские художники. Под руководством своего директора они приобретали музейные навыки: выполняли научное описание музейных предметов, выезжали в многочисленные экспедиции по стойбищам Амура для комплектования предметами народного искусства, читали лекции в заводских и красноармейских коллективах, проводили беседы и экскурсии для населения. Музейные сотрудники участвовали в подготовке краевых передвижных выставок, публиковали материалы к выставкам в краевых газетах, рисовали и издавали афиши и пригласительные билеты, писали сотни писем художникам-самоучкам и профессиональным дальневосточным мастерам и художникам Москвы и Ленинграда, приглашая участвовать в выставках. В декабре 1933 года при активном участии директора художественного музея в Хабаровске организовали производственно-кооперативное товарищество «Художник», которое участвовало в художественном оформлении города к праздникам и демонстрациям.

Халат женский амери. Нанайцы

Халат женский. 1878 г. Нанайцы

Практически все свое время П.М. Покровский отдавал работе: читал лекции по искусству коренных народов Севера комсомольцам и красноармейцам, разрабатывал экспозиционные планы, развивал общественные связи музея. Даже когда в 1936 году в семье Покровского родился третий ребенок – дочь Кира, он продолжал круглосуточно пропадать в музее, где проводил вечерние занятия с юными художниками, делал эскизы витрин к музейным выставкам, рисовал афиши или праздничные транспаранты для городских праздничных демонстраций, писал статьи в газеты, письма художникам.

По воспоминаниям дочери Покровского Ирины Петровны, Петр Михайлович был образцом человека и труженика. «Музейное дело – главное, любимое занятие моего отца. Ради него он готов был работать 24 часа в сутки, забывая о еде и сне. Наша семья жила в помещении художественного музея на втором этаже, рядом с хранилищем картин. Выставочный зал, рабочие комнаты, художественная студия (где папа тоже работал) были внизу. Я по несколько раз в день бегала вниз, чтобы позвать его к обеду. И каждый раз он говорил: «Сейчас-сейчас», и тут же забывал. Ему всегда было некогда. А как любовно собирал папа экспонаты для музея! Много приобретал на свои скудные средства. А чтобы как-то содержать семью (шесть человек), читал лекции, устраивал выставки, по его эскизам ежегодно украшали в праздники город. Главные черты Петра Михайловича – его высокая интеллигентность, порядочность, бескорыстие, величайшее трудолюбие. Не терпел халтуру и рвачество. «Халтурщина» – его ругательное слово»⁵.

П.М. Покровский взял на себя ответственность за организацию краевых художественных выставок, сплотив вокруг себя художников-единомышленников – научных сотрудников музея Г.В. Гусака, А.А. Васильева, А.А. Чистякова, И.В. Михайлову, А.В. Шишкина, В.Н. Высоцкого и других. Через печать, радио, афиши, обращения и письма музей повсеместно, от Читы до Чукотки, широко информировал население края о сроках приема на очередную выставку произведений профессиональных и самодеятельных художников, об условиях проведения выставок и премировании призовых работ.

В июле 1938 года в помещении Дальневосточного художественного музея открылась первая краевая художественная выставка детского творчества, в которой участвовали дети от 3 до 17 лет, представившие 365 экспонатов⁶. Подготовку к выставке, начатую П.М. Покровским, сотрудники музея продолжали в течение 1937–1938 годов. Директор не случайно обратился к теме детского творчества, потому что именно в детях он, как педагог, видел перспективу развития изобразительного искусства в крае, оторванном от цивилизованного европейского центра страны тысячами километров. В своем обращении по радио к юным слушателям о предстоящей выставке

В июле 1938 года в помещении Дальневосточного художественного музея открылась первая краевая художественная выставка детского творчества, в которой участвовали дети от 3 до 17 лет, представившие 365 экспонатов⁶. Подготовку к выставке, начатую П.М. Покровским, сотрудники музея продолжали в течение 1937–1938 годов. Директор не случайно обратился к теме детского творчества, потому что именно в детях он, как педагог, видел перспективу развития изобразительного искусства в крае, оторванном от цивилизованного европейского центра страны тысячами километров. В своем обращении по радио к юным слушателям о предстоящей выставке

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Подвеска для ножа. Чукчи

Шхуна двухмачтовая. Чукчи

Пеликен. Эскимосы

Нож для вырезывания орнамента. Нанайцы. К. XIX – нач. XX в.

Нож для разрезания бумаги. Чукчи

П.М. Покровский говорил: «Рисуйте на любую тему и чем угодно: карандашами, акварелью и масляными красками, цветными карандашами и тушью. Только не забывайте главного. Не срисовывайте с картинок. Рисуйте как можно больше с натуры, учитесь наблюдать и изучать окружающую вас природу и вещи...»⁷.

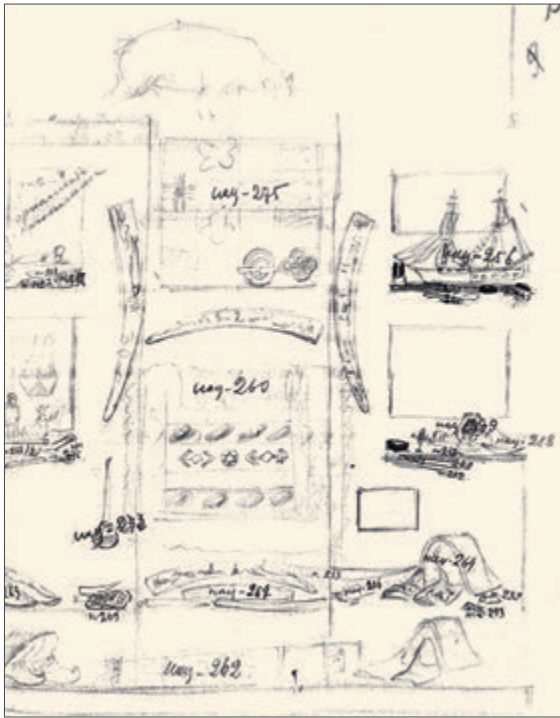
Проводимая под неустанным руководством Покровского выставочная деятельность Дальневосточного художественного музея – пять краевых художественных выставок с 1932 по 1938 год, выявила и сплотила большое количество профессиональных и самодеятельных художников края, национальных мастеров и детей, дала возможность молодым художникам и художникам-самоучкам практически учиться у профессионалов. Выставки положили начало систематическому общественному показу работ дальневосточных живописцев, графиков, скульпторов, стимулировали их, развивали профессиональный интерес, подчеркивали организующую роль музея в сплочении художественных сил края.

Выставочная деятельность музея, по мнению П.М. Покровского, дала возможность в условиях культурной революции 1930-х годов ускоренно решить главную проблему Дальнего Востока – «воспитание и создание творчески активной, социально устойчивой прослойки художественной интеллигенции». Колоссальным успехам музея в просветительской и художественно-образовательной работе способствовал факт полного отказа (с 1936 года) от политизированных тем в выставочной деятельности. Немалая заслуга П.М. Покровского в том, что он направил все усилия музея на методику раскрытия художественно-эстетических ценностей в экспонировавшихся произведениях изобразительного искусства. ДВХМ, органично вошедший в дальневосточную музейную сеть, способствовал выполнению важной роли в развитии культуры региона, в ускоренном развитии дальневосточного изобразительного искусства, в

консолидации художественных сил края. Особая роль принадлежала музею в изучении, комплектовании и научной обработке предметов декоративно-прикладного искусства малочисленных народов Дальнего Востока. В 1937 году Покровский подготовил к изданию альбом «по искусству национальностей ДВК», который бесследно пропал⁸.

Творческую деятельность ДВХМ, органично вписавшуюся в культурную, художественную и музейную среду региона, нарушили новые политические репрессии на работников культуры и искусства. Кампания массовых чисток достигла небывалых размеров в 1937–1938 годы, когда на страницах печати публиковались отклики на показательные процессы над «врагами народа» – потомками дворян, духовенства, купцов и других непролетарских слоев населения. В дальневосточных музеях органы НКВД находили «контрреволюционеров» и «японских шпионов». Не избежал этого и художественный музей. Его директор был арестован 18 февраля 1938 года. В обвинительном заключении от 18 июля 1938 года говорилось, что Покровский П.М., «сын попа», с 1936 года являлся «руководителем шпионской организации, существовавшей в Дальневосточном краевом художественном музее», в которую привлек сотрудника музея и «которому давал специальное задание по сбору секретных сведений для передачи в пользу Японии». Кроме того, он проводил «антисоветскую агитацию против существующего советского социалистического строя». Поскольку обвиняемый виновным себя не признал, но был изобличен показаниями и очной ставкой другого обвиняемого, следователь постановил: дело по обвинению Покровского П.М. направить на рассмотрение тройки УНКВД по ДВК. В выписке из Протокола тройки УНКВД от 27 сентября 1938 года – постановление: «Покровского Петра Михайловича расстрелять. Имущество, лично принадлежащее осужденному, конфисковать»⁹. В выписке из акта имеется короткая запись: «Постановле-

Набросок макета витрины для экспозиции народного искусства. 1926 г.

Бельды О. Обложка для альбома. Дальневосточный художественный музей. Искусство нанайцев. 1937 г.

ние тройки УНКВД по ДВК от 27 сентября 1938 года приведено в исполнение 11 октября 1938 года»¹⁰.

Все годы с момента ареста Петра Михайловича его родные преследовались как «враги народа». В 1941 году на фронтах Великой Отечественной войны погиб сын Покровского Анатолий. После смерти Сталина на запрос жены А.П. Покровской в 1955 году ей ответили, что П.М. Покровский умер в 1942 году. Через год, когда ею были написаны письма прокурорам СССР и Хабаровского края, в декабре 1956 года дело Покровского пересмотрели во 2-м отделе УКГБ по Хабаровскому краю. В качестве свидетелей допросили хабаровских художников И.А. Горбунова, А.В. Шишкина, В.Н. Высоцкого, бывшего научного сотрудника Дальневосточного художественного музея Н.У. Михальску. Они говорили о П.М. Покровском как о высоком профессионале, справедливом музейном руководителе, проявлявшем заботу о сотрудниках и художниках, пользовавшемся авторитетом среди рабочих и служащих, хорошим семьянином, чутком отце.

Определением военного трибунала ДВО № 4/348 от 18 марта 1957 года «постановление тройки УНКВД по ДВК от 27.09.1938 года было отменено и дело в отношении П.М. Покровского было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления (ст. 4, п. 5 УПК РСФСР). Покровский П.М. был полностью реабилитирован посмертно»¹¹.

В память об этом выдающемся человеке Дальневосточный художественный музей в 2006 году учредил премию П.М. Покровского. Она вручается юным талантам – победителям ежегодных конкурсных выставок «Новые имена», которые ежегодно проводит музей, продолжая традиции своего первого директора.

Фото из архива ДВХМ

Труды П.М. Покровского

1. Дальневосточное общество краеведения // На культурном фронте. 1928. № 4. С. 68–70.
2. Дальневосточный край // Советское краеведение. 1930. № 9. С.21–22.
3. К вопросу об организации этнографических экспедиций на Дальнем Востоке // Советский музей. 1931. № 4. С. 112–113.
4. Покровский П. Выставка художников-самоучек // На рубеже – 1936 – № 3.

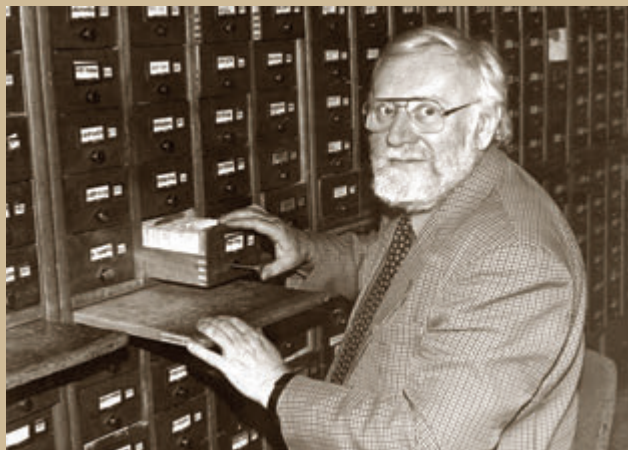
Примечания

- ¹ Жук С.Ю. Первый художественный музей на Дальнем Востоке России (Создание и становление Дальневосточного художественного музея (1901–1941 гг.). Монография. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. 176 с.
- ² С 1992 года Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей.
- ³ Федоринова И. Их объединила любовь к прекрасному / Каргополье, 1994. 26 марта.
- ⁴ На основании письма 17 хабаровских евреев, которые предложили передать здание еврейской синагоги в ведение музея для организации в нем картинной галереи, постановлением Горсовета от 7 июня 1926 года был расторгнут договор с общиной верующих иудеев и вынесено решение о закрытии синагоги, а Хабаровскому окрисполкому выдано разрешение использовать это здание для культурно-просветительных нужд.
- ⁵ Крючкова М. «Все, что связано с отцом, для меня свято». / Каргополье, 1995. 20 мая.
- ⁶ ГАХК (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1629. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об.
- ⁷ Там же. Д. 29. Л. 1.
- ⁸ В фондах музея сохранился макет обложки к этому альбому.
- ⁹ АУФСБХК (Архив Управления Федеральной службы безопасности по Хабаровскому краю). Д. П-80723. Т.1. Л. 20.
- ¹⁰ АУФСБХК. Д. П-80723. Т.1. Л. 21.
- ¹¹ АУФСБХК. Д. П-80723. Т.1. Л. 84.

Полузабытые страницы

Михаил МАНАКОВ

Как много неизвестного, а иногда и вовсе неожиданного, способны до поры скрывать архивные фонды, бережно вмещающие и запыленные подшивки давнишней периодики, и пожелтевшие от времени, ставшие такими хрупкими листки машинописи с нанесенной местами аккуратной рукописной правкой! Целые пласты захватывающей истории и уникальной культуры таятся среди этого ценнейшего наследия, терпеливо дожидаясь своего заветного часа, чтобы дать ответ на вопросы исследователей и послужить разъяснением той или иной научной загадки. Вот почему

Игорь Всеволодович Можейко. В зале каталогов РГБ

обращение к архивным источникам служит прочным и надежным связующим звеном между веком прошлым и днем сегодняшним, а заботливое воспроизведение старых текстов может по-прежнему вызывать самый живой интерес. Именно такую роль принимает на себя это переиздание краеведческого материала.

Имя Кира Булычева, безусловно, хорошо знакомо всем, кто интересуется современной фантастикой, одним из классиков которой он по праву стал уже давно. Его творчество помнят, любят и ценят представители самых разных поколений – от умудренных жизненным опытом взрослых до любознательных детей и подростков, только открывающих для себя удивительный мир большого мастера. Однако далеко не каждому известно настоящее имя любимого и популярного писателя. А ведь под запоминающимся псевдонимом выпускал свои литературные произведения крупный ученый, доктор исторических наук, авторитетный востоковед Игорь Всеволодович Можейко, автор многочисленных исследований о давних временах и дальних странах, о людях, овеянных дымкой красочных легенд и преданий, о кровавых битвах и мирных путешествиях, о великих географических открытиях и остающихся до сих пор неразгаданными тайнах мировой истории и культуры. Такие книги, как «7 и 37 чудес», «1185 год», «Пираты, корсары, рейдеры» расширяют для читателя горизонты истории, в то время как многоцветие и буйство красок экзотических стран Азии и Африки – Мьянмы (Бирмы), Ганы, запечатленное им в путевых очерках, раздвигает перед нами географические границы мира.

Игорь Можейко родился 18 октября 1934 года в Москве. После окончания в 1957 году Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза, в котором он обучился английскому и чешскому языкам, ему довелось несколько лет проработать в Бирме переводчиком на строительстве совместных советско-бирманских объектов, а затем корреспондентом АПН. Вернувшись в Москву, Игорь Можей-

ко поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую успешно окончил в 1962 году. Вся его дальнейшая научная деятельность связана с этим крупнейшим академическим центром. С 1963 года и вплоть до последних дней жизни он активно работал в Институте востоковедения, став ведущим научным сотрудником. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Паганское государство (XI–XIII века)», а в 1981 году – докторскую диссертацию по теме «Буддийская сангха и государство в Бирме». И.В. Можейко опубликовал несколько монографий по истории Бирмы и Юго-Восточной Азии: «История Бирмы» (1973), «Бирма: религия и политика» (1978), «Западный ветер – ясная погода» (1984) и др.

Научная деятельность органично совмещалась и сочеталась у него с интенсивной журналистской работой. В 1960–70-е годы он активно сотрудничал с журналами «Вокруг света», «Азия и Африка сегодня» и целым рядом других. Специально для этих изданий он написал несколько десятков увлекательных научно-популярных статей, заметок, путевых очерков, ставших его ярким творческим дебютом. На страницах вышеупомянутых журналов в самом начале 1970-х годов появились две не совсем характерные для И.В. Можейко статьи – «Фантастическая Шайга» и «Местный житель». Эти довольно-таки крупные публикации стали ожидаемым результатом научных и журналистских командировок от журнала «Вокруг света». Побывав на Дальнем Востоке, Можейко с увлечением и искренним интересом познакомился там с Надеждой Старковой и Эрнстом Шавкуновым, ставшими затем героями его журнальных статей, и с результатами их научных изысканий. Одну из этих журналистских работ современный читатель как раз и получает возможность заново про-

Игорь Можейко в одной из командировок от журнала «Вокруг света» на острове Диксон, 1967

И. Можейко. Владивосток

честь в издании, которое он держит сейчас в своих руках. За более чем сорок пять лет, прошедших с даты ее первого появления в печати, статья Можейко стала документальным памятником неповторимой эпохи энергичного развития советской этнографической науки, переживающей сейчас, увы, далеко не лучшие времена. Кстати сказать, научной теме, связанной с журналистским освещением достижений еще одного научного направления – археологии, в тот же период было посвящено несколько любопытных статей и очерков Игоря Можейко о раскопках в грузинском городе Вани, проводившихся под руководством знаменитого ученого Отара Лордкипанидзе: «Холм золотого руна» (1970), «Последний день Левкотей» (1976), «Вани – 1976 год нашей эры» (1976).

К сожалению, как это чаще всего и бывает, судьба журнальных статей, заметок и очерков, в том числе и Игоря Можейко, оказалась не очень-то завидной. Все они, как правило, так и остались полузабытыми на выцветающих страницах своих первопубликаций. Но «Фантастической Шайге» и «Местному жителю» повезло куда больше – их переиздали спустя десятилетия. Правда, вошли они в доступные лишь узкому кругу специалистов антологии и сборники... И вот сегодня в журнале «Словесница Искусств» еще одно напоминание о мастерски написанном очерке «Местный житель». Сам архивный тип переиздания вполне соответствует одной из граней научных интересов Можейко, которого, без всякого преувеличения, можно по справедливости назвать опытным и пытливым архивоведом, много и плодотворно поработавшим в крупнейших фондохранилищах как нашей страны, так и за рубежом. Профессиональное историческое образование и собственные углубленные представле-

ния о значимости сохранения культурно-исторической памяти позволяли ему находить общий язык со специалистами архивного и музейного дела, обрести немало друзей в этой среде. И, конечно же, отнюдь не случайно Игорь Можейко стал своим человеком в ГИМе – Государственном историческом музее, изобразив позднее этот необычный и весьма колоритный мир в некоторых художественных произведениях, опубликованных под именем Кира Булычева.

Кроме того, была у Игоря Можейко и еще одна подлинная страсть, сопровождавшая его всю жизнь, – изучение и собирание предметов старины, материальных носителей истории, осязаемых свидетелей былых эпох. Это качество, несомненно, внутренне сближало его с героиней очерка «Местный житель» Натальей Старковой – представительницей коренного народа Камчатки ительменов, которая, как и он сам, отдала столько сил и энергии тщательному и кропотливому воссозданию внешних примет минувшего времени – сохранившихся редкостных памятников истории и культуры, спасенных из небытия благодаря неустанным стараниям человека, тонко чувствующего и понимающего истинное значение всех этих, казалось бы, случайных и разрозненных мелочей. Но в сокровищнице общечеловеческого наследия мировых цивилизаций ненужных и второстепенных мелочей просто не бывает! Так пусть же это переиздание замечательного очерка Игоря Можейко об истинной патриотке своего края и своего народа станет хоть и скромным, но полезным вкладом в поддержание прочной взаимосвязи поколений и культур, создающих такое поразительное и неисчерпаемое многообразие окружающего нас мира.

Местный житель

Игорь МОЖЕЙКО

Летом Надя Старкова приезжала из интерната в Морошечное. Теперь от Морошечного и следа не осталось, балаганы рассыпались, сгнили, огороды скрылись под зарослями кустарника, и даже рыба в речке забыла об отцовских сетях.

Бабка собиралась в лес, подвешивала к поясу поверх трикотажной кофты берестяные чумашки для ягод и корешков, звала Надю с собой. Высокие травы здоровались с бабкой, ягоды выглядывали из-за листьев, чтобы бабка их не упустила, птицы трещали, болтали, сообщали бабке новости.

Когда садились перекусить, бабка отделяла пищи для духов, одетых в листву многочисленных родственников плодового Кухте, а Надя смеялась, вспоминала, что у бабки есть спрятанная иконка.

– А твой бог не рассердится, когда узнает, что ты Кухте кормила?

– Бог дома. В лесу Кухте. А ты его не увидишь, он тебе не покажется.

Бабка помнила сказки и песни, которые все остальные в Морошечном уже забыли. Она пела о птице-рыбе по имени Митт и о хозяине зверей, который жил в облаках и гремел громом. А однажды рассказала Наде сказку о том, как одного ительмена злые люди посадили в бочку и пустили плавать по морю. Но ительмен не погиб, а добрался до острова, где жила красивая девушка.

– Эту сказку написал Пушкин, – сказала Надя с категоричностью молодости.

– Эту сказку мне давно рассказывали, – не сдалась бабка. – Хочешь дальше слушать?

Бабка знала и понимала лес, владела в нем тайнами, доставшимися ей от сотен поколений лесных жителей. О них еще в XVIII веке писал путешественник Стеллер: «Они имеют колоссальные познания в области ботаники... Обычно им известны все туземные растения как по их именам, так и по их свойствам». И когда жители маленького Морошечного переселились к морю, в село Ковран, бабка тосковала по лесу, и в этом ее не могло утешить ни кино в новом клубе, ни больница, ни радио, столь привычные и нужные для молодых.

Но тогда Нади на Камчатке уже не было. Она уехала в Ленинград, поступила на факультет народов Севера. Отец опасался сначала – куда в такую даль поедет девушка? Потом сам говорил: «Хорошо, что поехала, не испугалась». Надин отец, в гражданскую ставший на сторону

Фотом с сайта <http://red-road.forum2x2.ru/t337-topic>

красных, человек уважаемый и серьезный, кончил лишь четыре класса церковноприходской школы еще до революции. Тогда это было много, очень много для ительмена. И он хотел, чтобы дети стали образованными. Надя вернулась на Камчатку с дипломом историка, она учительствовала в школе. Потом переехала во Владивосток, где стала работать в секторе этнографии и антропологии Дальневосточного филиала Академии наук: и это случилось потому, что она встретила человека по фамилии Сэм. Он помог определить Наде ее стремления.

Юрий Александрович Сэм лишь половина тандема. Многочисленные статьи, что можно встретить в сборниках или научных журналах, посвященных Дальнему Востоку, часто подписаны сразу двумя Сэмами: Ю. А. и Л. И. Юрий Александрович – этнограф. Лидия Ивановна – филолог. Юрий Александрович едет в экспедицию к нивхам, нанайцам, удэгейцам изучать их историю и материальную культуру. Лидия Ивановна едет в ту же экспедицию и занимается топонимикой, составляет словари и сравнивает диалекты малых народов. Если послушать, как говорят о Сэмах немногочисленные пока этнографы Владивостока, можно прийти к выводу, что разговор идет о старых и мудрых вождях племени. «Сэм сказал», «Сэм посоветует»...

А Сэмы в жизни не лишены чувства юмора, молоды, подвижны. И может быть, потому на их счету несколько десятков статей, докторская диссертация, лежащая у Юрия Александровича в столе, и много лет экспедиций.

Юрий Александрович сидит перед машинкой со списком вещей, крайне нужных к предстоящему полевому сезону. За окном ослепительное весеннее солнце Владивостока, корабли в бухте и голые пока деревья бульварчика, сбегаящего круто к причалам.

– Я очень обрадовался, встретив Надежду Константиновну Старкову, – говорит он. – В нашем деле нет более полезных ученых, чем представители малых народностей Дальнего Востока. Они знают язык, отмирающие обычаи. А с Надеждой Старковой этнографии просто повезло. Пришла она к нам лаборанткой с твердым желанием заниматься историей и культурой родного народа.

Лаборантам положено исполнять вспомогательную работу. Лаборант – низшая ступенька на научной лестнице, и далеко не все находят в себе силы и возможности шагнуть на следующую. А лаборантка Надежда Старкова

с первого дня работы знала, что шагнет. Характер у нее достаточно упорный. Уехала ведь в свое время в Ленинград. А теперь была уверена, что станет рано или поздно первым этнографом среди ительменов. И пока училась. В старинных застекленных ящичках каталога библиотеки Географического общества разыскивала карточки, где мелким каллиграфическим почерком с «ятами» значились фамилии Крашенинникова, Стеллера, Иохельсона, Гапановича, Кенана – всех тех, кто побывал на Камчатке и писал о маленьком народе ительменов.

Первым был Владимир Атласов, пятидесятник из Анадыря, закончивший дело Ермака. В 1696 году со ста двадцатью казаками он ушел на Камчатку. «Пошел он, Володимер, из Анадырского острога на службу великого государя, для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокодержавною рукою в ясачном платеже не бывали».

Два с половиной года ходил Атласов по камчатской земле. Он не только осваивал полуостров и собирал дань, а записывал то, что видел, и «сказка» его – первый по времени источник о населении Камчатки, его обычаях и составе. Говорится там и о многочисленных «камчадалах», населявших большую часть полуострова. Жили камчадалы в больших полуземлянках, выбираясь оттуда наружу через дымовое отверстие, а летом переселялись в легкие балаганы, стоявшие неподалеку. В полуземлянке жил весь род, человек до двухсот, а балаганов было множество, по двадцати на землянку.

Вслед за казаками приехали купцы, чиновники, миссионеры. Первые русские крепости были построены еще при Атласове, а в 1740 году на Камчатку привезли крестьян-переселенцев из России. Еще через десять лет архимандрит Хотунцевский, глава духовной миссии, крестивший ительменов, донес в Петербург: «Все камчадалы, кроме самых изменщиков коряк, в дальности от Камчатки с места на место переезжающих, благодатью божьей, святым крещением просвещены». Донесение было лживым, ительмены почти ежегодно восставали.

Первый ученый появился на Камчатке через несколько десятилетий после казаков. Но в этом Камчатке повезло – ученым был Крашенинников, и он создал «Описание земли Камчатки». Описание издавалось неоднократно и до революции и после нее; оно породило множество научных трудов и исследований, и трудно отыскать в XVIII веке книгу столь точную, подробную, добросовестную и так ярко написанную.

Крашенинников застал ительменов уже покоренными, хотя и не покорившимися окончательно, сильно уменьшившимися в числе и волей-неволей перенявшими у пришельцев многое и в языке и в обычаях.

Крашенинников первым записал и попытался объяснить название этого народа – ительмены. «Камчадалы как северные, так и южные называют себя ительмен, житель... корни сих слов... остались в языке камчадалов, которые живут между Немтиком и Морошечной».

Объяснение слова «ительмен» претерпело за последние годы ряд изменений, ибо изменился и язык народа. Этнографы и филологи объясняли его по-разному.

И все-таки, вернее всего, Крашенинников был прав. Согласно с ним и Надежда Старкова. Ительмен – значит местный житель.

Лаборанту можно и желательно участвовать в экспедициях. Но лаборант не может уехать в собственную экспедицию. Каждый уважающий себя бухгалтер скажет на такое предложение: «Помилуйте, у нас средства ограничены, все хотят ехать в поле, опытным людям отказываем в дополнительных деньгах, а тут девушка, вчера из института, поедет сама по себе за тридевять земель». В общем, бухгалтер прав, хоть это и обидно.

Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук пока невелик. Этнографов, археологов и филологов в нем единицы. А Дальний Восток необъятен, и путешествие от Владивостока до Северной Камчатки дольше и труднее, чем путешествие через всю Европу.

Бухгалтеры правы, но если лаборантка прочла все, что можно прочесть о своем народе, если она знает все, что сделали до нее другие, то пора сделать следующий шаг – продолжить их дело. А ведь наступает лето – то было лето 1963 года – угол комнаты, где стоит стол лаборантки Старковой, заполняют палатки и спальные мешки. Сэмы запирают шкафы с топонимическими карточками и рисунками орнаментов, шаманскими идолами-бурханами и поделками из дерева нанайцев и удэге. Все собираются в поле. Лишь лаборантке Старковой опять оставаться в дождливом летом городе.

И тут пришел к Старковой Сэм и сказал:

– Вот деньги. Их немного, но хватит на билет до Петропавловска и обратно. И на то, чтобы не помереть с голоду. Согласно ехать?

– Как же я помру с голоду дома? – ответила вопросом на вопрос Надежда. – А откуда деньги?

– Деньги «нелегальные». Нет, не бойся, никакого преступления за ними не скрывается. Мы тут подумали вместе с археологами и решили, что сможем немножко выделить из наших экспедиционных средств.

И Надежда Старкова поехала в экспедицию на Камчатку. В единственном числе.

Надежда не была дома несколько лет. А когда приезжала раньше, просто возвращалась домой, окуналась в домашние проблемы и заботы, занималась с сестрами, которые тоже решили стать специалистами. Одна – врачом, другая – учительницей.

А теперь все изменилось.

Мать ругала дочку почти всерьез:

– Другие приезжают в гости, отдыхают, гулять ходят. Одна ты все воскресенье с бумажками сидишь, пишешь, фотографируешь. И почему ты одна такая несчастная?

Экспедиция Старковой началась с села Ковран. Здесь было легче – ее знали. Здесь было и труднее. И потому, что вещи, раньше обычные и примелькавшиеся – и бабушкины чумашки, и старые торбаса, закинутые за ненужностью в кладовку, и нож, которым дед когда-то, еще в Морошечном, расщеплял стебли кипрея, – вдруг приобретали особый, отделенный от их повседневной жизни, этнографический смысл. Они становились памятью о прошлом народа.

Было трудно и потому, что село Ковран не похоже на Морошечное, на старинные ительменские острожки. Оно стоит на широкой безлесной равнине, и прямые улицы его упираются в реку. И дома его, и детский комбинат, и школа, и больница, и электростанция – все это ничем не напоминает полуземлянки, балаганы, избенки, раскиданные в беспорядке среди лесов. И увидеть прошлое, угадать его следы и то, что осталось от него в повседневной жизни ительменов, не так легко.

Исследователи не могут прийти к согласию, сколько было ительменов на Камчатке. Но в любом случае – более десяти тысяч. В отличие от коряков, чукчей, долгое время сохранявших хотя бы частично независимость, ительмены жили оседло и не могли откочевать в тундру. Океан привязывал их. Сборщики ясака безошибочно находили дорогу к острожкам. Восстания, бунты племени подавлялись царскими властями быстро и жестоко. После каждого восстания число ительменов уменьшалось. Уничтожали народ и болезни. Долгое время прожившие в изоляции, на полуострове, ительмены не имели иммунитета даже против простуды, не говоря уж о туберкулезе, оспе. От гриппа вымирали целые деревни. Водка, которую привозили торговцы, довершала дело истребления народа.

Камчатка помнит и людей, искренне заботившихся о судьбе ее жителей. К ним относятся, например, капитан Завойко, герой обороны Петропавловска против английской эскадры во время войны 1854–1855 годов. Были врачи, учителя, чиновники, старавшиеся облегчить участь ительменов. Но таких в дореволюционной истории Камчатки меньшинство. Гораздо больше было среди администраторов царского правительства самодуров вроде Бухарина, о котором – и его собратьях – с горечью отзывался исследователь Камчатки Гапанович.

К началу XX века ительменов осталось меньше тысячи. После революции, когда стало возможным учесть и переписать камчатское население, ительменов насчитывалось около пятисот человек.

Старкова приходила в дом, здоровалась, говорила о разных разностях – о жизни, заработках, о планах на будущее, фотографировала комнаты, такие же, как комнаты в домах русских, посуду на кухне. Потом начиналось более трудное. А как было раньше?

Быт кочевых народов, оленеводов, идущих за стадами, сохраняет и по сей день многие черты, необходимые именно для этой трудной жизни. Быт таежных охотников – нанайцев, удэгейцев, орочей – так же приспособлен к долгим странствиям в тайге, так же устойчив, и когда в него приходит новое, то черты, связанные с исконным национальным промыслом, – одежда охотника, лодки и так далее – доживают до наших дней и отлично соседствуют с достижениями современной цивилизации.

Ительмены уже более двухсот лет назад попали в условия, им несвойственные и трудные. Они были рыбаками, хоть и знали отлично тайгу. Их заставили платить ясак мехами и сократить рыболовство. Они поклонялись духам лесов и морей, жили большой семейной общиной – христианские проповедники словом и де-

лом заставили их расселиться в худые избенки, где болели и взрослые и дети. И когда после гражданской войны, окончившейся на Камчатке лишь в 1923 году, к ительменам приехали первые врачи, учителя, обнаружилось, что народ находится на грани вымирания, полного исчезновения.

С тех пор прошло полвека. Сегодня ительменов на западном побережье Камчатки более тысячи человек, там есть интернаты, клубы, национальный колхоз. Но многого в материальной культуре народа, подорванной сотни лет назад, ныне не вернуть. Каждый предмет, да и не только предмет, но название его, память о нем доставались Надежде Старковой с трудом и после долгих розысков и бесед.

Это ушедшее и уходящее на глазах не всегда есть нужда возвращать в быт современных поселков. Ибо иные приметы прошлого твердо связываются у людей лишь с бедностью и грязью прошлых лет. Но этнографам необходимо знать все, да и не только этнографам. Вещи, быт, предания, оружие, орудия труда ительменов – все это крайне важно для воссоздания истории Сибири и Дальнего Востока, для понимания сложнейшей истории азиатских народов.

Первая же экспедиция оказалась не только этнографической. Она была и попросту спасательной. Пожалуй, этнографии повезло, что в экспедицию отправилась ительменка. Знание языка позволило не только беседовать со стариками и даже порой поправлять их, когда они старались вспомнить название того или иного предмета, но и составить первый очень важный словарь, включающий термины повседневной жизни ительменов.

Прошло пять лет. Пять экспедиций. Старкова побывала во всех ительменских селах, поговорила буквально с каждым стариком, привезла во Владивосток горы испанской бумаги, рулоны пленки, модели предметов, которых уже не осталось, и образцы вещей, которые можно было еще отыскать. Прошло еще полтора года. И бывшая лаборантка, отправленная столь недавно в полулегальную экспедицию товарищами, защитила диссертацию «Материальная культура ительменов» – первый в мире сводный труд, рассказывающий о жизни маленького народа, местных жителей полуострова Камчатка.

А сейчас снова весна. Снова в залитых солнцем маленьких комнатах отдела истории и этнографии сложены в зеленых чехлах палатки и спальные мешки. Собираются в экспедицию на Амур, Сучан, Уссури этнографы и археологи.

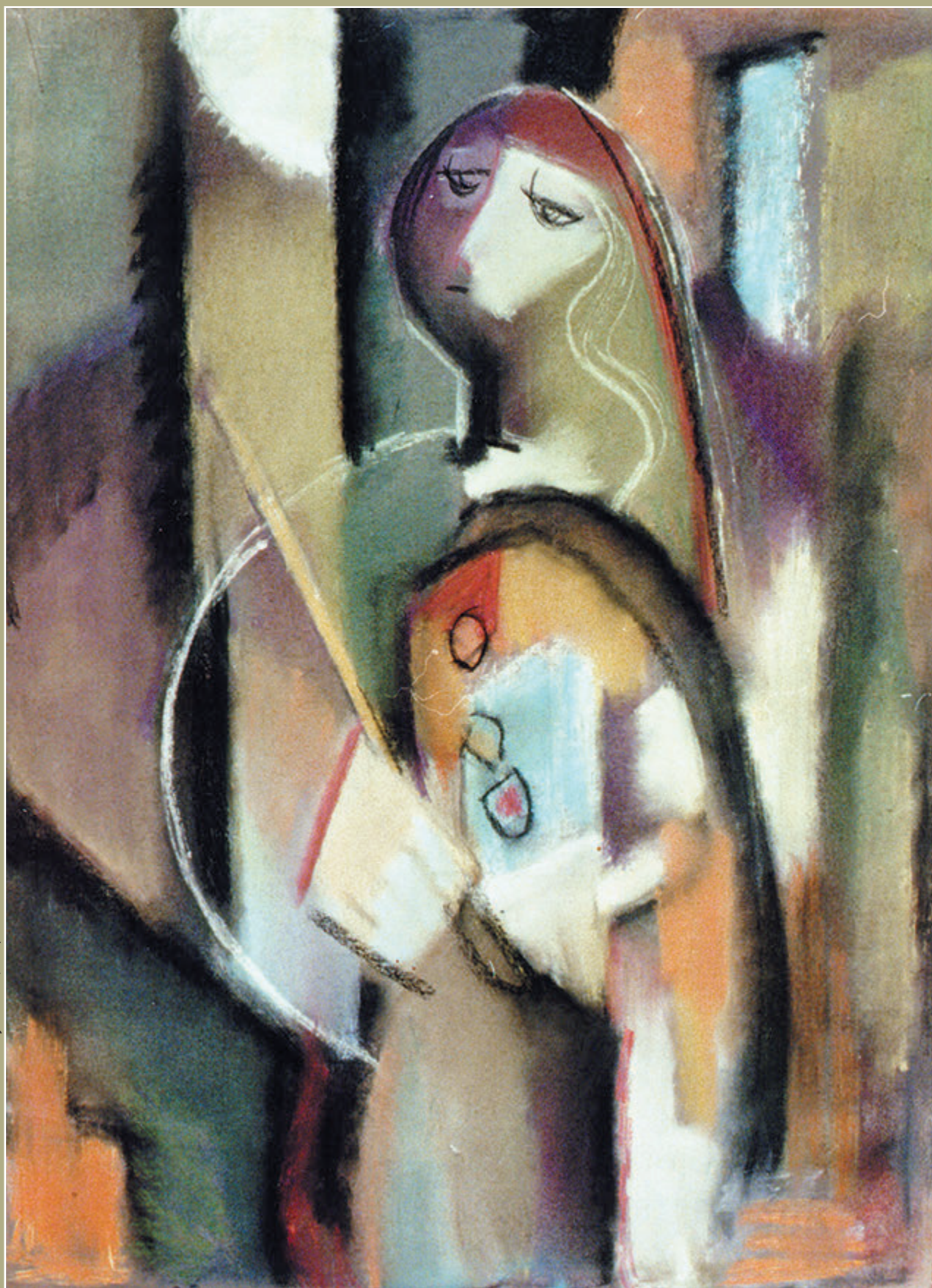
– А что дальше, Надежда Константиновна?

– Дальше – духовная культура ительменов. Кое-какие материалы собраны в предыдущих экспедициях. Кое-что придется разыскивать на месте. Ведь спроси у кого-нибудь из молодых ребят, кто такой дух Кухте, – ни за что не скажут. Откуда им знать. Надо работать. Время не ждет.

1 июня 1970 года.
Журнал «Вокруг света»

Евгений Фентисов. Художница. Картон, пастель. Собственность семьи

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО
КУЛЬТУРЫ

Люди и реки

Участники фотоэкспедиции

Летом 2015 года участники творческого объединения «Мастерская Фотографии» под руководством М. Шаргородского совершили очередную фотоэкспедицию. На этот раз их путь лежал в район имени Полины Осипенко Хабаровского края, а темой путешествия, как и всегда, стал портрет дальневосточника. В итоге родилась новая выставка-повесть «Все реки текут», посвященная людям, живущим вдали от больших городов.

Семья староверов. п. Березовый. Сергей, пасечник

«Ну, рассказывай, корреспондент, зачем к нам пожаловал?» – с добродушной хитринкой в глазах вопрошал этот улыбчивый человек.

Староверы не ограничены только своим жизненным пространством, их история плотно вплетена в историю российского государства. Староверы весьма живо интересуются событиями, которые происходят не только вокруг них, но и в России в целом. Некоторые успешно ведут свои бизнес-предприятия.

Фото Сергея Третьякова

Семья староверов. Три поколения

Слева направо: Сергей, сын Ивана, Григорий Моисеевич, Иван.

Знакомство. На одной из улиц Березового кипела работа: ворота гаража открыты, рядом стояла пара грузовиков, мужики, негромко переговариваясь, громыхали инструментом.

Встретили они нас приветливо. Первое впечатление, которое производят бородачи-староверы, – спокойствие. Улыбчивость и спокойствие. С большой охотой рассказывают о своем быте, делятся своей историей.

Отличительная черта уклада жизни этих людей – приверженность устоям, вера в традиции, крепкие внутрисемейные и междусемейные отношения.

Фото Сергея Третьякова

Учительница

В селе имени Полины Осипенко мы познакомились с замечательной женщиной Евгенией Кирилловной Маяковой. По национальности она эвенкийка, много лет работала учителем начальных классов. За долгие годы воспитала огромное количество детей, да и сейчас не отказывается познакомиться с ними, если просят. До сих пор Евгения Кирилловна помнит многих своих учеников, и те отвечают ей взаимностью, часто звонят и приезжают в гости. Время за разговором пролетело незаметно, она многое рассказала о своем детстве и молодости, с нежностью и любовью поведала о родном поселке. Из бесхитростных рассказов стало понятно, почему эта женщина так горячо любит родную Амгунь.

Фото Светланы Ткачевой

Село Гуга

Детские качели прочно вросли в поле. Или это поле надежно захватило их в свой плен. Вокруг когда-то был поселок, а теперь от него осталось только название – Гуга. Пара домов, метеорологический пост на реке и точка на карте. Место домов заняли деревья и трава, а сами они давно сгорели дровами в печке единственного оставшегося жителя. Последним напоминанием о былой жизни, о чьем-то детстве остались эти качели.

Фото Сергея Шилова

Негидальский орнамент

Возле клуба мы встретили детей, и они с любопытством нас разглядывали. Преодолев стеснение, ребята рассказали, что ждут окончания обеденного перебива, чтобы побыстрее попасть в кружок детского творчества при Центре негидальской культуры в поселке Владимировка. Девочки наперебой стали перечислять, чем они там занимаются. А потом, пригласив нас в центр, с гордостью показали свои поделки – амулеты, вышитые бисером, вырезанных из бумаги человечков в национальных костюмах, фигурки животных. Все работы украшал негидальский орнамент, что позволило ощутить самобытный национальный колорит.

Фото Светланы Ткачевой

Трилистник – это трава, которая растет там же, где клюква

Александра Николаевна Казарова (1931 г. р.), коренная жительница и первая мастерица села Владимировка, по национальности эвенка, а муж ее был негидальцем. Она хорошо помнит свои молодые годы, как открывала олимпиаду (не где-нибудь, а в родном селе!) песней о родном крае, о реке Амгуни.

«Вышивали, пели, танцевали, работали! – вспоминает Александра Николаевна, – работали все, без работы в то время было никак нельзя. Помню, в 1945 году село только строилось, транспорта совсем не было, везде пешком».

У Анны Николаевны семеро детей, внуков и правнуков еще больше, и все выросли на родной Амгуни. На реку раньше часто ходили, а сейчас почти не ходят и рыбы не едят. Ее в реке совсем мало стало...

Листая большую глянцевую книгу о мастерах и мастерицах своего края, Александра Николаевна невольно улыбается, с любовью вспоминая всех, кого знала.

Фото Алены Шиловой

Село Главный Стан

Александр известен в Главном Стане и во всем районе как первоклассный охотник и мастер выделки шкур животных. Дом его заполнен чучелами лесных и речных животных и птиц – от бурундуков и уток до медведя. Их так много, что все дома уже не вмещаются, и часть «разбежалась» по домам родственников и знакомых. Некоторые переместились в местную школу.

Фото Сергея Шилова

Земные богатства

Валентина Ивановна родилась в 1938 году в поселке Михайловка (Бурятия). Окончив десять классов, в 1960 году приехала в поселок Оглонги, устроилась бухгалтером в Херпучинский отдел рабочего снабжения. А в следующем году встретила Олега Александровича, и они почти сразу поженились. «С тех пор все всегда делаем вместе», – рассказывает Валентина Ивановна. – Помню, в молодости ходили сено косить, собирали, на зиму заготавливали – корову же нужно было кормить. А рыбалка! Вот поедем вместе на рыбалку: я на веслах, а он с сетями, наловим штук пятьдесят – на зиму семье хватает. Да еще и родственникам отправляли в Сибирь посылку с рыбой, а они нам кедровых шишек с орешками, маленьких таких. У нас такие не растут, а я страсть как их люблю, с детства. Никаких конфет не нужно, лишь бы орешки эти были».

Олег Александрович пятнадцать лет отработал в лесу, десять лет на драге золото добывал, потом в котельной ручную уголь подкидывал для поддержания давления. Спрашиваю: «Если бы оказалась такая возможность, что бы вы поменяли в своей жизни?» «Ничего бы не меняли, – отвечает, – мы счастливые люди. А вот это наше богатство (показывает фотографии): две дочери, четыре внука и уже два правнука».

Поблагодарив за гостеприимство, мы тепло попрощались. В руках я несла гостинцы – баночку домашнего клюквенного варенья и маленькие кедровые шишки. Те самые, из Сибири.

Фото Ольги Дегтевой

Село Тавлинка

Тавлинка расположилась на берегу реки, а это значит, что с рекой здесь связано все: она дает работу, пропитание, она же часто и единственный транспортный путь. Лодка здесь не менее важна, чем хороший внедорожник. Без лодки деревенский житель хуже городского пешехода, поэтому управлять ими умеют даже дети. А вечером, когда окончена работа или учеба, молодежь бежит на берег, чтобы покататься по реке в лучах заходящего солнца.

Фото Сергея Шилова

Рыбалка – женское дело. Река Амгунь

Из всех сезонов на Дальнем Востоке один особенный. Это осень. Именно тогда многие бросают все свои дела, берут отпуска и... едут на рыбалку. Для кого-то это непреодолимая страсть или хобби, для кого-то заработок, а для некоторых и образ жизни. Когда в дальневосточных реках начинается массовый ход лосося, села и поселки пустеют. На дорогах за рулем встречных машин все чаще женщины, потому что муж в это время на реке. В магазинах нет хлеба, он моментально раскупается мешками – тоже на реку... Разговоры только о ходе рыбы: где идет, как ловится?

Национальное село Владимировка (историческое название – Гарпа, что означает «луч солнца») пустеет, наверное, заметнее других населенных пунктов, потому что на рыбалку отправляются и женщины, и дети. Национальные общины заготавливают кету впрок на долгую зиму. Среди официальных тоней, где ведется лицензионный лов рыбы, Гарпинская коса выделяется не только названием. Это родовое место, где ловили рыбу предки коренных жителей Приамгуны. Только здесь на рыбалке можно встретить все женское население села и детей. А вот выше и ниже по течению реки рыбалка сугубо мужское занятие.

Но здесь действуют другие законы – законы природы и законы людей, которые стараются жить в гармонии с окружающим миром...

На фото момент работы национальной общины с неводом во время лова лосося.

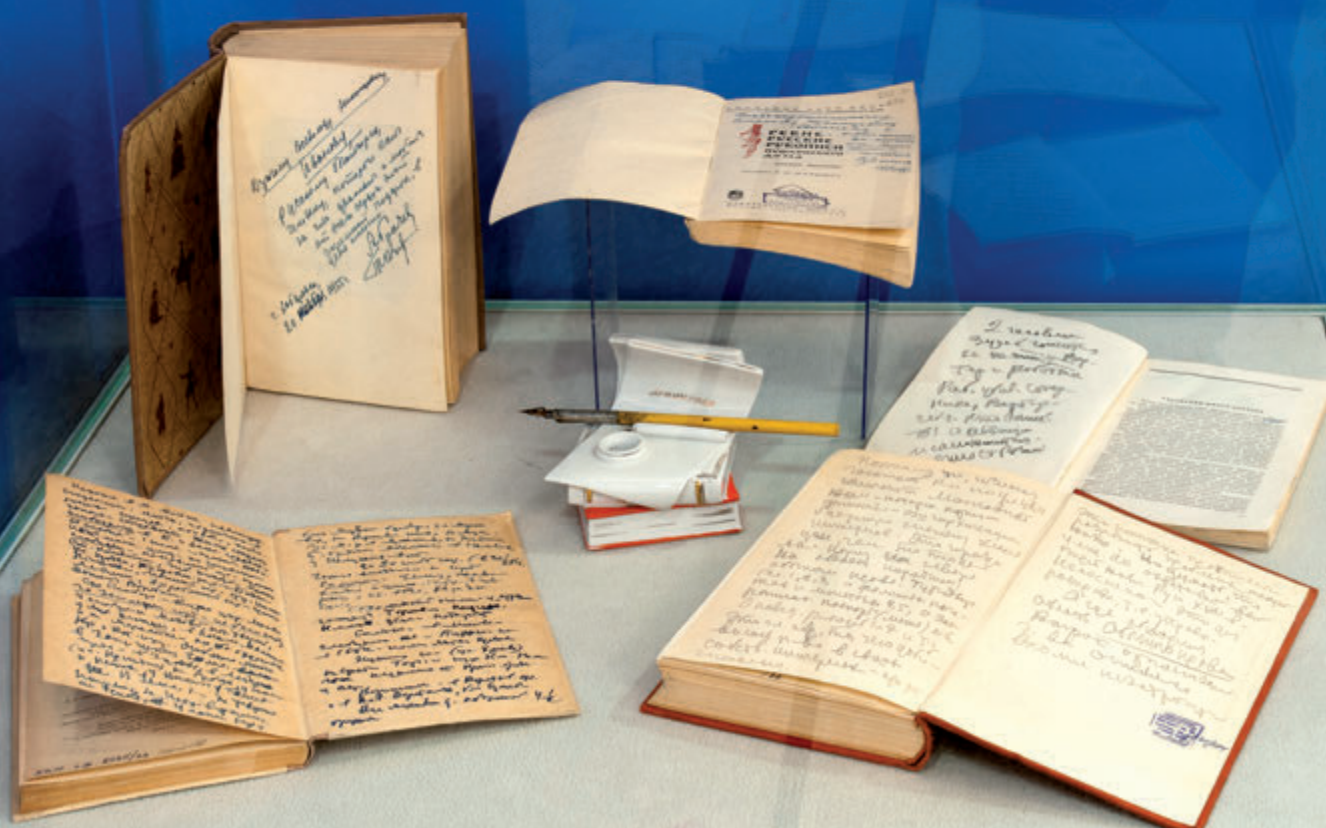
Фото Александра Фроленка

Расшифровывая инскрипты и маргиналии

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА

Выставка «Здесь автор и читатель у начала...» в Гродековском музее получила свое название от строчки стихотворения известного русского поэта и переводчика Льва Озерова и основана на материалах писательского фонда и на коллекции «Редкая книга», «Графика, живопись». На ней использованы книги из архива выдающегося русского писателя и мыслителя, автора многочисленных исторических повествований, Вс.Н. Иванова (1888–1971) и литератора, собирателя семейного архива династии Матвеевых Н.Н. Матвеева-Бодрого (1890–1979), а также книги писателей и ученых советского времени.

Коллекция редких книг в собрании Гродековского музея велика и уникальна: она насчитывает более восьми тысяч книг, большая часть которых имеет дарственные надписи (инскрипты) и записи, пометки на полях (маргиналии). В собрании представлены почти все виды книжных автографов: авторская, владельческая, памятная, вкладная надпись, читательские комментарии, примечания на полях страниц и между строк. Инскрипты и маргиналии, иногда философские размышления или просто рисунок, словно неизвестные материи, приоткрывают тайны творческой жизни уже знакомых дальневосточных писателей.

Книги из библиотеки Вс.Н. Иванова в собрании Гродековского музея насчитывает около 900 единиц хранения, в архиве Н.Н. Матвеева-Бодрого – около 800 книг. Представить на выставке эти ценности в полном объеме невозможно, но и та небольшая часть коллекций раритетных книг вызывает интерес посетителей. Надписи сделаны на русском, европейских и восточных языках – особенно это касается книг из архива Вс.Н. Иванова, известного эрудита и полиглота. Книги на немецком, греческом языках, латыни испещрены пометками на полях, подчеркиваниями красным карандашом. В книги вложены листы с рукописными переводами и стихами, отрывками философской прозы на немецком языке и фрагментами произведений ораторского искусства древних римлян, записанными по памяти.

На форзацах, нахзацах, на полях и между строк книг из библиотеки Вс.Н. Иванова много маргиналий – читательских комментариев, размышлений владельца по поводу прочитанного. На форзаце книги Н. Пирумова «Михаил Бакунин» (Москва, 1966) Вс.Н. Иванов сделал такую запись: «Степан Разин, выехавший за счет дворянского образования в Европу». На книге Эразма Роттердамского «Похвала глупости» (Москва, 1966), написанного им шутя, во время переезда автора из Италии в Англию (Эразму Роттердамскому принадлежат слова «Моя родина там, где моя библиотека»), приводится комментарий Вс.Н. Иванова-чита-

теля: «Похвала глупости» - это «Горе от ума». Далее цитируется эпиграф к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»:

Судьба проказница, шалунья
 Определила так сама:
 Всем глупым счастье от безумья,
 А умным – горе от ума –

и размышления Вс.Н. Иванова: «И Пушкин сказал: «Чацкий не очень умный. А Грибоедов – очень умный человек».

Книга А.С. Орлова «Слово о полку Игореве» (Москва, Ленинград, 1946) вызвала у Вс.Н. Иванова реминисценции с византийским писателем, дипломатом, государственным деятелем, причисленным греческой церковью к лику святых, Симеоном Метафрастом (?–960) и навела автора на лингвистические размышления: «Paganus – противно – civili, потом крестьянин – christian...».

Вслед за Вс.Н. Ивановым читатели этих маргиналий могут выстраивать свои логические цепочки: paganus имеет значения «язычник» и «крестьянин», civilis – гражданский, государственный. Слово «крестьянин» по одной из версий не связано с религией, а восходит к древнерусскому выражению «кресать огонь», т.е. высекать, рубить огнем из кремня. Крестьяне, землепашцы, сжигали лес и севали зерно прямо в золу. Крестьянина Вс.Н. Иванов противопоставляет горожанину, а потом происходит трансформация: «крестьянин (язычник – Н.Г.) – христианин». Читать инскрипты и маргиналии на книгах из собрания Гродековского музея – дело чрезвычайно увлекательное...

«Писать легко, подписывать трудней...» – заключает Лев Озеров, с имени которого мы начали свой разговор об инскриптах. Серьезность момента подписания книги понятна: автор, адресуя автограф будущему владельцу книги, понимает, что пустое слово – знак пренебрежительного отношения к собеседнику или почитателю его творчества. В дарственной надписи, которая делается на все времена, заключен таинственный мир личных и твор-

ческих взаимоотношений создателя книги и его будущего хранителя, в ней выявляются факты писательской биографии, стиля. Запись должна быть искренней, краткой, афористичной; она может быть в стихах или прозе и существует в контексте ассоциативных связей, времени. Дарственную надпись можно рассматривать и как образчик стиля автора, и как литературный жанр, который успешно изучается литературоведами с давних пор. Есть даже коллекционеры автографов – их называют филографами, и возник интерес к собиранию автографов еще в XVI веке. Однако если книга с автографом, в которой заключена непреходящая культурно-историческая ценность, не личный подарок известного автора, а приобретена на аукционе, справедливее было бы, чтобы она принадлежала не только частному лицу и его наследникам...

Иногда инскрипты содержат скрытый подтекст, понятный лишь адресату или знатоку творчества писателя; порою надпись – фрагмент прерванного диалога двух старых друзей. Например, интригует автограф на форзаце книги А.А. Фадеева «Разгром» (Ленинград, 1927): «Джеку Парусу от Джека Матроса, превратившегося, впрочем... просто в обитателя. Александр». На книге Н.И. Максимова «Первый урок» (Хабаровск, 1960) автор написал: «Моему старому и доброму другу – Всеволоду Никаноровичу Иванову – в день встречи на Амуре, когда поезд шел по реке. От автора. 22.09.60 г. Комсомольск-на-Амуре». На обложке книги В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» («Дерсу Узала»), Владивосток, 1921 г. автор написал: «За обломанные зубы желтого дьявола (...). Николаю Константиновичу Костареву от автора. В. Арсеньев. 3.II.1927 г., г. Владивосток». Поэт и прозаик Н.К. Костарев (1893–1939) – автор остросюжетных, приключенческих книг и участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. В начале 1920-х гг. он познакомился во Влади-

востоке с поэтом-футуристом В.Н. Матвеевым – Венедиктом Мартом (1896–1937), и совместно под псевдонимом Никэд и Мат ими был написан роман-трилогия о борьбе за советскую власть в Приморье «Желтый дьявол». Он не оставил равнодушным известного писателя и исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева (1872–1930), и он подарил Н.К. Костареву свою первую книгу.

На книге Гомера «Одиссея» (1958), подаренной Вс.Н. Иванову преподавателями ХГПИ, цитата из поэмы, характеризующая судьбу Вс.Н. Иванова: «Многих людей, города посетил и обычаи видел, много и сердцем скорбел...». Книга «Одиссея» была вручена писателю преподавателем зарубежной литературы М.Т. Сабанцевой, которой Всеволод Никанорович давал уроки древнегреческого языка к концу 1950-х годов. Каждая книга имеет свою судьбу...

Вдова заслуженного художника России Н.П. Долбилкина, искусствовед Л.П. Тарвид накануне открытия выставки сделала музею роскошный подарок – передала книги Вс.Н. Иванова с дарственными надписями. На форзаце книги «Императрица Фике» автограф: «Служенье муз не терпит суеты – прекрасное должно быть величаво». Дорогому художнику наших шумных дней Н.П. Долбилкину с памятью о великих комсомольских фресках-мозаиках... Вс.Н. Иванов, с полным расположением и дружбой 23.V.68 Хабар.». Буква і написана по-старому, и она придает особое очарование тексту, как знак нерушимых уз прошлого, как печать доверительных отношений с единомышленником... Известно, что Вс.Н. Иванов занимал особое место в духовной жизни художника, участника Великой Отечественной войны... Впервые он узнал Вс.Н. Иванова как автора книги «Рерих. Художник, мыслитель» (Рига, 1939), которая потрясла его, и особенно глава «Россия и Рерих». Вс.Н. Иванов был знаком с Н.К. Рерихом, вел с ним переписку; Н.П. Долбилкин встретился с Вс.Н. Ивановым в Комсомольске-на-Амуре, на собрании Союза художников и дружил с ним до последних дней писателя. В собрании Гродековского музея есть портрет Вс.Н. Иванова работы Н.П. Долбилкина. Художник запечатлел Вс.Н. Иванова с его удивительными, как на иконе, глазами в 1968 году, за три года до кончины писателя. Помимо книг с инскриптами и маргиналиями на выставке представлено творчество художников-иллюстраторов: В.Г. Зуенко (1919–2002), Е.И. Вольгушева (1932–2004), Е.М. Фентисова (1929–1993), Н.Н. Холодка (1946 г.р.), А.П. Лепетухина (1948 г.р.) и других, а также экслибрисы дальневосточных графиков. Книжная графика более других видов изобразительного искусства приближена к слову, поэтому она образно поясняет художественный текст, украшает книгу, обогащает ее декоративный строй. Хорошая иллюстрация составляет единство с произведением литературы, помогает читателю представить любимых героев, развивает у читателя художественное мышление. Ведь закон творчества – синтетическое восприятие слова, цвета и звука: когда краски поют, а звуки сияют.

Задача авторов была дерзкой – вернуть читателя к «живой» книге с ее ароматом давно ушедшего, но милого времени, когда томик стихов или прозы считался лучшим подарком и имел чудесную власть, потому что мог изменить судьбу читателя, помочь разрешить многие трудные вопросы.

Фото предоставлены Хабаровским краевым музеем им. Н.И. Гродекова

Виктор Пащенко. Дорога. 1987. Холст, масло, 70 x 100

Свидетельство прекрасной жизни

*Коллекция Хабаровской картинной
галереи им. А.М. Федотова*

Татьяна ДАВЫДОВА

Дальний Восток – огромная территория, для художников в большей степени территория вдохновения, вмещающая самые фантастические земли. Одна Камчатка чего стоит. Именно территория вдохновения, куда можно только самолетом долететь. Но, увы, художественная жизнь кипит там, где есть выставочные залы, галереи, где конкуренция талантов, где обретается известность. Дальний Восток никогда не отличался бурной художественной жизнью. Региональные или, как ранее назывались, зональные художественные выставки, проходят один раз в четыре года. Они, главный форум изобразительного искусства, организуются исключительно на энтузиазме самих художников при вялой государственной поддержке, почему об этом событии и знают, пожалуй, только ху-

картинная *Галерея*
им. А.М. Федотова

дожники и малая среда любителей. Казалось бы, печальная картина, которая мало кого сейчас заботит. Дальний Восток не имеет своих серьезных академических традиций, поскольку здесь нет художественных вузов. Но вопреки всему искусство состоялось из самой неожиданной россыпи талантов, случайно или по воле судеб оказавшихся здесь. Как известно, на пустом месте ничто не вырастает: несколько поколений своим талантом подготовили нам прекрасную почву для полноценной художественной жизни, замечательного разнообразия полноценного изобразительного искусства на Дальнем Востоке. Огромное влияние на художественную жизнь в Хабаровском крае оказало возникновение художественного музея (1931 г.), его блестящая коллекция, которой поде-

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Георгий Ли Гирсу. Весна на Амуре. 1977–1980. Холст, масло, 118 x 149

Иван Петухов.
Эвенские дети.
1970

Холст, масло, 113 x 150

лились музеи Москвы и Ленинграда. Тем не менее истоки профессионального художественного искусства на Дальнем Востоке все-таки следует искать в 1910–20-х годах, времена тревожные – революция, Гражданская война. Центром художественной жизни был Владивосток. Хотя перечень именитых художников небольшой, но тем ярче и весомее их след в искусстве Дальнего Востока: К.И. Каль, А.Н. Клементьев, А.А. Лушников, Н.П. Наумов, Д. Львов... А были и совсем еще молодые, видящие перспективу новой, пока непонятной жизни, например Давид Бурлюк, известный футурист, мимолетно появившийся на Дальнем Востоке как революционный бунт нового против старого. По понятным причинам в 1930-е годы он эмигрировал в Америку. Позднее расчетливая политика СССР привлекала на Дальний Восток не только квалифицированный рабочий класс, но и творческую интеллигенцию...

Но перенесемся чувствами в лихие девяностые, такие же смутные и неясные, как годы, упомянутые выше. Под треск и шум перестройки многие посчитали творчество советского периода, невзирая на мощный талант авторов произведений, ущербным. И, как не раз происходило на полях сражения умов, был поставлен диагноз: искусство периода Советов неполноценно и отстает от продвинутого Запада. Увы, искусство не может отставать, оно просто отражает индивидуальную манеру жить, думать, чувствовать. Бывает, в нем заключено то, что мы называем предчувствием, выражающееся в новых формах, в разрушении привычных норм. Потому искусство – самый точный градусник общества. Вопреки отечественным знатокам нахлынувшие из-за рубежей гости заинтересованно – и за бесценок! – приобретали искусство «ненавистного» советского периода. Как это эгоистично ни звучит, именно девяностые стали хорошим временем для пополнения коллекций. Произведения, которые передавались учреждениям культуры страны Советов, – в кинотеатры, совхозные-колхозные клубы, библиотеки, вместе с ними и погибали. Десятки, сотни произведений, достойные музея любого статуса, за ненадобностью просто выбрасывали. Не следует полагать, что именно в селах или отдаленных поселках по недомыслию относились дурно к произведениям искусства, отнюдь: там были осторожны, ждали конца вакханалии. Интересно, когда уничтожали высокохудожественное произведение монументального искусства – роспись «Первопроходцы» (авторы Владимир Селиванов, Борис Федоровский) в бывшей гостинице «Дальний Восток» города Хабаровска, у кого-нибудь из вандалов возникло сомнение? Это только один пример. А в замечательно здоровом месте, в сосновом бору, на даче бывшего обкома партии Сахалина, находящейся вдалеке от глаз населения, среди достойных произведений искусства мы обнаружили и пейзаж Алексея Федотова «Южный берег Сахалина». Он был в плохом состоянии, так как во время ремонта дачи им накрывали фортепиано. «Южный берег Сахалина» – часть крутого откоса, на нем – величественная сосна, возвышающаяся над океаном, пространством России. Отражать размах могущественных российских пространств – свойство всех пейзажей Федотова. Картины, щедро переданные клубам и домам отдыха, приносили много беспокойства; почему-то предметы и объекты искусства, уничтоженные в годы

революции, нынче упоминаются без устали, а вандализм девяностых – как-то вяло.

Минуло два десятилетия, и произведения советского периода, отражающие социалистическое вчера, стали востребованы даже у продвинутых граждан России. И востребованы, потому что человеку непременно нужны чувства, которые пополняют утраченные запасы положительных эмоций, тех, что определяют смысл нашего существования на брэнной земле. И это не мода. Для пополнения утраченных чувств пройдемте в наши запасники.

Понятие жанровой картины на сегодняшний день почти отсутствует, нет внимания к простым человеческим привязанностям. Вот один из шедевров нашей коллекции – «Эвенкийские дети». Автор картины – Иван Сергеевич Петухов. Изображенный на картине поселок затерялся на севере Хабаровского края, об этом свидетельствуют окружающие его сопки и отсутствие буйной растительности. Солнечный теплый день, группа детишек на крыльце детского интерната – не детского дома, а именно интерната. Это дети оленеводов, специфика работы родителей объясняет их пребывание здесь. Нет ничего необычного, но чувства самого художника, выраженные в каждом мазке, наполняют теплотой привычный сюжет. С какой любовью написаны дети на картине, как точно переданы нюансы в манере детей слушать и отвлекаться, в их одежде! Детали картины настолько выразительны, что даже запах северной природы ощущает зритель при взгляде на нее. Все это благодаря живописи, умению раскрывать ее возможности, огромному таланту художника. Конечно, наполненность полотна зависит еще и от того, как художник воспринимает жизнь. Вот пейзаж «Амур» Георгия Ли Гирсу – вибрирующая среда в чарующем пространстве света. Истинно дальневосточный пейзаж, выполненный в технике живописи, в манере изысканного пуантилизма. Как замечательно передана с высоты птичьего полета река с ее шириной и разливами! Удивительно мерцание воздуха с тончайшими нюансами! Порой удивляешься, как много стилей, манер и взглядов на искусство собрал Дальний Восток. Кого следует благодарить за такое разнообразие и роскошество талантов, что их привлекло сюда, какой волей судьбы? Художники из Москвы и Ленинграда, Иркутска и Благовещенска, Алма-Аты и Одессы, Еревана и Тбилиси... Вот такое разнообразие представителей различных школ, которые оставили нам свои обнаженные чувства и искреннюю привязанность к этой земле, сложилось здесь: художники поколения войны и те, кто приехал создавать художественно-графический факультет на Дальнем Востоке; кого-то пригласили в семидесятые годы, суля перспективы в творчестве и возможность работать, не думая о мастерской и хлебе насущном. Помимо творческих школ Дальний Восток вобрал и художников разных национальностей, о чем в ту пору мало кто задумывался. Художники Сахалина, которые до конца семидесятых годов входили в Хабаровскую организацию Союза художников РСФСР – прекрасный образец толерантности. Живописец Гиви Манткава – грузин, выпускник Тбилисской академии художеств, кореец Анатолий Ни – скульптор, украинец Ярош – график, армянин Борис Шахназаров – живописец... Их творчество – основа замечательного наследия не только Сахалина. Даст Бог, будет и продолжение.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Владимир Овчинников. Портрет художника Медведского. 1967
Холст, масло, 105 x 140

Степан Федотов. Хирург. 1970
Холст, масло. 109 x 148

Владлен Васильев. Механик Алаев. 1974
Бумага, офорт. 30,5 x 25,5

Кто ты: пуантилист, импрессионист, концептуалист? Тоже неважно. Достаю из запасника картину Манткавы с непозитичным названием «Тузлук». Культура предшественников не одной сотни лет влилась в его кисть, умело и оригинально впиталась в творческую, только ему свойственную манеру. Поэтому мучительный для художников вопрос формы не терзал Манткаву, к какому стану отнесут его творческую манеру, мало его интересовало. Наверное, сюжет, тема задавали форму произведения. В яранге у огромного чана житель Сахалина трудится над заготовкой тузлука – сюжет весьма привычный для жизни аборигена. Но как точен автор в создании образа коренного жителя Сахалина! Неуловимая для европейского зрителя изобразительная пластика персонажа, которая выражается не только в одежде и типе лица – скулах и узких глазах, но и отражающая только их, сахалинских аборигенов, образ жизни. Гиви Манткава точен во всем: советская газета с указанием даты выпуска определяет время. Металл чана, в котором изготавливается сам тузлук, в содружестве с серебром рыбацкого улова обыгран художником в богатейшем колорите и фактуре картины. Такой простой сюжет и так восхитительна живопись, каждый ее сантиметр. Как она изысканна! Наслаждение для любого гурмана, избалованного мировой живописью. Может быть, и невелика заслуга – собрать несколько сотен картин. Но учитывая время, когда они приобретались, время вседозволенности, время «пира во время чумы», совсем неплохо, что они не выброшены, не вывезены, а спасены.

Большая часть коллекции, конечно же, была закуплена у художников. И, когда достаешь картину или произведение графики из запасников для очередной экспозиции, перед тобой возникает жизнь, которой никогда уже не будет. Но она помогает тебе понять, для чего, зачем ты присутствуешь на этой земле. Вот произведения Владимира Уфимцева, рано, в сорок один год, ушедшего из жизни. Уроженец украинского города Николаева, выпускник Московского института имени В. Сурикова приехал на Дальний Восток в 1977 году. Портрет был одним из его любимых жанров. Передо мной лица учителей, поэтов, молодых строителей... В галерее портретов читается время, когда был очень важен профессионализм, это определяло отношение к человеку. Вот женские образы, выполненные Уфимцевым в карандаше, что само собой говорит о мастерстве художника.

Портреты, пейзажи Василия Высоцкого – первого председателя Хабаровской организации и участника ее создания. Его убеждения и вера в коммунистическое завтра были искренними. Художник, для которого завоевания социализма были главной молитвой, и свой талант употребил на создание и раскрытие главных тем согласно «требованию времени», а «требование времени» совпадало с решениями партии. Его картины созданы честно, с покоряющей силой «энергии заблуждений». Но зрителя более привлекают его пейзажи. Поэзия и достоверность отличают их. Неведомо, как ему удавалось написать сотни этюдов, называемых красивым словом «зимний пленэр», в дальневосточной тайге, когда зачастую там трещал сорокаградусный мороз. Да и летом было не лучше – мошка и гнус нещадно съедали.

Картины, точнее произведения художников, имеют свою судьбу. Сложится ли у произведения полнокровная

Иван Рыбачук. Молодой художник. 1984
Холст, масло, 57,5 x 71

Василий Высоцкий. Водовоз. Картон, масло, 50 x 70

Станислав Шаронов. Цыганка. 1990
Холст, масло, 111 x 71,5

Николай Чувахин. Песня. 1985. Холст, масло, 130 x 180

жизнь, то есть будет ли оно востребовано или уйдет в небытие, часто зависит и от господина Случая. Но не следует надеяться, что кто-то случайно когда-нибудь найдет шедевры, вынув из-за шкафа, как случилось с портретами XVIII века, так называемыми солигаличскими находками. Повезло: их обнаружил искусствовед и реставратор Савва Ямщиков, но этого могло и не произойти. Искусство как необходимая часть духовной жизни на сегодняшний день остается заботой и поводом для размышлений самих общественных организаций. Но искусство эгоистично, не приходится думать, что музыкант позаботится о музыканте или художник о художнике. Всегда находились те, кто создавал необходимую среду, организовывал художественную жизнь, выстраивая мостик от прошлого к потенциалу будущего искусства. Не только выставки, но и музеи следует не по пальцам считать, поскольку они наполняют города смыслом. Галерея имени А.М. Федотова, созданная общественной организацией художников в нелучшие времена для искусства – в 1990-е годы, едва ли не единственная в своем роде. Ее

помещение, ранее выставочный зал художников, подарено художникам в 1982 году, во всяком случае, так говорили прежние власти на торжественном его открытии. Видимо, в ту пору была необходимость не только в хлебе насущном. Тонкости приватизации девяностых несильно волновали художников: полагали, что школы, театры, детские сады, помещения библиотек, галерей не будут охвачены кампанией по приватизации и учреждения не подвергнутся изгнанию за ненадобностью. В самые скверные времена такого не происходило. Но вот наступил «Юрьев день», и художников уведомили, что помещение не является домом для них, имеет другого хозяина – из краевого подчинения перешло в собственность городскую, и теперь каждый год происходит «пытка надеждой», что и на этот раз пронесет: не изгоят за ненадобностью. У новых владельцев сильные аргументы, как-то: не хватает городу средств на благие дела, а искусство все-таки роскошь. Да, такая же роскошь, как и полосатая драгоценность, обитающая в наших лесах, которую следует оберегать и лелеять, и это правильно. Но о культу-

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Виктор Чайка. За землю.
Из серии «Тревожная молодость». 1981. Литография, 50 x 70

Юрий Быков. Делегатки. Мягкий лак, 45 x 60

Александр Смелов. Волочаевская сопка. Офорт

ре всегда говорится в общем, культура – это нечто неосоздаемое, потому отдельные ее части можно незаметно усесть. Так, в напряженном ожидании, что лишат когда-то щедро подаренного помещения, существует галерея, названная в честь пейзажиста Федотова, прославившего могущественные пространства Дальнего Востока и Сибири, весомой части России. Окончательная идея присвоить галерее имя Алексея Матвеевича созрела после открытия его посмертной выставки в 1989 году. Из хабаровских художников, пожалуй, произведения Алексея Федотова имеют самую обширную музейную географию. Но галерея носит его имя не только в знак общественного признания и благодаря широкой музейной принадлежности его произведений, что, конечно, весьма существенно. Главное – пронзительная эмоциональная сила земли дальневосточной в его пейзажах, их художественная достоверность. На посмертную выставку 1989 года собрали все его главные произведения, особенно те, что назывались им в личной беседе. Не было лишь его известного полотна «Бухта Лаврова» и пейзажа из неосуществленного триптиха «Амур-батюшка». Картины выставки охватили всю географию его произведений, поскольку разослали сотни писем по справочному списку музеев. Надо отметить, что в ту пору музейные сотрудники отвечали вежливо и конкретно на все запросы. Когда пытались отказать, то ставили весьма жесткие условия. Например, Ульяновский музей смог отдать нам знаменитый «Байкал» Федотова с условием, что у картины будет не только сопровождающий, но и реставратор. Мы выполнили условие, и на выставке присутствовал «Байкал» – пожалуй, самое сильное художественное откровение в изобразительном искусстве о «славном море». В свое время на выставке 1956 года знаменитый художник Юон, увидев это полотно, поздравил молодого Федотова с лучшим живописным отображением знаменитого озера. Также с большими условиями были привезены пейзажи из Оренбургского музея и музея имени Таганова из Орджоникидзе. Но картины Федотова собирались не только из больших городов. Как известно, управления культуры краевых и областных центров, четко следуя идеологическим указам, щедро делились произведениями искусства с самыми отдаленными поселками необъятной Родины, поэтому часть выставок Федотова состояла из картин и этюдов, привезенных из небольших музеев, домов культуры, клубов, библиотек, больниц порой из такого далека, как Чумикан, село им. Полины Осипенко, Булава... Откуда такие возможности ездить, собрать такое количество произведений одного художника, разбросанных по всей стране? Тогда сработала еще инерция Страны Советов, ее понимание общественной значимости выставки. Сейчас об этом даже мечтать не приходится. Увы, каждый в заботе о себе. Но, как известно, ничего человеческого не может свершиться при отсутствии романтического энтузиазма, и, конечно, еще должна быть уверенность в том, что это кому-то нужно.

В основе коллекции галереи картины второй половины XX века – лучшее, что экспонировалось все эти годы на выставках. Случайных произведений весьма мало. Выставкомы тех лет состояли из профессионалов, уважаемых художников и искусствоведов, иных не потерпели бы. Теперь эти произведения не позволяют пополнять коллекцию новыми произведениями, только исходя из

Алексей Федотов. Первый снег. 1983–1984. Холст, масло, 90 x 120

якобы гуманных побуждений. Ничего губительнее не бывает: помочь всем невозможно. Естественно, такие размышления носят условный характер. Право первой закупки с выставок всегда было у государства: перед открытием выставку посещали «государевы люди», а уж затем те, кто обладал толстым кошельком, хотя при социализме последних не было. Сие право и в советское время было у государства, поскольку в его обязанность входило пополнение коллекций музеев и распределение произведений по учреждениям культуры и даже местам отдыха. Коллекционирование как таковое было исключительным занятием немногих, поскольку искусство и так «принадлежало народу». Но, к сожалению, настоящих Третьяковых и Морозовых не появилось.

Вернемся в незабвенные девяностые. Новые галереисты позиционировали себя только в искусстве «мирового» масштаба, но получалось «шумим, братцы, шумим». Скромные возможности галереи, а также сожаление, что под наплывом зарубежных гостей многое из блистательного, талантливого искусства исчезает в безадресном направлении за бесценку, навсегда растворяется в небытии. Потому желание собрать картины дальневосточных художников, точнее, работающих здесь, на мой взгляд, очень выгодно отличает галерею Федотова. Я бы сказала, в этом заключается успешность ее деятельности. В этом не только преданность своему региону, но еще и желание убедить, что таланты распределяются равномерно. Только из всей россыпи живущих на российской земле художников мож-

но соткать ковер российского искусства. Маленькую толику, хотя бы для представления будущему, хотелось оставить из здорового эгоизма. Мое убеждение: большей частью все исключительное, современное рождается на родной почве. Во всяком случае, в русском искусстве так и было. На такой почве рождалось искусство Шагала, Петрова-Водкина, Гончаровой и Филонова... Долгих пустот и пауз в искусстве не бывает, природа заполняет пробелы. Есть имена, чье творчество наиболее полно представлено именно в нашей коллекции, например Валентин Степанов и Алексей Федотов. Можно похвастать и лучшими произведениями Гиви Манткавы с Сахалина и Владимира Уфимцева, Георгия Ли Гирсу из Комсомольска-на-Амуре, Бориса Шахназарова и Галины Кабановой из Хабаровска.

Мы привыкли к тому, что музеи трепетно хранят шедевры, и это на самом деле так. Но советская власть, проводя политику духовного развития общества, распределяла картины еще и в самые далекие районы, где их зачастую не ждали, не было соответствующих помещений и тех, кто донес бы ценность безвозмездного дара. У картин, приобретенных в эпоху гласности и мутной демократии, не всегда веселая история. Много произведений потеряно или просто выброшено, и неудивительно, поскольку варварство и глупость – друзья революций и перестроек. Так, немалая часть нашей коллекции (не дай бог заберут обратно!) оказалась у нас, мягко говоря, из заброшенных мест. Коллекционирование имеет смысл и перспективу, если в нем есть потребность, оно должно быть устремлено в будущее, по-

Валентин Степанов. Сталинград. 1985. Холст, масло, 100 x 2005

тому в этом деле есть доля ответственности. Рассуждать о галерее, деятельность которой ограничивается процессом купить и дороже продать – в этом нет никакой заслуги, кроме купеческого азарта. Картина, оказавшаяся в собрании музея, начинает заново свою жизнь, обретает свою историю, вместе с ней продолжает жизнь и ее автор. Картину «Запись в колхоз» Валентин Степанов считал своим лучшим произведением. Степанову никогда в голову не приходило быть членом коммунистической партии, и не по причине, что недостойн. Он считал единственной своей партией Союз художников. Персонажи картины «Запись в колхоз» – основа русской жизни, и вступают они в колхоз с большой тревогой. Об этом свидетельствует кровавый закат, да и лица крестьян не выражают радости...

Вот минуло 25 лет, наступил XXI век, и опять разглядели: «Какой же художественной силы это произведение советского периода!» Интересно, как будет восприниматься картина «Запись в колхоз» через пятьдесят, сто лет. Меняется время, меняются люди, некоторые могут меняться быстро, но суть произведения остается прежней, если в нем присутствует сила художественной убедительности. Не изменился Степанов в период реформ, оказался самым адекватным в среде «адекватных». Один из немногих, кто не выражал бурной радости перед ярким демократическим выбором: он просто любил Россию, обрушившееся на советский период презрение ошеломило его. Он, как лучшие представители интеллигенции, остался почти в одиночестве. Валентин Петрович, кому более всего доставалось в этой жизни, кто никогда не надеялся на благосклонность советской власти, укрепился в своей любви ко всему русскому: к природе, русскому быту к русским праздникам. Будь то колхозная жизнь – она

наша, как и победа в Великой Отечественной войне. Потому перед его картинами замираешь, вместе с автором чувствуешь синь неба, золотую осень или восхищаешься бегущей по искристому снегу лошадкой. Замираешь, глядя на его картину «Сталинград». Кровавый снег и черные, вмерзшие в лед фигуры фрицев...

Картина Степанова «Сталинград» проделала огромный путь, прежде чем оказалась в галерее. Если в быстром изложении – звонок в галерею: «Железная дорога. У нас в грузовом отделении путешествует картина, на ней написано «Сталинград» и фамилия художника Степанов». Как она попала к ним? Неважно. Главное следующее: «Если вам она нужна, мы будем на станции в шесть утра, можете взять». Шесть утра? Картина огромная – 1,5 метра по вертикали и 2,7 по горизонтали. Я подумала: «Сергей Петухов, он из тех, кто может помочь, к кому можно обратиться. Петухов может все забыть, отказаться, но Валентин Степанов, как и для многих художников, – это имя для него неприкосновенно, тем более картина «Сталинград». Только бы с визитом никто его не навестил». В шесть Сергей был уже на станции Хабаровск-2. Нас совершенно не удивило, что никто не посмел выбросить, уничтожить картину, потому что невозможно усомниться в ее высоком содержании. В российском пространстве таких варваров не оказалось, потому она сохранилась и пребывает в хорошем состоянии. Мне кажется, что с картинами иной раз происходит невероятное. Например, история с произведениями Федотова. Так случилось, что в северном поселке Чумикан клуб сгорел, но картины Федотова остались. Сейчас они в галерее. В администрации поселка Чумикан меня попросили вместо пейзажей Алексея Федотова прислать что-нибудь ярче, радостнее. Ничего в этом нет пошлого, люди

привыкли к гудящему морю тайги, свинцовому Охотскому побережью, аскетическому быту поселка, куда «только самолетом можно долететь», и то очень маленьким. Безлюдные и суровые пространства утомляют, вполне естественно, хочется солнца, южного колорита, хотя бы в картинах. Небольшая оговорка: работы Алексея Федотова упрекнуть в сдержанном колорите весьма трудно. Желание поменять картины более всего объяснялось тем, что человеку хочется иногда видеть что-то из собственной невероломной мечты. Потому так повсеместно радуют «шедевры», где водопады, дивный лес.

Вот листы графики периода строительства БАМа. По ним можно судить, что это была за стройка, осознать ее масштаб, ее значимость и не только с позиции государства, но и самого простого человека. Скольким эта стройка подарила смысл в жизни: не просто деньги, а что-то гораздо важнее – любовь, профессию, уверенность в своем будущем. Графика – техника мобильная и динамичная, подлинная, как кинематографическая лента.

Уникальна небольшая коллекция работ народных мастериц Приамурья – предметы одежды и быта ульчей, орочей, нанайцев, негидальцев из собрания искусствоведа Клавдии Павловны Белобородовой. Увы, большая часть ее коллекции, которую желал бы иметь любой этнографический музей, испарилась. Предметы коллекции экспонировались не только в Советском Союзе, их самобытная красота поражала посетителей на международных выставках. Мизерная часть, ее остатки, переданы художником Николаем Заверяевым в галерею Федотова. Обнаружил он их в коридорах расформированного Художественного фонда.

Необъяснимые чувства вызывают пленэрные этюды, пейзажи художников. Нам на память оставлено восхищение первозданной, возвышенной природой. Такие чувства редкость в наше время. Этюды Высоцкого, Федотова, Чайкина, Рыбачука и Зорина – как награда художникам за выносливость в поездках на пленэр в дальневосточную тайгу. Эти поездки не лишены романтики, но, на мой взгляд, сродни подвигам землепроходцев. Можно бесконечно много говорить о произведениях коллекции, каким образом она собиралась, но хочется сказать одно: собиралась она с надеждой, нет, с уверенностью, что будет необходима. Художники Приморья и Республики Саха, Сахалина и Камчатки, Хабаровска и Благовещенска, Магадана – в собрании галереи Федотова произведения теперь уже минувшего века, а также произведения молодых и дерзких художников XXI века.

Мы продолжаем пополнять коллекцию. Грань веков всегда испытание для человечества. Современные авторы лишены тех преимуществ, которые имели художники теперь уже далеких лет, когда гарантировалась мастерская и можно было не думать о хлебе насущном, следует сказать точнее: прожиточный минимум гарантировался. Правда, были и жесткие требования – обязательное участие в выставках, творческая лень не поощрялась. Увы, далеко не все работали на святое искусство. Вступил в Союз художников СССР – и, независимо от степени таланта, спокойно, с ощущением официального статуса, можешь жить и хулить советскую власть в шумной свободной компании, даже пенсия гарантирована. Здорово, правда? Дальнево-

Геннадий Арапов. Осенний пейзаж с баней. 1990
Холст, масло, 100 x 90

Владимир Уфимцев. Гимнастки. 1983–1984
Холст, масло, 100 x 110

сточники имели некоторые преимущества перед художниками западной части России. К этим преимуществам следует отнести получение мастерской в течение пары лет, бесплатный проезд и проживание на творческих дачах. Благодаря преференциям со стороны государства можно было заманить и выпускников столичных художественных вузов, многие из них оставили заметный след в истории дальневосточного искусства. Именно Дальний Восток собирал со всех концов, как ранее говорилось, необъятной страны, художников. Какой невообразимый размах пространств России и творческих интересов! Чукотка, Камчатка, Байкал, Тихий океан – и работы, созданные в Крыму и на Балтике. Какой накал пережитых художниками чувств! Только во сне привидится такая роскошь. Да, картины – свидетельство чьей-то прекрасной жизни.

Фото из архива Картинной галереи им. А.М. Федотова

Беседы в мастерской

Виктория ШИШКИНА

Александр Петрович Лепетухин на презентации своей книги в Дальневосточной государственной научной библиотеке

Большинством людей, совершенно далеких от круга творческой богемы, художники часто воспринимаются как абстрактные фигуры, как начертанное на табличке имя рядом с картиной. Особенно это характерно для ретроспективных выставок, когда из запасников музея извлекаются произведения, созданные десятилетия назад, и тогда уже о самом мастере говорят, в сущности, только его творения. Во время торжественных вернисажей художники не любят выступать перед аудиторией, полагая, что все самое главное уже высказано в полотнах или графических листах. Не все они люди публичные, поскольку большую часть светового дня проводят в уединении в своих мастерских или на пленэрах. Многих из них повседневное, шумное, суетное отвлекает от возможности самоуглубленно работать. И тем важнее для нас появление книги Александра Лепетухина «Вчера, сегодня, всегда...», где собраны очерки, воспоминания, эссе о художниках и художественной жизни. Издание подготовлено редакцией «Дальний Восток» к 75-летию Хабаровского краевого отделения Всероссийской творческой организации (Союз художников России).

Книга рождалась постепенно, в течение многих лет. Начиналась она с цикла статей в газете «Тихоокеанская звезда» под рубрикой «Душа и творчество», а также в «Молодом дальневосточнике», журнале «Дальний Восток». Теперь все эти материалы собраны под одной обложкой и представляют собой многогранное произве-

дение, охватывающее серьезный отрезок времени. Автор рассказывает о тех, кого хорошо знал и знает. Это его учителя на художественно-графическом факультете Хабаровского педагогического института, где сам он когда-то учился, старейшие члены творческого Союза художников, а также и его ученики, тоже ставшие художниками.

От академических монографий об искусстве книгу Александра Лепетухина отличает живой образный язык. В очерках ему удалось сохранить живую интонацию общения, и при этом как-то ненавязчиво показать самоотверженность повседневного труда художников. Автор сделал все, чтобы сократить дистанцию между творцами и читателем, нашел верные и точные интонации для каждого своего героя. Книга в какой-то мере создает эффект присутствия того мастера, о ком идет речь. Становится ясно, как близки и дороги Лепетухину люди, о которых он рассказывает.

Судьбы художников вплетены в историю страны и творческого Союза, и поэтому в книге постоянно проявляется еще один пространственный слой – след прошедшего времени. В жизни каждого, о ком пишет Лепетухин, он сфокусирован по-разному. В описании чисто бытовых ситуаций важную роль играют детали, тонко создающие колорит времени, придающие заурядным событиям какой-то надбытийный характер. И как-то незаметно время поворачивается вспять, словно параллельно книжному тексту в сознании раскручивается лента памяти, неожиданно обостряя в сугубо житейском значительное и трагическое, возвышенное и забавное. Александр Лепетухин повествует о нескольких поколениях художников, это полифония характеров и судеб. Читая очерки и воспоминания, невольно ощущаешь себя в чьей-то мастерской, в окружении картин и этюдов, слушаешь неспешный увлекательный рассказ.

Книга Александра Петровича Лепетухина по настроению искренняя и светлая. Автор сам профессиональный художник и писатель, его видение, понимание и оценка созданных мастерами произведений тоже необычайно интересны для читателя. Лепетухин умеет внимательно слушать и рассказывать, сохраняя нерасторжимую слитность видения мира человеком и художником, которого он воспринимает как единую творческую личность. Отсюда логика и убедительность в изложении материала. Не умаляя значения художественного дарования, Александр Лепетухин раскрывает перед читателем самое сокровенное – сложный и многообразный процесс развития творческой личности, рождения замыслов, художественного «я». Книга интересная, умная, вдумчивая и, самое главное, вызывающая желание еще раз увидеть, уже другими глазами, произведения наших мастеров.

Судьба, ставшая легендой

Тамара БАБУРОВА

Премьера «Бахчисарайского фонтана» всколыхнула в 1952 году театральную жизнь Хабаровска. Спектакль сулил массу творческих неожиданностей. Артисты толпились у бархатного занавеса, желая увидеть, что творится в партере. Замирали от шума переполненного зала, куда пришли известные люди города: писатели, музыканты, артисты других театров, поклонники балетного искусства. Исполнительница главной партии Заремы Ольга Грабовская уже давно завоевала зрительскую любовь хабаровчан. Но мало кто знал, что их любимый опереточный артист Игорь Войнаровский, выступающий в партии Гирея, учился в балетной школе Чистякова в Москве. И вообще, зашкаливающее напряжение премьерного вечера свидетельствовало о редком явлении в Хабаровском музыкальном театре. Так и вышло. Балет «Бахчисарайский фонтан» обрел судьбу легенды.

Зарема – Ольга Грабовская

Из воспоминаний Анатолия Зуева (солист балета 1950-х годов)

Я всегда буду считать, что в творческой жизни мне очень повезло. Во-первых, в Хабаровском театре музыкальной комедии посчастливилось работать в один из самых ярких и плодотворных периодов его деятельности. Во-вторых (а может быть, и во-первых!), моей постоянной партнершей была танцовщица, о которой писали как о гордости дальневосточной культуры, как о любимой актрисе дальневосточников...

...Ольга Грабовская сидит у зеркала в гримуборной и холодно изучает свое лицо. Почему-то перед выходом на сцену у нее часто было плохое настроение. На вопрос могла ответить неважно, улыбнуться механически и совсем не тому человеку, который обратился к ней с шутливым словом. Потом, когда она уже отправится на выход, никого не видя и не слыша вокруг, девчонки из балетного ансамбля снова скажут про нее: «Надо же! Ведь и номер многократно отрепетирован, и спектакль идет которой вечер, и овации, и вызовы... Все уже было. А она нервничает, как в первый раз».

В этот момент мы с ней уже стоим у кулис; она вся собрана воедино, она до отказа «заряжена», накал этот передается и мне... Вот сейчас Ольга сделает шаг под прожектора, и на сцене, и в зале сразу же образуется некое «электрическое поле» высокого напряжения... И если есть в зале хоть один человек, который до сих пор невнимательно смотрел на сцену, он замрет, захваченный такой силой чувств, которая заставит тревожно и счастливо забиться его сердце.

Так она танцевала мексиканское танго в спектакле «Поцелуй Чаниты» (постановка балетмейстера Е.Д. Эджубовой). Не выражала «экзотическую страстность», а создавала сильный женский характер. Ольге Грабовской радостно было показать такой характер. Ведь ей часто приходилось танцевать и женщин совсем другой судьбы: униженных своей многократной социальной

зависимостью, тех, которые не могли рассчитывать на равенство ни в чем, даже в любви. Такие чувства вызывала ее индианка Ванда в спектакле «Роз-Мари». Только характер тут был уже совсем другой. Нежная и чистая женская душа, глубоко страдающая от бездушия «хозяйина», белого человека, бросившего ее, цветную, на произвол судьбы. Из глубокой скорби Ванды, не умевшей перенести позора, рождается и желание отомстить. Но Ванда здесь совсем не та роковая мстительница, какую доводилось видеть в других спектаклях. Совершив месть, она ужасается содеянному...

Чужой талант вызывал у Грабовской не зависть, а восторг. Училась у тех артистов (не только балетных), кого ценила. В то время на хабаровской сцене блистал в амплу героя артист Сергей Моргулис, голос и драматическое дарование были в его творчестве неразделимы. И когда они оба приехали на 50-летний юбилей театра, Грабовская встала на колени перед Моргулисом со словами: «Знайте: вы – Бог!». Поэтому в танцах, где можно не только станцевать, но и сыграть человеческую жизнь, Грабовская была сильнее всего. Они были ей интересны, здесь она могла наиболее полно раскрыть свое дарование драматической актрисы. Да, я не случайно употребил это слово, она была не только прекрасной технической танцовщицей, но и большой актрисой. Эти вымышленные женские судьбы Грабовская умела наполнить столь глубокими пережи-

ваниями, словно все изображаемое на сцене испытано ею самой. Человеческая индивидуальность, взаимоотношения людей – вот что интересно в искусстве, вот что старалась и всегда успешно, и всегда высшей степени артистично выразить в танце Ольга Грабовская.

Если говорить о спектакле, где с наибольшей полнотой раскрылось выдающееся дарование Грабовской, то это, конечно, «Бахчисарайский фонтан», поставленный главным в то время балетмейстером театра Л.Р. Леонидовым (музыка Б. Асафьева, либретто Н. Волкова по поэме А.С. Пушкина). Ольга танцевала Зарему. Я сам танцевал в спектакле Вацлава, а это ведь не то же, что смотреть из зрительного зала. Но до сих пор не забыл, какой трагической грозой атмосферой были насыщены последние картины спектакля, когда шла к завершению горестная история Заремы. Мы, стоявшие за кулисами, были ею наэлектризованы, боялись перевести дыхание. Помню, что в зале плакали... Как в какой-то момент проплыло передо мной чужое полное глубокой боли лицо Заремы. Губы Ольги шевелились: они произносила пушкинские строки, она танцевала их, она взывала к Гирею на языке мучительных страстей. Тему мрачной разрушительной силы раскрыл в спектакле артист Игорь Войнаровский. Партия Гирея, по сути дела, нетанцевальная. Мимика, сдержанная пластика движений – вот и все выразительные средства, имевшиеся в распоряжении артиста. Но

образ жил в накале страстей, в драматизме необузданных эмоций, в трудном, едва уловимом развитии характера. Нелишне вспомнить, что идея постановки «Бахчисарайского фонтана» исходила не от руководства театра, а из балетного цеха. Артисты уже ощущали в себе такие силы. Прекрасно выступила в партии Марии Клавдия Иванова. Ее Мария, трогательная в своей незащищенности, чувствует себя бесконечно одинокой, ей страшна и непонятна страсть Гирея, так же как страшны и непонятны страдания Заремы. Артистка вкладывала в основу образа подлинно пушкинские характеристики, а это серьезная похвала. Ярко выделяется в спектакле «черная жена» Гирея (солистка балета Елена Кудрявцева). Можно отдать должное и Сергею Дьяченко (Нурали), который особенно выразительно исполнял воинственную пляску. А все его сцены в четвертом акте вынесли более половины драматической нагрузки.

Этой устремленностью, так развившейся у Грабовской в театре, не могли не зажечься и мы, ее товарищи по творческому цеху. Как и она, мы усиленно занимались не одной формой, но, прежде всего, содержанием каждого танца, искали даже в проходном номере юмор или драматизм, спорили о средствах национальной краски танца, о его образах... Эти стремления как нельзя лучше умел организовать балетмейстер Леонид Романович Леонидов. Когда он работал с исполнителями, то намеренно объяснял задачу только в главных чертах, а подробности сценических жизней персонажа, их характеров, биографию предлагал придумать артистам, умело развивая их фантазию. Эта углубленная работа и подняла, мне кажется, нашу балетную труппу на значительную профессиональную высоту. Начав работать в театре, я застал очень сильных солистов: Деревягину, Иванову, Дьяченко, Кудрявцеву, Галенко, Енгальчевскую, обаятельную маленькую Белякову и других. Мужской состав сольной группы тоже был на высоте: Дьяченко, Головкин, Рыжков, Шаповалов...

Но вернемся к «Бахчисарайскому фонтану». Спектакль этот держался в репертуаре театра несколько лет и ушел из него, когда Грабовская уехала из Хабаровска. В 1957 году Ольга Грабовская получила звание заслуженной артистки РСФСР.

Когда в творческом коллективе есть столь яркий талант, все мы живем особенной жизнью. Отдаем себе отчет или нет, но так или иначе попадаем под его влияние.

«Черный амулет». В центре заслуженная артистка РСФСР Ольга Грабовская, слева артист Н.А. Головкин, справа А.А. Рыжков. 1958

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Гирей – Игорь Войнаровский

Я чувствовал это и по себе. Человек по натуре спокойный, где-то даже и флегматичный, склонный к классическому репертуару, из-за Ольги Петровны я серьезно заинтересовался характерным танцем. Ее горение, эмоциональный накал на сцене, конечно, передавались и мне, и наш танец не мог не обогатиться новыми внутренними красками, не наполниться живым чувством. Это отмечали зрители, это приносило радость и мне самому.

Я уже говорил об огромном трудолюбии Ольги Петровны. В театр она пришла из балетной студии Хабаровского Дома пионеров, то есть

*Мария – солистка балета
Клавдия Иванова*

не получив настоящей классической школы. И вот час за часом, год за годом, она неустанно проводила у станка. Каждый день с раннего утра. Она просто хотела как можно лучше владеть своим искусством. Она была уже солисткой, о ней писали статьи, а она все занималась и занималась...

«Прямо фанатизм какой-то!» – покачивали головами наши балетные девочки. Но и сами тем временем становились к станку и неустанно отработывали технику. Пример был постоянно перед глазами. Жажда труда и творчества и правда была в Ольге Петровне сродни фанатизму. Я произношу это слово с уважитель-

ным оттенком, никакой расхлябанности во всем, что касается работы. Для нее невозможно было опоздать на спектакль, оказаться не собранной перед выходом, станцевать в дневном или выездном спектакле с меньшей отдачей, чем на премьере, смириться с каким-то недостатком и небрежностью в костюме, в гриме, в рисунке танца.

Помню, когда она готовила какой-то экзотический танец, кто-то раздобыл для театра темную пасту, которой можно было тонировать кожу. И Ольга немедленно вымазала себя с ног до головы, хотя можно было ограничиться только открытыми местами. Однако она сочла, что если по ходу танца в резком движении откроется незакрашенная полоска кожи, то зрителя это от танца отвлечет. Думал ли кто-нибудь из нас о подобной мелочи?!

Девочки, вместе с нею пришедшие в театр из студии Дома пионеров, вспоминали, как в дни их детства (это было военное время) руководительница студии привезла из Москвы настоящие балетные туфли с пробковыми носками. Никто еще туфель таких не видел, девочки кричали от счастья, не веря, что теперь они будут учиться танцевать «на пуантах». Нечего говорить, как ждала этого часа Грабовская. Все понимали, что первой туфли предложат ей, признанной солистке студии. Но туфель было всего две или три пары, и ни одна из них Ольге не подошла. Нет, она не заплакала. Она пришла домой, взяла свои новенькие красивые сандалии, топором отрубила край толстого ранта на носке и встала-таки на пальцы! Служить Искусству! Всегда только ему!

Да, балетный ансамбль творчески равнялся на своего флагмана – Ольгу Грабовскую. Но и ей самой, видевшей творческий рост своих товарищей, приходилось работать еще более настойчиво и углубленно, ставить перед собой новые задачи и решать их. Она влияла на коллектив, но и коллектив влиял на нее. Было совсем не просто работать и жить в постоянном творческом напряжении. Однако подобных трудностей я горячо пожелал бы и нашему, и любому другому театру на все времена.

Сцена из спектакля «Сорочинская ярмарка». В центре – Ольга Грабовская

Талант высокого напряжения

Вся история блистательного восхождения солистки балета Ольги Грабовской – это история преодоления. Ее требовательность к себе не знала пределов никогда, а работоспособность граничила с фанатизмом. Она репетировала до изнеможения так, что полотенца были мокрыми. Ее отличали редкая пунктуальность, педантичность и организованность. Ольга была не по годам мудрая, цельная, и это придавало особое очарование, редкий магнетизм ее таланту. Грабовская умела перевоплощаться, что для такого условного искусства, как балет, в те годы было новаторством. Кроме таланта балерины она обладала даром учителя. В Хабаровске не было и нет школы, где бы готовили балетных артистов. А Грабовская это умела. Благодаря ее чутью раскрылся талант Нелли Ванзиной. Впоследствии любимая ученица повторила ее судьбу.

Анатолий Зуев не только любил танцевать с Грабовской, но и внимательно наблюдал, как развивается ее талант. В Хабаровск он вместе с женой приехал из Ленинграда в 1956 году, имея хорошую школу (окончил училище им. А.Я. Вагановой, учился у потрясающего педагога – балерины Натальи Макаровой). Я познакомилась с ним в 1968 году. Когда Хабаровский институт культуры только открылся, нам преподавали блистательные педагоги Вадим Петрович Демин, Анатолий Дмитриевич Никитин, Ия Николаевна Григорьева. Сценическое движение вел Анатолий Николаевич Зуев. Высокий, элегантный, с выразительным лицом, мягким голосом. Он учил нас двигаться, снимать зажим, знакомил с хорошими манерами. Он давал нам азы, рассказывал о жанрах танца, а мы пытались вживую их осваивать. Помню его ироническую улыбку и мужское обаяние, лакированные коричневые туфли, песочный в елочку костюм, галстук в тон свежей рубашки.

Солистка балета
Ольга Грабовская

Солист балета
Анатолий Зуев

Так сложилось, что вся семья Зуевых оставила в моей судьбе заметный след. Дочь Анатолия Николаевича Таня, по мужу Григорьева, привела меня в театр. Его жена и мама Тани Ираида Робертовна Зуева, артистка и заведующая труппой, помогала мне адаптироваться в театре. Анатолий Николаевич пришел в институт, уже оставив сцену. В последние годы пропадал на даче, но наряд дачника совершенно его не портил. Было ощущение, что это сценический костюм – породу не спрячешь. Он всегда оставался красивым и обаятельным человеком, а возраст добавил ему мужского шарма. Он был талантлив во всем, его помнят не только изумительным рассказчиком, но и тонким аналитиком, человеком, который любил и понимал артистов и театр. Так, как он любил и понимал Ольгу Грабовскую.

*Фото из архива
Хабаровского краевого музыкального театра*

В уездном городе, инкогнито

«Ревизор» в Комсомольском-на-Амуре
театре драмы

Татьяна ЧАНОВА
Фото Сергея ТЫМКОВА

Сцена из спектакля

В гоголевском «Ревизоре» нет положительных героев. В свое время пьесой восхищались Пушкин, Белинский, Герцен, над ней смеялся сам царь Николай I, от которого драматург Гоголь и получил заказ на комедию. И цель была определенной – разоблачить взяточников. Поэтому «Ревизор» своего рода государственный заказ. Неизвестно, сколько времени потребуются, чтобы это произведение перестало быть актуальным в России. Теперь к нему обратился и Комсомольский-на-Амуре театр драмы.

Анна Андреевна – Ирина Барская, Хлестаков – Евгений Бадулин

Сегодня можно трактовать «Ревизора» как злободневную сатиру, как забавный анекдот или нетленную русскую классику. Либо как мистическую драму, где Хлестаков – исчадие демонических сил. Какой ни выбери подход, спектакль все равно будет «про нас». Скоро двести лет, как идет на сценах мира эта пьеса, но не стареют слова Николая Васильевича: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!», ставшие слоганом всего мирового театра.

«В «Ревизоре» я решил собрать в одну кучу все дурное в России, все несправедливости, какие делаются в тех случаях, где больше всего требуется справедливость, и за одним разом посмеяться над всем», – так пояснял сам Гоголь основную мысль пьесы. Даже если поставить «Ревизора» как психологический гротеск, сделать ставку на аллегорические аспекты, оставив в тени все злободневное, зритель все равно воспринимает лишь то, что вызывает ассоциацию с конкретными местными реалиями: сплетни, коррупцию, безнаказанность воровства и кумовства, скудоумие и алчность. Словом, все те же российские беды.

Известно, что самое трудное в постановке классического произведения – прочесть его как будто в первый раз. Режиссер Ринат Фазлеев попытался – и артисты Комсомольского-на-Амуре театра живо откликнулись, что получилось – решает зритель. Режиссерское решение перенести сцену получения Хлестаковым взяток в сауну недвусмысленно намекает на сегодняшний день. И в каждый персонаж, в каждый характер актеры добавили новые краски, особенные черты характера, собственную трактовку. Первым, как по сюжету и положено, пред нами предстает городничий в исполнении Федора Кушнарева, а за ним и вся «великолепная свита»: судья Ляпкин-Тяпкин Дмитрия Баркевича, берущий свои знаменитые взятки борзыми щенками; плутоватый Земляника Александра Саранчина с его радостной готовностью заложить в любой момент всех и каждого; вечно подшофе почтмейстер Шпекин Ивана Бекбаева, втихоря вскрывающий чужие письма; безгласный, от страха бледный лицом, беспомощный Хлопов Леонида Лелькина. Компанию дополняет пара шутов, на лицах коих сияют все оттенки подобострастия – Бобчинский Дмитрия Стертюкова и Добчинский Дмитрия Иванова.

У Евгения Бадудина задача еще сложнее. Показать и оправдать никчемность своего персонажа, вскрыть личину фитюльки, вдруг оказавшейся в эпицентре общественного внимания и возомнившей себя значительной фигурой. Нет, его Хлестаков не демон зла, он не коварен, не расчетлив и не ушлый вор. Хлипкий хвастунишка, с упоением пользующийся внезапной удачей без оглядки на возможный конфуз в случае разоблачения, Хлестаков, призывающий «верных ему тридцать пять тысяч курьеров» – литературный тип пустоты, олицетворение тщетности плутовских замашек. Удивительно, как помимо обычных актерских механизмов Бадудин умудряется задействовать в игре... брови, бакенбарды по моде того времени, бедра, и даже носки туфель – все возможное и невозможное актер с блеском использует для создания образа столичного пройдохи, мелкого беса Хлестакова. В результате получается, каза-

Хлестаков – Евгений Бадудин, Марья Антоновна – Ирина Фоменко

лось бы, незначительная фигура, внезапно наводящая ужас и обеспечивающая ритм всей пьесе. Да уж, Хлестаков Евгения Бадудина – фееричная удача спектакля.

Постепенно действие начинает набирать темп и обороты. Появляется еще одна неотразимая парочка – нарядная маменька Анна Андреевна (Ирина Барская) и ее инфантильная дочурка с леденцом во рту – Марья Антоновна (Ирина Фоменко). Это прекрасно! Нет ничего смешнее, чем махровые провинциальные дамы, которые пытаются корчить из себя столичных светских львиц. Это так остро, так точно, так смешно и современно, что не описать словами, нужно видеть.

Ярких красок и сатирического перца добавляют в действие персонажи Евгении Ярцевой и Ларисы Гранатовой. Невозможно также обойти вниманием прекрасную работу в этом спектакле Виктора Пушкина, которому досталась роль слуги Хлестакова. В его исполнении Осип в отличие от своего господина сметливый, практичный и расчетливый человек, умеющий извлекать выгоду из любых, даже самых щекотливых обстоятельств. Вот он голодный холоп, а вот уже величествен и строг, полон великолепного ливрейного достоинства и в эпизоде мелкого пакостного мздоимства, и даже в момент панического бегства.

«Инкогнито» – так назван спектакль по пьесе «Ревизор» в театре драмы Комсомольска. Дескать, неизвестно: кто, где, что. Гоголевский гротеск и весел, и трагичен одновременно. Страх, подстегивающий проворовавшееся чиновничество, и сейчас леденит ему кровь. А герои, чьи имена стали нарицательными, наделены не придуманными отвлеченными пороками, они живое воплощение морального разложения общества. Почти двести лет прошло, но, увы, по-прежнему почти любому деятелю при должности можно адресовать высказывание: «У вас чистая совесть? Значит, у вас плохая память».

Стрелки времени

Александр ЛЕПЕТУХИН

Киноискусство способно сохранять время, оно делает нас очевидцами давно прошедших событий, и особая роль здесь у документального кино. Об этом мне посчастливилось поговорить с кинорежиссером Альбертом Самойловым, который с 2007 года руководит ООО «Дальневосточная киностудия» и совмещает в своем лице еще и должности оператора, монтажера, продюсера.

В профессии он 30 лет, прошел путь от ассистента оператора до режиссера-постановщика, став мастером, который ставит и выполняет самые сложные творческие задачи. Участие фильмов Самойлова на многочисленных фестивалях, где они отмечались высокими наградами, а также звание «Почетный кинематографист России» в полной мере подтверждают мои слова.

Хочется рассказать об этом человеке так, чтобы вы полюбили его и, как следствие, захотели посмотреть его фильмы. В век интернета сделать это совсем не сложно. Внешность Альберта многое говорит о его характере. Невысокий, легкий, даже хрупкий на вид, он, несомненно, обладает выносливостью и силой. Как иначе? Ассистент оператора, как и сам оператор, передвигается по планете с грузом аппаратуры. Горы и пропасти для них просто точки съемки. Слабый такую профессию не выдержит. Это точно. Истинная красота человека, если верить учебнику пластической анатомии, заключается не во внешних чертах, а в энергии, в тонусе, в желании жить и радоваться жизни. Чего-чего, а жизненного азарта Альберту Самойлову хватает на целую киностудию. Его азарт, энергия и любовь к своему делу во многом позволили сохранить искусство документального кино в нашем крае. Это не преувеличение.

С чего началось становление этой незаурядной творческой личности? Как и положено, с рождения. Произошло это в 1964 году, в Хабаровске. Мама работала на «Энергомаше» инженером, отец трудился и теперь трудится механиком по наладке рентгеновского оборудования. Можно сделать вывод, что творчество не было семейной традицией и не перешло к Альберту Самойлову по наследству. На мой вопрос о призвании, о выборе профессии Альберт ответил без всякого сомнения: «Это воля божья». Много лет пишу статьи о художниках, но такого четкого, однозначного ответа о призвании никогда не слышал. Сознаю, мне ответ Альберта очень понравился. Это значит, что художник относится к своему делу как к служению высшему началу, что он не увлечен самим собой, занимаясь пресловутым самовыражением, а по сути самолюбованием.

В школе Альберт, как и многие его сверстники, пытался освоить фотоаппарат. Отщелкал несколько пленок и на этом остановился. Еще очень любил ходить в кино. «Фантомас», «Неуловимые мстители» заставляли зал замирать и вскрикивать от восторга, а гибель девушек из знаменитого фильма о войне вызывала искренние слезы. Пожалуй, нет в его биографии ни-

каких особых знаков, говорящих о спящем до времени таланте.

– Я мечтал стать сыщиком – кого-то ловить, восстанавливать справедливость. После школы поехал во Владивосток – поступать на юридический, слава богу, не поступил и устроился учеником слесаря на «Энергомаш». Нравилось ощущать себя рабочим классом, идти на работу по гудку. Еще я играл в СКА в футбол, ходил в радишкolu ДОСААФ, всерьез готовился к армии и служить пошел с желанием. И вдруг, месяца за три до дембеля, написал маме: хочу снимать кино, хочу стать кинооператором. Почему? Откуда это? Не знаю...

Альберт – рассказчик эмоциональный. Записывать его быструю речь трудно. Прерывать не хочется, чтобы не сбить. Но угнаться не всегда удается. Вот я и предлагаю отдохнуть, чаю попить, сделать перерыв. Пьем чай, но рассказ продолжается. Альберт вспоминает старинное кирпичное здание на берегу Амура. Когда-то в нем находилась первая хабаровская электростанция, затем разместилась студия кинохроники. К сожалению, сегодня на этом месте растет трава, и некуда поместить мемориальную доску в память о создателях кинолетописи Дальнего Востока. Как тут не вспомнить о траве забвения, которая почти мгновенно скрывает все, что наработало прошлое поколение?

Но тогда, в 1984-м, Альберт Самойлов не без волнения вошел в здание Дальневосточной студии кинохроники и сразу почувствовал, что попал в иной мир, где, казалось, даже воздух был другим. Явственно пахло киноплёнкой, реактивами, свободой, а еще, представьте себе, дальними странствиями. И Альберт сразу понял, что это его мир. Несколько лет он проработал ассистентом оператора. Иначе говоря, носильщиком штатива и мальчиком на побегушках.

– Представляешь, мы на съемках: люди у марте-на, на стройке, на комбайне работают, а я, здоровенный детина, ношу за оператором штатив. Это все, что я умею. Стыдно немного. Но я верил, что стану профессионалом, буду сам снимать. Для меня становилось событием, если позволяли посмотреть в видеискатель. Я был ассистентом Игоря Валентиновича Мирного. Его отец в 1930-х годах стоял у истоков документального кино на Дальнем Востоке. Что такое студия? Это особая жизнь. Часть киногорупп в разъездах по всей стране. Каждую неделю кто-то возвращается, и начинаются рассказы о встречах, приключениях. Рассказы эти со временем превращаются в легенды. А вообще в то время каждый десятый документальный фильм в Советском Союзе снимался на нашей студии, регулярно выходил киножурнал «Дальний Восток», никто из операторов и режиссеров не сидел без работы и все были уверены в завтрашнем дне.

Альберт вписался в этот мир сразу. Его выбрали комсоргом, и он дневал и ночевал на студии, организуя просмотры, вечера и вечеринки, выезды и походы. Веселая суэта не помешала готовиться к поступлению во ВГИК, для чего пришлось всерьез изучить фотографию. А для понимания законов композиции он анализиро-

На съемках фильма «Неизвестный Арсеньев». Слева направо: оператор Альберт Самойлов, исполнитель роли В.К. Арсеньева в фильме А. Куросавы «Дерсу Узала» Юрий Соломин, режиссер Владимир Василенко

вал шедевры мировой живописи. Помогали в этом коллеги, друзья, но ведь и он при случае был готов помочь каждому. В 1986 году поехал в Москву. Как он сам говорит, на разведку: посмотреть требования при поступлении в институт. И, неожиданно для себя, поступил.

– Это призвание сработало. Мне дали зеленый свет. Началась учеба, и на меня обрушилось кино! Множество залов, просмотры, разборы, киноведы, кинокритики, известные, знаменитые кинематографисты и шедевры, множество шедевров! Ты живешь этим, впитываешь это как губка! И все-таки главное в учебе – уро-

На съемках фильма «Герой нанайского народа». Слева направо: директор Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова Николай Рубан, режиссер Альберт Самойлов, племянник Героя России Максима Пассара Николай Пассар, главный хранитель Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова Татьяна Мельникова

Главный приз «Хрустальная черепаха» за кинофильм «Хозяин тайги» (1999), приз «Бронзовый Витязь» за кинофильм «Любовь» (1998)

вень профессионального общения. Однажды нам показали лучший документальный фильм того времени «Рыбачка». Автор – лауреат Госпремии РСФСР, народный артист РСФСР Ф.А. Фартусов. А ведь для меня он был просто Федором Алексеевичем, потому что мы вместе работали на одной студии в Хабаровске. И так важно и приятно было осознать, что Хабаровск не провинция...

Когда жить интересно, время не идет, а летит. В 1992 году Альберт Самойлов защитил диплом. Выпускной работой стал фильм «Майматэ» (совместно с Андреем Сидоровым). Этот поэтический рассказ о красоте реки, протекающей на севере Хабаровского края, стал участником фестивалей в стране и за рубежом.

– И началась моя киношная жизнь! Началась в эпоху перемен. Менялась страна, менялась жизнь. За год до путча я вышел из партии, в которую вступил еще в армии. Свобода и искусство заставили совершить этот поступок. Правда, коммунисты оформили мой выход как исключение, но я ничего не боялся.

Да и некогда было Альберту Самойлову бояться – он снимал кино. Теперь он чувствовал, что жизнь и судьба совпали и стали одним целым. Фильмы, снятые им и при его участии, показывались на самых престижных фестивалях, они получали призы и награды. Лично меня очень тронул фильм «Любовь», снятый в 1997 году совместно с Еленой Шумилиной. Судьба, трагедия, несправедливость и верность в любви. Прошло столько лет, но до сих пор помню его героев. Значит, была задета душа. Она ничего не забывает.

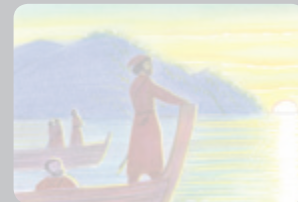
В 1998 году Альберт снял фильм «Обычай, или Хроника скорбного дня», и с ним произошла странная, почти мистическая история. Героем картины стал Евгений Михайлович Фентисов, художник и мой учитель. Сам Евгений Михайлович в съемках не участвовал, поскольку умер за год до того. Героями фильма выступили осиротевшая мастерская и завершённые и незавершённые работы мастера. Мне запомнился кадр, в котором маленький внук Фентисова сидит на корточках и вертит стрелку снятых со стены часов. Он, играя, вертит ее в обратную сторону. И возникает образ очень сложный и глубокий. Что такое время? Так ли оно невосвратно, как нам кажется? Что мы оставляем на Земле и что берем с собой в вечность?

Но самое большое потрясение испытал я, когда услышал авторский текст. Это были мои собственные слова, написанные по поводу смерти учителя. Текст был опубликован в газете и попал в руки автора фильма. Так мы и встретились, еще ничего не зная друг о друге. Как известно, случайных встреч не бывает. Статья, которую вы читаете, тоже результат той давней встречи в самом конце XX века. Позже я участ-

На съемках фильма «На службе у Отечества». Оператор Альберт Самойлов, художник фильма, выпускница Российской академии живописи Ильи Глазунова Ольга Демиденко

вовал в нескольких проектах Альберта как художник и даже как персонаж.

Скажу прямо, мне нравится мой герой. Нравятся его взгляды на искусство и нравятся его фильмы, потому что он, как и я, считает, что поводом для творчества должна быть любовь. Только любовь может разрушать стены между людьми. Любовь способна создавать поле особого взаимного расположения, созидать мир, в котором легко и радостно жить. Эту актуальную на все времена задачу в меру своего таланта пытается решать и решает успешно в своем творчестве Альберт Самойлов. Может, поэтому и личная его жизнь так тесно связана с кино. С женой Анной он познакомился на съемках фильма в 1998 году. Тогда она работала на телевидении, а уже в 2002 году выступила как режиссер в фильме «Деньги! Деньги? Деньги...», снятом по сценарию Н.Д. Наволочкина. Естественно, Альберт Самойлов был оператором фильма. Семейный и творческий союз совпали полностью. Считаю, что это редкий и очень счастливый случай.

Жизнь в стране перекраивалась и менялась, и не всегда в лучшую сторону. В 2003 году Альберт снял последний выпуск киножурнала «Дальний Восток» и фильм «Мутные воды». Пленка на студии кончилась, финансирование из центра прекратилось, и нужно было учиться работать в новых условиях. Для этого Самойлов организовал свою студию, научился писать заявки на гранты, вложил собственные деньги. Иначе говоря, стал продюсером, организатором кинопроизводства. Почти 60 фильмов снято им или при его участии, и от картины к картине растет список фестивальных просмотров и призов. Это говорит о росте мастерства, о признании.

Кажется, все прекрасно, но Альберт охладил мой оптимизм. Кинематографистов в Хабаровске почти не осталось. Смены поколений не произошло. Поэтому, как говорится, «кина не будет». Некому его снимать. Нет молодых и, очевидно, не будет. И сам Альберт с грустью признался, что подумывает об отъезде из Хабаровска.

– Если не получу гранта на съемки нового фильма, то что мне здесь делать? Без кино я себя не мыслю. Согласен на любые условия, лишь бы дали возможность снимать.

Мы говорим о равнодушии чиновников от культуры, о политике государства в этой области и прочих грустных вещах. Но мы не пессимисты. Художник обязан верить в лучшее, иначе ему не стоит браться за кисть или камеру. Говоря о прошлом или о сегодняшнем дне, он обязательно думает о будущем, активно его формирует, напоминая всем о добре, справедливости и любви. Это отличительная черта всех фильмов, снятых хабаровчанином Альбертом Самойловым.

Иллюстрации к фильму «Амурские версты».
Художник Александр Лепетухин

Фото из архива
Альберта Самойлова

Раиса БАЙКОВА

Содружество культур: молодежный проект

Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края, которая объединяет основные национально-культурные центры нашего региона, исполнилось 15 лет.

Эту значимую для общественной организации дату торжественно отмечали в ноябре прошлого года в Концертном зале краевой филармонии. Сотни гостей встречали звонкоголосые представители славянских национально-культурных центров «Аюшки», «Млада», детский ансамбль русской песни «Купаленка». Но самый потрясающий сюрприз ждал гостей у входа в зрительный зал, где разместилась фотовыставка необычного формата «Многонациональная душа России». На планшетах развернули фотографии в полный рост молодых людей разных национальностей в традиционных костюмах. И все это на фоне удивительной дальневосточной природы. Особое внимание привлекал общий снимок этих же ребят, но уже в обычной одежде. Очевидно, именно так молодые россияне разной национальной принадлежности демонстрировали общие цели и интересы.

Необычный фотопроjekt можно было рассматривать долго, но рядом проходило еще одно интересное событие – показ костюмов разных народов в ритме национальных танцев. И возникло ощущение, что фотографии ожили, потому что на подиум выходила та же самая молодежь. Зрелище было настолько захватывающее, что зрители аплодировали и поддерживали ребят возгласами восторга.

А начиналось все задолго до этого дня. На заседании президиума Краевого молодежного координационного совета (КМКС) родилась идея организовать фотосессию нашей молодежи в национальных костюмах. Ее поддержали, и в итоге возник большой проект, в котором учитывалась каждая мелочь, вплоть до специального макияжа. Организаторами и исполнителями стали сами представители президиума и актива КМКС, и они блестяще справились с этой задачей!

После столь замечательного мероприятия многим захотелось побольше узнать об этих молодых людях. Каким образом организована их деятельность в национальных объединениях, что повлияло на их целеустремленность и умение добиваться намеченной цели?

Деятельность Международной ассоциации национально-культурных центров (МАНК ХК) многогранна и разнообразна. С момента своего создания она стремилась объединить все национальности под знаком культуры, что давало возможность успешно укреплять и развивать общечеловеческие ценности, патриотические чувства не только

Галия Ельская – председатель Краевого молодежного координационного совета МАНК ХК

старшего поколения, но и молодежи. Молодые представители разных национальностей все активнее участвуют во всех культурных событиях и мероприятиях Хабаровска и Хабаровского края. И уже подрастают дети и внуки тех, кто создавал первые национально-культурные центры, национальные объединения, вкладывая душу и сердце.

В составе национально-культурных центров появились свои молодежные объединения. Не случайно приняли решение создать первый в истории Хабаровского края Краевой молодежный координационный совет, который бы содействовал самореализации национальной молодежи в области культуры. У молодых людей появилась реальная возможность самостоятельно решать вопросы и задачи по развитию и сохранению национальной культуры при поддержке профессионалов. Это особенно важно, и не только потому, что молодежь – достаточно большая социально-демографическая группа в нашем крае. Представители молодого поколения, как правило, целеустремленны, способны усваивать значительные объемы информации, обладают оригинальностью и критичностью мышления. С психологической же точки зрения молодость является периодом формирования самосознания, системы ценностей, социально-профессионального статуса.

Между тем сегодня, когда идеи мультикультурализма не оправдали себя, наступил кризис общеевропейских ценностей, усилилась политика двойных стандартов, особенно важным становится формирование общегражданских ценностей и российской идентичности у подрастающего поколения. Вот почему важно отметить, что молодежь любого национального объединения в Хабаровском крае стремится быть как субъектом преемственности старших поколений, так и проводником всего передового, современного, инновационного. Молодые люди смело берутся за выполнение этих целей и достигают больших успехов.

В этой статье речь пойдет о тех, кто особенно активно развивает и укрепляет межнациональное культурное взаимодействие в рамках Международной ассоциации национально-культурных центров, являясь представителями ее молодежного совета. У каждой из молодежных организаций есть своя особенность, все они разные, но их объединяет стремление к сотрудничеству и дружбе, уважение к предкам, старшему поколению, любовь к национальной культуре.

Один из таких молодежных центров – Армянский координационный совет молодежи при Хабаровском региональном отделении Союза армян России, созданный сравнительно недавно, 15 марта 2012 года. Большое уважение вызывает его руководитель Ара Эдикович Абрамян – креативный молодой человек, осуществляющий огромную работу по адаптации армянской молодежи в социуме. Молодые представители этого объединения гордятся, что в него входят не только армяне, но и русские. Каждый может вынести свою творческую идею на обсуждение, а затем и реализовать ее с единомышленниками.

Совет ведет большую работу в области национальной культуры и творчества. Она направлена на то, чтобы содействовать сохранению и укреплению общности армян, проживающих в Хабаровском крае, на ценностях дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных и религиозных конфликтов. С уважением относясь к традициям и укладу жизни других народов, проживающих в крае, они бережно сохраняют свою культуру, язык, письменность. Самобытный молодежный ансамбль народного танца «Ширак» – постоянный участник многих краевых и городских мероприятий, фестивалей и праздников. В прошлом году он стал призером Кубка чемпионата России по народным танцам и получил приглашение в Москву для участия в финале в январе 2016 года.

У молодежного еврейского центра «Гилель», существующего в Хабаровске с 1998 года, есть свой директор – Василий Духовный, который ответственно и грамотно строит работу. Кроме того, в молодежной организации работают и программный директор, и пиар-менеджер. Неудивительно, что, имея такую структуру, организация занимается вопросами развития молодежи по многим направлениям. Это крупнейшая в Сибири и на Дальнем Востоке России еврейская студенческая организация, объединяющая более пяти тысяч юношей и девушек в возрасте от 16 до 30 лет. Ее представители бережно относятся к еврейским традициям, делая их доступными для множества молодых людей в регионе.

Невозможно перечислить все виды деятельности этой организации. Достаточно назвать один из пунктов в ее обширной благотворительной программе: забота о стари-

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ках, ветеранах, больных, инвалидах. Это о многом говорит. А кроме того, огромное количество мероприятий, отражающих национальные праздники и традиции, дополняют картину культурной жизни еврейской молодежи. Сегодня «Гилель» – активный участник Краевого молодежного координационного совета МАНК ХК.

Высокую позицию в рейтинге национальных молодежных организаций занимает Хабаровская краевая общественная организация «Корейский национальный молодежный культурный центр «КОРЁ», основанная 19 июня 2003 года. Организационным процессом руководит правление, в котором есть председатель и заместитель. Руководство правления, начинавшее деятельность в 2003 году, уже сменилось по возрасту, но подготовило достойную смену. Сегодня председателем правления является Евгений Тен, его заместителем по вопросам культуры – Людмила Цой. Эту молодежную организацию отличает то, что для членов «КОРЁ» не существуют различия по национальным признакам. В его составе этнические корейцы, русские, якуты. Основной критерий приема – интерес к корейской культуре. Ребята активно участвуют в проведении всех мероприятий без скидок на возраст и занятость, иногда даже опережая старшее поколение новыми интересными иде-

ями. К примеру, ежегодно участвуют в организации фестиваля корейской культуры, тематических встреч, посвященных знакомству с национальной модой, кинематографом, играм, в проведении кулинарных мастер-классов. Кроме того, ребята участвуют во всех мероприятиях, приуроченных ко Дню Победы. В «КОРЁ» стараются помочь молодежи реализовать творческий потенциал, дают возможность получить практический опыт в реализации проектов, которые они смогут применить в будущем. Ребята считают, что только вместе можно добиться больших успехов, изменить к лучшему мир, в котором мы живем.

Татарский молодежный клуб создан 7 мая 2009 года на базе Хабаровской городской автономии татар. Основная цель этого объединения – сохранение и изучение татарской культуры, языка, традиций татар в условиях многонационального государства, пропаганда здорового образа жизни, трансляция общечеловеческих ценностей. Актив молодежного клуба (10–15 человек) составляют представители преимущественно татарского народа, но есть и башкиры. Среди членов актива выделяются несомненные лидеры, но ребята предпочитают соблюдать равноправие в решении вопросов деятельности клуба. Поэтому согласно национальным традициям решающее слово остается за руководителем национально-культурной автономии. Такая форма работы позволяет использовать опыт и мудрость старшего поколения и вместе с тем дает возможность для развития творческих способностей молодежи. Поэтому именно молодежь является полноправным организатором и участником одного из самых знаменитых татарских праздников – Сабантуя, который уже много лет проводится на краевом уровне при поддержке министерства культуры Хабаровского края. А Галия Ельская, один из лидеров молодежного клуба, в рамках этого события разработала и организовала конкурс «Мисс Сабантуй», ставший престижным и популярным среди молодежи всех национальностей края.

Важно еще раз подчеркнуть, что все эти молодежные объединения опираются в своей работе на опыт и поддержку старшего поколения, руководителей национально-культурных центров. Аветик Айказович Галстян, Владимир Николаевич Бейк, Вадим Алексеевич Кацман, Сарвердин Исмаилович Туктаров – это те, кого мы можем с полным основанием назвать духовными наставниками молодежи, кто строго, но бережно направляет ее деятельность к успеху.

В составе КМКС есть также три славянских молодежных национально-культурных центра, которые играют не менее достойную роль в организации и проведении многих культурных мероприятий. Все молодежные организации, которые входят в состав Краевого молодежного координационного совета МАНК ХК, активно взаимодействуют друг с другом, стремясь оправдывать его высокий статус. Это позволяет им быть в курсе самых интересных и престижных культурных событий России и Хабаровского края, принимать в них активное участие.

Сегодня, когда за плечами Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края пятнадцать лет, можно утверждать, что деятельность Краевого молодежного координационного совета сыграла важную объединяющую роль для молодежи разных национальностей, что в конечном итоге работает на общую цель – диалог культур и народов.

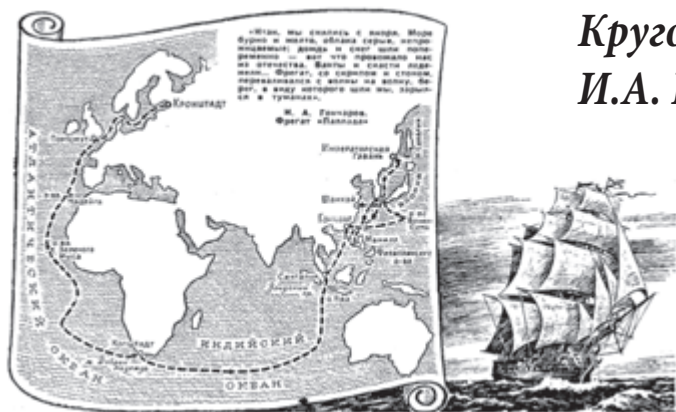

Фото Дины Беленко

ЛИТЕРАТУРА

«Идти на корабле... в отдаленные страны»

Кругосветное путешествие И.А. Гончарова на фрегате «Паллада»

Клара ЗИЛОВА

В 1852 году из Кронштадта в кругосветное путешествие отправился фрегат «Паллада». Цель экспедиции, которую возглавил вице-адмирал Е.В. Путятин, заключалась в инспектировании русских владений в Северной Америке, а также в установлении политических и торговых отношений с Японией. В качестве секретаря экспедиции в далекий путь отправился Иван Александрович Гончаров, к тому времени уже известный писатель, автор романа «Обыкновенная история». Кругосветное путешествие заняло почти два с половиной года и стало одной из самых ярких страниц в биографии Гончарова, а мировая литература пополнилась интереснейшей книгой «Фрегат «Паллада».

Иван Гончаров. 1856.
Дагеротип. С. Левицкий
Из собрания РНБ

И.А. Гончаров родился 6 (18) июня 1812 года в Симбирске. Его отец и мать были из купеческого сословия. Детство будущего писателя прошло в большом каменном доме, напоминавшем барскую усадьбу, который находился в центре города. Отсюда его блестящее знание усадебного быта дореформенной России, описанного позднее в романах. Когда Гончарову исполнилось семь лет, умер его отец, поэтому много внимания воспитанию мальчика уделял крестный – Н.Н. Трегубов, в прошлом моряк. Первоначальное образование Гончарова – домашнее, позднее он обучался в частном

пансионе. Когда мальчику исполнилось десять лет, его отправили в Москву, в коммерческое училище, где он провел восемь лет. И все же надежды матери сделать сына коммерсантом не оправдались – его увлекли гуманитарные науки.

В 1831 году И.А. Гончаров поступил в Московский университет на словесный факультет. Шла эпоха политической реакции после подавления восстания декабристов. Чем больше был гнет, тем чаще возникали очаги вольномыслия. Одним из таких центров стал Московский университет. Одновременно с Гончаровым здесь учились Белинский, Гер-

цен, Огарев, Лермонтов, Тургенев, Аксаков. Создавались студенческие кружки, студенты много читали, стремились самостоятельно искать ответы на вопросы, которые преподносила им действительность. В такой атмосфере напряженной духовной жизни и оказался Гончаров. Университет обогатил его знаниями, пробудил стремление к дальнейшему развитию. Позже это отразилось в творчестве.

Окончив в 1834 году университет, Иван Александрович вернулся в Симбирск и увидел, что здесь ничего не изменилось. Он решил уехать навсегда из родного города, но

Гончаров среди офицеров «Паллады» (сидит пятый слева). Слева от Гончарова – И.С. Унковский, командир корабля; справа Е.В. Путятин, командир экспедиции

Модель фрегата «Паллада»

симбирский губернатор предложил Гончарову занять должность его секретаря. Служба в канцелярии губернатора позволила увидеть изнутри жизнь чиновников и многое понять в бюрократическом механизме губернской администрации. Эти живые впечатления пригодились будущему писателю. Он уезжает в Петербург, где сблизается с семьей Майковых. Глава семьи Николай Александрович был крупным художником, академиком живописи. Его сыновьям Аполлону и Валериану Гончаров преподавал латынь и русскую словесность, и впоследствии Аполлон стал известным поэтом-лириком. В доме Майковых собирались писатели, художники, музыканты, царил культ восторженного, романтического отношения к искусству, и Гончаров отдал дань увлечению романтизмом.

1840-е годы – расцвет творчества писателя. Произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя положили начало реализму в русской литературе. Писателей интересуют повседневная жизнь народа, антикрепостнические настроения в обществе. Гончаров отходит от романтизма, реализм стал его творческим методом. Первый роман «Обыкновенная история» появился в 1847 году на страницах «Современника». Названием писатель подчеркивал типичность процессов, изображенных в произведении. Это было развенчание барского романтизма.

В октябре 1852 года в жизни И.А. Гончарова произошло важное событие – он стал участником кру-

госветного путешествия. Иван Александрович, вспоминая рассказы своего крестного Трегубова о морских странствиях, не предполагал, что однажды испытает это и сам. По характеру Иван Александрович был кабинетным человеком, далеким от морской деятельности, его мучили сомнения, правильно ли он поступает. Столь длительное путешествие было сопряжено со многими опасностями, трудностями, но писатель понимал, что оно обогатит его знаниями о мире, поможет в творчестве.

Руководителем экспедиции назначили Е.В. Путятин – моряка, дипломата, государственного деятеля, активного проводника российской политики в Азии. Командовал «Палладой» И.С. Унковский, выдающийся представитель русского парусного флота, ученик адмирала М.П. Лазарева – флотоводца и ученого, одного из первооткрывателей Антарктиды. В состав экспедиции вошли и другие видные моряки, путешественники и ученые: А.А. Халезов (Дед) – сподвижник Г.И. Невельского, совершавший на «Палладе» четвертое кругосветное путешествие, и К.Н. Посыет – автор «Писем с кругосветного плавания», ставший почетным членом Академии наук и Географического общества, Д.С. Честной (о. Аввакум) – крупный востоковед, владевший китайским языком, А.Ф. Можайский – впоследствии известный воздухоплаватель, оставивший альбом с рисунками гибели фрегата «Диана». Кроме подлинных личностей Гончаров вводит в повествова-

ние прообразы матросов и офицеров: «...маленький русский мир, с четырьмястами обитателей, носившийся два года по океанам».

В эскадру кроме «Паллады» входили шхуна «Восток» под командованием В.А. Римского-Корсакова, ставшего позднее адмиралом, начальником морского училища, автора «Дневника из японской экспедиции» и «Писем о Китае»; корвет «Оливца» с командиром Н.Н. Назимовым и транспортное судно «Князь Меншиков» под командованием И.В. Фуругельма. Фрегат вышел из Кронштадта 7 октября 1852 года. В Англии экспедиция задержалась: старый корабль был вынужден встать на капитальный ремонт. Выйдя затем из Портсмута, «Паллада» прошла Атлантический океан, обогнула южный берег Африки, мыс Доброй Надежды, вошла в Индийский океан, побывала в Сингапуре, Гонконге, Японии и прибыла к берегам Дальнего Востока 20 мая 1854 года – спустя год, семь месяцев и двадцать три дня.

22 мая фрегат вошел в Императорскую Гавань, только что открытую Н.К. Бошняком. Здесь Гончаров прожил два с половиной месяца, а в августе 1854 года прибыл в Амурский лиман, откуда 8 августа на шхуне «Восток» отплыл в Аян, потом в Якутск, а затем по замерзшей Лене добрался до Иркутска. Шесть месяцев длилось путешествие Гончарова по Сибири, и 13 февраля 1855 года он, наконец, вернулся в Петербург.

После возвращения уже в апрельской книжке «Отечественных записок» увидел свет первый очерк Гончарова о путешествии. На протяжении трех лет очерки печатались в «Морском сборнике» и других журналах. В 1858 году «Фрегат Паллада» вышел отдельной книгой, и это стало крупным литературным событием. Очерки Гончарова открыли русскому читателю мир. Африка, Япония, Китай, Филиппины, Ликейские острова были для современников писателя землей далекой и загадочной. Они узнали многое об истории, быте и нравах народов, населяющих эти земли и пребывающих на различных стадиях цивилизации. Книга содержала обширный материал по истории, этнографии, географии стран, в которых побывал писатель. Главное достоинство книги Гончарова заключалось в том, что он рассказывал об увиденном и пережитом. Он предстал человеком пытливым, любознательным, наблюдательным, умеющим интересно и увлекательно рассказывать, а вслед за ним и читатели переживали радость открытия новых земель.

Кроме того, Гончаров показал себя человеком, хорошо разбирающимся в политической жизни мира. В его наблюдениях большое место занимает тема вторжения капитализма в патриархально-феодальный уклад населения некоторых стран. Рассказывая о тяжелой жизни народов Африки и Азии, Иван Александрович отмечает неприглядную роль англичан, насаждающих колониально-грабительскими методами европейскую цивилизацию. Писатель отмечает, с какой хищнической цепкостью рвется к колониальному разбою Америка. Кроме грубой силы колонизаторы используют обман, лицемерие, фарисейство. Отсталость феодальной Японии Гончаров сравнивает с феодальным прошлым России, буржуазную культуру Англии считает неотвратимым будущим России. Гончаров отмечает различное положение колонизаторов и народов, которые выражают недовольство режимом. По Капской колонии в Африке он путешествует, когда там идет третья кафрская война. Особенно безрадостная картина деятельности европейской и американской буржуазии открылась

перед Гончаровым в Китае. Опиумная торговля подорвала экономику этой страны. Это привело к крестьянской войне, восстанию тайпинов.

В главе «Русские в Японии» он пишет о японцах, которые говорят о необходимости перемен в стране, ее открытости всему миру. «Паллада» достигает берегов Японии в августе 1853 года. Переговоры о торговом договоре с правительством Японии продолжались до января 1854 года, с перерывом с ноября до декабря 1853 года. В это время экспедиция, временно покинув Японию, посетила Шанхай. В январе 1854 года в связи с Крымской войной, так и не заключив торгового договора, миссия Путятина покинула Японию.

Особенно тяжелым стал отрезок пути от Аяна до Якутска. Аяно-Якутский тракт – это всего лишь тропа по болотам, горам, осыпям. Пришлось пересечь хребет Джугджур. Гончаров, как и все, ехал верхом. Иван Александрович хорошо отзывается о якутах, коряках, особенно об эвенках. Из Якутска он едет в санях по льду Лены. Здесь организована гоньба, почта. Гончаров пишет: «Я выехал из Якутска 26 ноября при 36 градусах мороза... Вот и повозка на дворе, щи в замороженных кусках уже готовы, мороженые пельмени и струганина тоже; бутылки с вином обшиты войлоком, ржаной хлеб и белые булки – все обращено в камень... Добрые приятели провожают с открытой головой на крыльцо и ждут, пока сядешь в сани, съедешь со двора, – им это ничего». По Лене живут русские поселенцы, сеют рожь, ячмень. Между городом Киренском и Олёкмой открыты золотые прииски. На Лене жизнь более цивилизованная. Путешественник сообщает: «На станциях большею частью опрятно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати – все выстругано из чистого белого дерева». Дорога от Киренска до Иркутска торная. «Слава Богу! Все стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки. Летают воробьи и грачи, поют петухи... и дым столбом идет вертикально из множества труб – дым отечества! Всем знакомые картины Руси! Недостает только помещичьего дома... Этого никогда не было в Сибири и это, то есть отсутствие следов крепостного права, составляет самую

заметную черту ее физиономии». Не остались незамеченными и красоты Сибири. «Вчера ночью я проехал так называемые щеки, одну из достопримечательностей Лены. Это огромные, величественные утесы, каких я мало видал и на морских берегах».

От слободы Качуги дорога пошла степью, Гончаров распрощался с Леной. Город Иркутск с Веселой горки он не увидел, проспал. В самую заутреню Рождества Христова И.А. Гончаров въехал в Иркутск. Здесь заканчивается описание его кругосветного путешествия. Шла Крымская война. Чтобы «Палладу» не захватили англичане, решили завести корабль в Амур, но это не удалось из-за плохой изученности фарватера Амурского лимана. Корабль поставили в Императорской Гавани, в бухте Постовой, где он и был затоплен в 1856 году.

Путевые очерки «Фрегат Паллада» не просто запись увиденного, а выдающееся литературно-художественное произведение. Создавая книгу, Гончаров не собирался дать систематическое описание путешествия. Он опускает многие факты деятельности экспедиции и не касается содержания дипломатических переговоров Путятина в Японии. Путешествие Гончарова на «Палладе» полно опасностей и риска, но о самых драматических событиях он говорит вскользь или с легкой иронией, которая окрашивает все его произведения, только позднее, в главе «Через двадцать лет», опубликованной в 1874 году, рассказывает об опасностях, которые подстерегали корабль в путешествии. Не раз экспедиция была на грани гибели, и только героизм опытных мореплавателей спасал корабль.

«Фрегат Паллада» – произведение, в котором наблюдения и впечатления писателя-путешественника художественно преобразованы и осмыслены. Кроме журнала экспедиции И.А. Гончаров вел дневник и посылал его в виде писем приятелям в Россию. Эти послания сохранились, а журнал, который он заполнял, пропал. Вернувшись из путешествия, Иван Александрович собрал письма и обработал, положив в основу книги. Жанр путевого дневника, составленного из писем к дру-

Иван Александрович Гончаров.
Портрет работы И.Н. Крамского. 1874

зьям, делал читателя участником путешествия, который размышляет вместе с рассказчиком. Этот образ, созданный писателем со свойственным ему юмором и многозначительной иронией, не следует отождествлять с самим Гончаровым. Высокую оценку книге «Фрегат Паллада» дали Некрасов, Добролюбов, Писарев.

После путешествия И.А. Гончаров вернулся в департамент Министерства финансов и продолжил чиновничью службу. Вскоре получил должность цензора, связанную с литературой. Многие осуждали Ивана Александровича, считали недостойным первому русскому писателю заниматься этой деятельностью, хотя Гончаров был либеральным цензором, многим писателям помогал в публикации произведений. В начале 1860 года он подал в отставку. Накануне, в 1859 году, был опубликован роман «Обломов», самое знаменитое произведение писателя. На всю Россию прозвучало слово «обломовщина», сказанное Н. Добролюбовым в статье «Что такое обломовщина?». И барин Обломов, и его слуга Захар олицетворяют кризис и распад патриархально-крепостнического уклада в стране. Выход в свет «Обломова» и громадный его успех у читателей закрепили за Гончаровым славу одного из самых выдающихся русских писателей. И в отставке он решил заняться только литературой. Но в середине 1862 года ему предложили должность редактора газеты «Северная почта», органа Министерства вну-

тренних дел, где Гончаров проработал около года. Затем он был назначен членом совета по делам печати (снова цензорская работа!). В условиях наступившей после 1862 года реакции писатель ревностно защищал правительственные устои, вел открытую борьбу против социалистических идей и несостоятельных доктрин материализма, социализма и коммунизма. Только в 1867 году он окончательно вышел в отставку.

Роман «Обрыв» Гончаров писал долго и трудно, уже будучи больным. Автор продолжает художественное исследование жизни и быта поместного дворянства, социально-психологических процессов предреформенных годов. Каждый из его романов отражает определенный этап исторического развития России, но в целом это картина угасающей крепостнической эпохи.

Гончаров прожил еще два десятка лет, писал очерки, в частности «По Восточной Сибири», статьи, в том числе критические, мемуарные произведения. В главе «Через двадцать лет» И.А. Гончаров коротко упоминает о продолжении миссии Путьянина, о корабле «Диана», пришедшем на смену «Палладе» и погибшем в заливе Симода во время землетрясения. Рассказывает и о приезде генерал-губернатора Восточной

Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, когда команда переходила с «Паллады» на «Диану», и его отплытию на шхуне «Восток» в Аян.

Иван Александрович обращается к читателям: «Мне поздно желать и надеяться плыть опять в дальние страны: я не надеюсь и не желаю более... Но я хотел бы перенести эти желания и надежды в сердца моих читателей и – если представится им случай идти («идти», а не «ехать») на корабле в отдаленные страны – предложить совет: ловить этот случай, не слушая никаких преждевременных страхов и сомнений».

В сентябре 1891 года писатель ушел из жизни. В некрологе на страницах «Вестника Европы» отмечалось: «Подобно Тургеневу, Герцену, Островскому, Салтыкову Гончаров всегда будет занимать одно из самых видных мест в нашей литературе».

Дальневосточникам особо дорого его книга «Фрегат «Паллада». В память о членах экспедиции и корабле, окончившем путь в Императорской Гавани, в бухте Постовой (Константиновской), где в январе 1856 года «Паллада» была затоплена, спустя сто лет установлен памятник – колонна, увенчанная метровой копией фрегата. Здесь же возвышается памятник-часовня зимовщикам команды фрегата «Паллада».

Памятник участникам экспедиции фрегата «Паллада», г. Советская Гавань

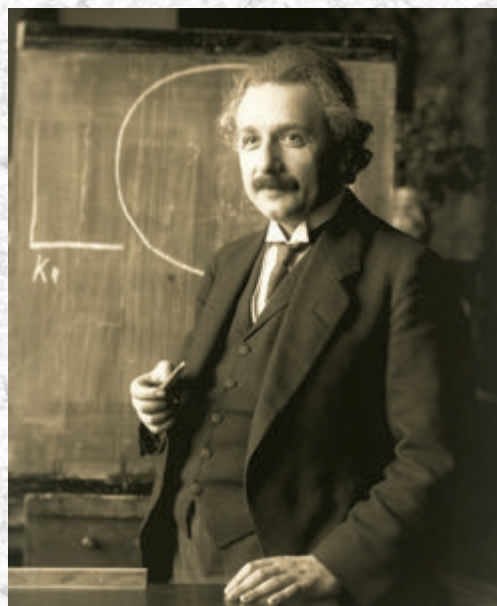
Автограф Вавилова

Наталья РАДИШАУСКАЙТЕ

110 лет назад, в 1905 г. в немецком журнале «Анналы физики» молодой сотрудник патентного бюро Альберт Эйнштейн опубликовал статью «К электродинамике движущихся тел», в которой объяснялось движение тел, двигающихся в отношении друг друга с неизменной скоростью. Изложенная в этой статье теория позднее получила название частной (специальной) теории относительности.

Сразу после публикации она не нашла признания у физиков – на нее просто не обратили внимания. Но Эйнштейн не бросил научную деятельность: он продолжил развивать свои теоретические выкладки, пытаясь распространить их на любые движущиеся системы. В течение десяти лет, с 1905 по 1915 г., он опубликовал несколько статей на эту тему, а к ноябрю 1915 г. закончил работу над основными положениями общей теории относительности. В марте 1916 г. в журнале «Анналы физики» появилась итоговая его работа «Основы общей теории относительности», на основе которой, расширив ее и упростив, Эйнштейн в 1917 г. выпустил книгу «О специальной и общей теории относительности (общедоступное изложение)». Но и эти изыскания Эйнштейна не вызвали особого оживления в ученой, а тем более в обывательской среде, до тех пор пока в 1919 г. наблюдение солнечного затмения не подтвердило, согласно докладу Британского Королевского и Королевского астрономического обществ, правильность теории Эйнштейна. Сенсацию опубликовала лондонская «Таймс», а следом за ней – пресса всего западного мира, открытие Эйнштейна называли «одним из величайших – возможно, самым великим – достижением человечества за всю историю науки» («Нью-Йорк Таймс» от 9 ноября 1919 г.).

С этого момента и возшла звезда Эйнштейна как величайшего ученого-физика XX в. Он приобрел необычайную популярность, его приглашали читать лекции по всему миру – для ученых, студентов и любознательной публики. Филипп Франк описывал, как проходили лекции Эйнштейна в Берлине в 1920-е гг. «Когда в те времена иностранцы прибывали в Берлин, – писал Франк, – и хотели осмотреть все достопримечательности: Бранденбургские ворота с богиней Победы, Аллею победы со статуями прусских князей, знаменитые театральные постановки Рейнхардта, универмаг Вертгейм, парковые ресторанчики на берегах живописных озер пригорода, то часто в этот список они включали и живую достопримечательность Берлина, о которой они так много читали в своих газетах, знаменитого Эйнштейна. Причем зачастую многие даже не знали определенно, физик ли он, математик, философ, мечтатель или кто-то еще. Знали только, что он говорит о вселенной такие вещи, каких не говорил никто другой до него.

Альберт Эйнштейн. 1921

На его лекциях можно было увидеть богатых американских и английских дам в дорогих мехах, которые внимательно рассматривали его в театральные бинокли и нередко заполняли большую часть зала. Обычно Эйнштейн говорил: «Теперь я хочу сделать небольшой перерыв, чтобы все, кого не интересует дальнейшее, могли удалиться». После этого часто оставались лишь восемь-десять студентов»¹. Участники этих лекций вспоминали, что после их окончания иностранные гости нередко бросались к доске и спорили из-за куска мела, которым писал свои формулы прославленный ученый: они хотели увезти на родину этот сувенир.

Слава Эйнштейна не угасла до сих пор. «Этот вечно стульящийся человек с большими выразительными глазами и взъерошенной шевелюрой стал одним из символов уходящего столетия, человеком-легендой, чье имя сделалось синонимом гениальности, а его теория относительности и другие работы в фундаментальной физической науке прочно ассоциируются с наивысшими достижениями человеческого разума», – писал в своей статье критик Эйнштейна В.К. Булавин². Теория относительности Альберта Эйнштейна – одно из самых разрекламированных физических открытий XX в. Несмотря на это, сегодня, как и сто лет назад, среди ученых-физиков есть как сторонники, так и противники этой теории. Некоторые критики называют ее мифом, который «привел к глубокому кризису современной физики»³, но настолько внедрился в сознание современного человека, что, невзирая на все свои противоречия, до сих пор считается величайшим открытием всех времен.

¹ Цит. по: Гернек Ф. Пионеры атомного века. М.: Прогресс, 1974. С. 165–166.

² Булавин В.К. «Гений всех времен»: (К 120-летию Альберта Эйнштейна и 80-летию великой легенды о нем) // Дуэль: [газета]. 10 авг. 1999, № 32 (123). URL: http://www.duel.ru/199932/?32_4_1.

³ Винтерберг Ф. Миф Эйнштейна и кризис в современной физике. URL: <http://bourabai.ru/winter/myth.htm>.

В Советском Союзе подход к открытию немецкого физика был однозначным: уже в 1930-е гг. на критику теории относительности и опровергающие ее исследования был наложен запрет, а сама теория официально признавалась «шагом вперед в деле раскрытия диалектических закономерностей природы»⁴. Такая позиция, вероятно, была вызвана, прежде всего, тем, что Эйнштейн неоднократно выражал сочувствие и поддержку молодому советскому государству, а также его недолгим пребыванием в рядах Коммунистической партии Германии в 1919 г. На фоне всеобщего неприятия новой российской власти благожелательное отношение такого известного, чрезвычайно популярного ученого стоило многого.

Одной из первых работ Эйнштейна, увидевших свет в советской России, стала уже упоминавшаяся нами книга «О специальной и общей теории относительности (общедоступное изложение)». По версии профессора А. Черняка, написать популярное сочинение по теории относительности попросило Эйнштейна немецкое издательство «Ф. Фивег и сын»⁵, однако Дж. Крелинстен в своей книге «Суд Эйнштейна», основываясь на переписке ученого, называет инициатором этого замысла профессора астрономии Берлинского университета Вильгельма Фёрстера. Именно Фёрстер в одном из своих писем призвал Эйнштейна обратиться к широкой немецкой публике – унять обеспокоенность и скептицизм германского населения, вызванные сомнениями в общепринятых знаниях о мире. «Уверен, Вы сумеете найти далекие от научного жаргона слова, чтобы познакомить немецкую публику с ясной и здоровой интерпретацией Ваших столь важных идей и моделей; сейчас это нужно, как никогда», – писал В. Фёрстер Эйнштейну.

Нужно помнить, что общую теорию относительности ученый опубликовал в разгар Первой мировой войны. К концу 1916 г. в немецком обществе наблюдались брожения; политическая нестабильность, военные неудачи и тяготы вызывали недовольство населения, поэтому весть об открытии немца, опровергающем научные устои, породила, по выражению Крелинстена, «истерические настроения» в части германского общества. Чтобы развеять эту истерию, считал В. Фёрстер, требовалось понятное, общедоступное изложение новой теории. Эйнштейн решил написать популярное сочинение, но все же предназначил его для образованного читателя. «Настоящая брошюра должна облегчить возможно более точное ознакомление с теорией относительности для тех, кто интересуется теорией с общенаучной, философской точки зрения, но не владеет математическим аппаратом теоретической физики. Чтение брошюры предполагает у читателя познания в объеме средней школы, и кроме того, несмотря на ее краткость, достаточно терпения и настойчивости», – писал ученый в декабре 1916 г. в предисловии к своему труду. Сама книга вышла в Брауншвейге в начале 1917 г. под названием «О специальной и общей теории относительности (общедоступное изложение)», и Эйнштейн шутил, что ее, скорее, следовало бы назвать «общенедоступное изложение».

В 1921 г. в Советской России был издан перевод этого сочинения. Выпустило его «Научное книгоиздательство» в серии «Физическая библиотека». В.Е. Львов в повести «Аль-

берт Эйнштейн», описывая встречу ученого с профессором Николаем Михайловичем Федоровским⁶ в январе 1921 г., упоминает об этом издании.

«Прощаясь, Федоровский сказал Эйнштейну, что среди первых научных и научно-популярных книг, готовящихся к изданию в Советской России, будет его „Частная и общая теория относительности“.

– Насколько известно, Сергей Вавилов в Москве уже перевел ее с пятого фивеговского⁷ издания. Редактировать перевод будет петроградский физик Афанасьев. Книга выйдет в свет в Петрограде еще в этом, 1921 году. Не забудьте, – добавил Федоровский, – что страна наша после семи беспримерно тяжелых лет лежит в развалинах. Те немногие произведения, которые доходят до типографского станка, печатаются порой на оберточной бумаге. Для вашей же книги будет отпущена хорошая белая бумага. А она у нас на вес золота!»⁸

Насколько тяжелым было положение полиграфической промышленности РСФСР в 1921 г., можно судить по свидетельству одного из руководителей Госиздата, который в начале года писал, что на февраль и март на всю РСФСР имеется лишь 8 000 стоп бумаги (около четырех миллионов типографских листов)⁹. Правительством была введена жесткая экономия печатной бумаги; в целях, как сегодня принято говорить, оптимизации сокращались (укрупнялись) типографские предприятия. И вот в этих тяжелейших условиях увидел свет перевод эйнштейновского общедоступного изложения теории относительности.

Как уже упоминалось, на русский язык это сочинение перевел Сергей Иванович Вавилов – талантливый физик и блестящий организатор и популяризатор науки, младший брат знаменитого советского генетика Николая Ивановича Вавилова. Сергей Иванович был одним из основателей российской научной школы физической оптики и основоположником исследований люминесценции и нелинейной оптики в СССР, в течение десяти лет – с 1941 г. и до самой своей смерти в 1951 г. – он возглавлял Академию наук СССР и сделал чрезвычайно многое для развития советской науки. Но все это было гораздо позднее. А в 1918 г. только что вернувшийся с фронта¹⁰ С.И. Вавилов возглавил отделение физической оптики Московского научного института (позже Института

⁶ Профессору Николаю Михайловичу Федоровскому – выдающемуся ученому-минералогу – в 1920 г. Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) было поручено организовать в Берлине печатание технической и научной литературы для Советской России. В 1921–1922 гг. Федоровский возглавлял Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) при научно-техническом отделе ВСНХ, располагавшемся в немецкой столице.

⁷ Имеется в виду издание, выпущенное немецким книгоиздательством «Фридрих Фивег и сын».

⁸ Львов В.Е. Альберт Эйнштейн. М., 1959. С. 170.

⁹ Ваганов А. Жанр, который мы потеряли. М., 2012. С. 62. Чтобы как-то конкретизировать эту цифру, укажем, что при стандартном для художественной литературы в СССР формате на один печатный лист помещалось 32 страницы, соответственно, 4 000 000 печатных листов обеспечат около 500 000 экземпляров книг по 250 страниц в каждой. Для Советской России даже в начале 1920-х гг. это было чрезвычайно мало.

¹⁰ В 1914 г., закончив с отличием университет, С.И. Вавилов, не согласный с университетскими порядками, введенными министром народного просвещения Л.А. Кассо, отказался остаться на кафедре для подготовки к профессорскому званию и за два месяца до начала Первой мировой войны поступил на военную службу. Всю войну он провел на фронте, что не помешало ему продолжать заниматься любимой физикой: в эти годы Вавилов предложил новый метод обнаружения вражеских радиостанций по силе их приема, а также выполнил экспериментально-теоретическую работу, посвященную определению частоты колебаний нагруженной антенны.

⁴ История антирелятивистской борьбы в нашей стране // Библиотека антирелятивистской литературы. URL: <http://www.antidogma.ru/library/history.html>.

⁵ Черняк А. Как Эйнштейн зазвучал на еврейских языках. URL: http://izrus.co.il/weekly_news/856.html#ixzz3iO7SAESY.

Сергей Иванович
Вавилов. 1916

Е.Н. Сахарова и Н.И. Вавилов
в год женитьбы. 1912

физики и биофизики Наркомздрава РСФСР). Параллельно он занимал должность приват-доцента физико-математического факультета Московского университета и преподавал в Московском высшем техническом училище, читая лекции по физике и теоретической светотехнике. Помимо этого, он с 1919 г. был доцентом, а затем профессором Московского высшего зоотехнического института, а в 1918–1923 гг. также преподавал оптику в Высшей школе военной маскировки.

Несмотря на такую огромную нагрузку молодой ученый находил возможность дополнительно заниматься историей и популяризацией науки. В 1920-е гг. С.И. Вавилов написал серию научно-популярных книг: «Действие света» (1922), «Солнечный свет и жизнь Земли» (1924), «Глаз и Солнце» (1927), перевел и издал на русском языке «Оптику, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибах и цветах света» И. Ньютона со своими комментариями (1927). В этот же ряд можно включить и перевод труда А. Эйнштейна по теории относительности. К сожалению, хотя Сергей Иванович почти всю жизнь вел дневники, в этот период он сделал лишь несколько записей. Они как раз за 1920 г., но касаются практически исключительно личной жизни ученого. В это время Вавилов был влюблен и собирался сделать предложение своей будущей жене – Ольге Михайловне Багриновской, поэтому в дневнике больше отражены душевные порывы и переживания. Об Эйнштейне же встречается лишь одно упоминание, в записи от 9 мая

1920 г.: «Началось с Нескучного сада, потерянного Einstein'a, моей чудной пробной лекции...»¹¹ Можно предположить, что потерян был оригинал сочинения Эйнштейна, который Вавилов в это время должен был переводить.

Русский перевод «общедоступного изложения» теории относительности оказался, по всей видимости, очень популярным у советского читателя: в 1922 г., то есть на следующий год, было выпущено второе издание этой книги, в 1923 г. – третье.

В редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки хранится экземпляр этого издания с двумя дарственными надписями: «Дорогой Екатерине Николаевне Вавиловой от переводчика» на титульном листе и «Дорогому дяде Кеше Июнь 1923» на обороте титульного листа.

Понятно, что автором первой надписи был Сергей Иванович Вавилов – тот самый переводчик. Адресовал же он ее первой жене своего старшего брата Николая, Екатерине Николаевне Вавиловой-Сахаровой. Надо сказать, что братья и сестры Вавиловы (в семье было четверо детей – два брата и две сестры) всю жизнь крепко дружили и очень любили и поддерживали друг друга. Самым близким после матери человеком для Сергея Вавилова был старший брат Николай. Именно благодаря ему Сергей увлекся естественными науками и в конце концов стал физиком: в 1949 г. в своем письме к И.В. Сталину с просьбой о посмертной реабилитации брата младший Вавилов писал, что «только помощь и поддержка Николая позволили ему стать крупным ученым».¹² Близкие отношения братьев распространялись и на их семьи: они заботились о женах и детях друг друга, всегда готовы были прийти на помощь в случае необходимости.

Николай Иванович Вавилов был женат дважды. С первой женой – Екатериной Николаевной Сахаровой – он познакомился еще в институте. Они оба поступили в Московский сельскохозяйственный институт в 1906 г. на один курс, быстро подружились и очень много общались. В 1920 г. Вавилов писал Е.И. Барулиной¹³ – своей аспирантке и будущей второй жене: «Жену свою знаю давно, со студенческих лет. Это была самая умная, образованная слушательница в Петровке¹⁴, которую уважали все от студентов до профессоров»¹⁵. Николай часто бывал дома у Сахаровых, они с Катей много времени проводили вместе, а во время разлук переписывались. В 1912 г. молодые люди поженились. Для их друзей этот брак стал неожиданностью, хотя все знали, что Николай с Катей практически неразлучны: очень уж эти двое различались. «Николай был общителен, весел, приветлив. Поражал талантливостью. Считался красивым. По нему тайно и явно вздыхали многие девушки в Петровке. А Катя Сахарова была некрасива – маленькие серые глаза, выдающийся вперед подбородок, прекрасные, правда, волосы. Она была очень образованна и умна, но ум ее был не по-женски расчетлив, холоден. Вообще в ней много было мужского – в походке, в движениях, в

¹¹ Вавилов С. И. Дневники. 1909–1951. Кн. 2. М., 2012. С. 18.

¹² Вавилов Ю.Н. Братья Вавиловы: жизнь и трагедия // Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Изд. 2-е. М., 2008. С. 289.

¹³ Барулина, Елена Ивановна (1895–1957) – советский ботаник – систематик культурных растений, монограф рода чечевица. Одна из ближайших сотрудниц Н.И. Вавилова и его вторая жена.

¹⁴ Петровка – разговорное название Московского сельскохозяйственного института, который до реорганизации в 1894 г. назывался Петровской сельскохозяйственной академией.

¹⁵ Цит. по: Вишнякова М. А. Друг, партнер, жена (Е.Н. Сахарова и Н.И. Вавилов) // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16, № 3. С. 611.

поступках; к тому же она неизменно носила куртку мужского покроя. Замкнутая, сухая и часто резкая, она пользовалась уважением товарищей, но не любовью», – писал С. Резник.

В конце концов эта разница в характерах и привела к разрыву. Сам Вавилов в уже упоминавшемся письме к Елене Барулиной посетует: «Была попытка пойти одной дорогой, но из этого ничего не вышло... этому мешал и тяжелый характер Екатерины Николаевны. И единственное, что связывает нас, – сын, которого нельзя не любить». Хорошо различия между супругами описал в своей книге М. Поповский: «...Образ жизни Вавилова раздражал Екатерину Николаевну. Николай Иванович приехал. Николай Иванович снова уезжает. Николай Иванович навел полный дом гостей и толкует с ними до глубокой ночи. Никогда не известно, сколько в семье денег: профессор одалживает сотрудникам различные суммы и при этом не считает нужным запомнить, сколько дает и, главное, кому... Так Екатерина Николаевна жить не могла. А Николай Иванович по-другому не умел»¹⁶.

К 1920 г. в жизни Николая Вавилова появилась другая женщина – та самая Елена Ивановна Барулина, которая сначала была его студенткой, потом аспиранткой, а в конце концов сотрудником. Их роман продолжался несколько лет – лишь в 1926 г. Николай Иванович развелся с Екатериной Николаевной и женился на Елене Барулиной. Причиной таких долгих «неофициальных отношений» стало, видимо, именно нежелание Елены Ивановны разрушить семью, в которой был ребенок¹⁷. Нужно отметить, что, несмотря на охлаждение в отношениях и, по сути, раздельную жизнь¹⁸, Николай Иванович и Екатерина Николаевна сохраняли дружеские отношения как до, так и после развода. Так, М. Поповский в своей книге отмечает, что в 1921 г., во время своего пребывания в Америке, Вавилов активно переписывался с женой: в письмах он подробно обсуждал с ней события политической, научной жизни, рассказывал о прочитанных книгах.

Неизвестно, знал ли Сергей Иванович о разладе в семье старшего брата (учитывая их близость, наверное, все же знал), но примерно в это время он преподнес его жене первое советское издание Эйнштейна в своем переводе. Точные причины, побудившие С.И. Вавилова сделать этот подарок, неизвестны, но можно высказать предположение. Дело в том, что Екатерина Николаевна тоже занималась переводами: она переводила книги по науковедению, агрономии, педагогике. Например, как раз в 1921 г. в Москве вышло сочинение американского философа и педагога Джона Дьюи

¹⁶ Поповский М. А. Дело академика Вавилова. М., 1991. С. 25.

¹⁷ Поддерживать свою бывшую жену и принимать участие в воспитании сына Н.И. Вавилов продолжал и после развода, до самого своего ареста. Екатерина Николаевна все так же жила в московской квартире Вавиловых с матерью бывшего мужа, они с Николаем Ивановичем вели оживленную переписку. На лето отец забирал Олега к себе в Детское Село (нынешний Пушкин, или Царское Село), где жил с новой семьей. Когда старший сын подросток, Вавилов стал брать его с собой в экспедиции. Николай Иванович помогал бывшей жене с работой: организовывал ей договоры в издательствах на переводы. Они до самого конца сохраняли дружеские отношения, а сын Олег души не чаял в отце.

¹⁸ С 1921 г. Вавилов с женой даже жили в разных городах. В конце 1920 г., когда семья вернулась из Саратова в Москву, Вавилову почти сразу предложили возглавить отдел прикладной ботаники Сельскохозяйственного ученого комитета в Петрограде. После некоторых раздумий Николай Иванович принял это предложение. Однако Екатерина Николаевна отказалась переезжать с ним в Северную столицу и осталась с сыном Олегом жить в Москве, вместе со свекровью – матерью Н. И. Вавилова Александрой Михайловной.

Титульный лист советского издания А. Эйнштейна 1921 г. с дарственной надписью С. И. Вавилова Е.Н. Вавиловой-Сахаровой на книге из фонда ДВГНБ

Страница книги с дарственной надписью Е.Н. Вавиловой-Сахаровой И.Н. Софонову

«Введение в философию воспитания» в переводе Е.Н. Вавиловой-Сахаровой. Может быть, и правда, подарок был сделан одному переводчику от другого?

Сдержанность дарственной надписи объясняется, по всей видимости, характером ее автора и его воспитанием. В.Р. Келер, рассказывая о воспитании детей в семье Вавиловых, отмечал: «Поощрялась сдержанность в выражении своих чувств, вытраивалась всякая сентиментальность. Родители и дети объяснялись лаконично, скорее даже сухо. Друг к другу обращались так: „Николай!“, „Сергей!“, „Отец!“, „Мать!“»¹⁹. Николай Иванович эту сдержанность, видимо, преодолел – он по характеру был общительным, открытым; а вот Сергей Иванович, от рождения более замкнутый, сохранил привитую с детства суховатость на всю жизнь.

Вторая дарственная надпись (на обороте титульного листа) сделана уже владелицей книги Екатериной Николаевной Вавиловой-Сахаровой. Она адресована ее дяде по материнской линии – Иннокентию Николаевичу Софонову, дяде Кеше, как

¹⁹ Келер В.Р. Сергей Вавилов. М., 1961. С. 18.

его называли сестры Сахаровы. Сведений о нем очень мало. М.А. Вишнякова пишет, что Иннокентий Софонов²⁰ был «учеником и ассистентом Д.И. Менделеева, а впоследствии преподавателем Томского университета, затем директором Учительского института в Хабаровске»²¹. В сборнике документов и материалов по деятельности учительских институтов Западной Сибири в 1902–1920 гг. есть справка о преподавателе Томского учительского института Иннокентии Николаевиче Софонове: «Окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Был оставлен ассистентом при кафедре под руководством Д.И. Менделеева. После отставки Менделеева из университета, Софонов И.Н. переехал в Томск, где работал преподавателем Томской Мариинской женской гимназии и лаборантом Томского университета. В 1906 г. был назначен штатным преподавателем Томского учительского института. С июня 1914 г. был переведен директором Хабаровского учительского института»²². Пожалуй, и все, что о нем известно сегодня. Можно лишь добавить некоторые детали. Д.И. Менделеев уволился из Санкт-Петербургского университета в 1890 г., значит, Иннокентий Николаевич, если он действительно ушел из университета вслед за своим учителем, приехал в Томск не раньше 1891 г. На самом деле он, вероятно, оказался в Томске не раньше 1901 г.: в памятных книжках Томской губернии и Западно-Сибирского учебного округа до 1901 г. И.Н. Софонов не упоминается. В юбилейном очерке Томского университета указано, что с 1 января 1903 по 1 сентября 1906 г. И.Н. Софонов служил лаборантом при кафедре общей химии этого университета²³. Из памятных книжек Западно-Сибирского учебного округа и Томской губернии удалось выяснить, что с 1 августа 1906 по 1913 г. Сафонов работал преподавателем в Томском учительском институте²⁴ – сначала вел лишь естественную историю, потом физику и естественную историю. В 1914 г. Иннокентий Софонов действительно переехал на Дальний Восток, вероятно, по приглашению приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти: он стал директором открывшегося в Хабаровске учительского института – первого на Дальнем Востоке. В институте готовили учителей школ и начальных училищ. Октябрьская революция и разгоревшаяся затем Гражданская война прервали деятельность института, он фактически не работал с 1918 по 1922 г., а в 1922 г. был преобразован в двухлетние педагогические курсы. По-видимому, в эти годы И.Н. Софонов перебрался из Хабаровска во Владивосток: в 1921–1922 гг. он числился в составе учебного отдела Владивостокской городской управы. О дальнейшей судьбе Иннокентия Николаевича ничего не известно, как не известно и каким образом книга из его библиотеки оказалась в фонде ДВГНБ. Понятно только, что в июне 1923 г. он встречался с племянницей, жившей в Москве, которая подарила ему советское издание Эйнштейна. Книга по теории относительности учителю физики должна была быть гораздо ближе, чем агроному и педагогу. Но все же Софонов с ней расстался. Как? Когда? Этого мы уже никогда не узнаем.

²⁰ М.А. Вишнякова в своей статье пишет фамилию как «Сафонов», но во всех просмотренных нами дореволюционных изданиях Иннокентий Николаевич значится как «Софонов».

²¹ Вишнякова М.А. Указ. соч. С. 606.

²² Учительские институты Западной Сибири 1902–1920 гг. Томск, 2005. С. 232–233.

²³ Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1917. С. 48.

²⁴ Томский учительский институт открыт в Томске в сентябре 1902 г.

Фотографии книги и автографов сделаны автором. Иллюстрации, использованные в статье, взяты со следующих интернет-сайтов: Wikipedia: https://en.wikipedia.org/wiki/Albert_Einstein.

Сайт Российской Академии наук: <http://www.ras.ru/sivavilovarchive/about.aspx>, <http://www.ras.ru/presidents/3821713b-0f7a-4959-8480-cab4b85e6a85.aspx>. Группа «ВКонтакте» «Вавилов Николай Иванович | памяти ученого»: <http://vk.com/nikolaivavilov>. А также из статьи М. А. Вишняковой.

ИСТОЧНИКИ

Альберт Эйнштейн : Сайт о великом ученом, философе, общественном деятеле. URL: <http://www.albert-einstein.ru>.

Богуславская О. Сброшен по приказу сверху // Московский комсомолец. 2007. 23 июля (№ 24523).

Бояринцев В. Альберт Эйнштейн – миф и реальность. URL: <http://hedrook.vho.org/library/einstein.htm>.

Брайен Д. Альберт Эйнштейн. Минск, 2000. С. 102–254

Вавилов Ю. Н. В долгом поиске: книга о братьях Н. и С. Вавиловых. Москва, 2008. 318 с.

Вавилова-Багриновская О. М. Из воспоминаний Ольги Михайловны Вавиловой-Багриновской // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 2. С. 45–50.

Винтерберг Ф. Миф Эйнштейна и кризис в современной физике. Лондон, 2004. URL: <http://bourabai.ru/winter/myth.htm>.

Вишнякова М. А. Елена Ивановна Барулина – ученица, соратница, жена Николая Ивановича Вавилова // Сельскохозяйственная биология. Серия: Биология растений. 2006. № 5. С. 108–123.

Дягилев Ф. М. Биография С. И. Вавилова // Дягилев Ф. М. Из истории физики и жизни ее творцов. М., 1986. С. 206–221.

Ипатьев А. Н. Воспоминания // Сергей Иванович Вавилов: Очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1991. С. 143–153.

Курганская А. «Альберт Эйнштейн»: 12 лет борьбы за Нобелевскую премию. URL: <http://www.the-village.ru/village/weekend/books/180039-biografiya-eynshteyna>.

Лёвшин В. А. Диссертация рассеянного магистра. М., 1967.

Лескова Н. Он был бы велик при всех обстоятельствах: [интервью с Ю. Н. Вавиловым] // Независимая газета. 2004. 8 дек. URL: http://www.ng.ru/science/2004-12-08/11_vavilov.html.

Опря В. Р. Теория относительности как топология времени. Глава 7 // Журнал «Самиздат». [М.], 2009. URL: http://samlib.ru/o/oprja_w_r/tott_last2.shtml.

Орлова М. Екатерина Сахарова: В ее жизни была только одна любовь. URL: <http://gorod-pushkin.info/ekaterina-sakharova-19-12-2012>.

Письма Альберта Эйнштейна Сталину и советским дипломатам в защиту Ф. Хоутерманса, А. Вайсберга и Ф. Нетера. 1938 // Звезда. 1994. № 12. С. 187–193.

Резник С. Е. Николай Вавилов. М., 1968. (ЖЗЛ, вып. 11). 336 с.

Салль С. А. Истоки и заблуждения релятивизма. URL: <http://www.shaping.ru/mku/salle/salle02.pdf>.

Теория относительности Эйнштейна для чайников. URL: <http://www.sciencedebate2008.com/relativity-theory-for-dummies/>.

Вавилов Ю. Н. Воспоминания о С. И. Вавилове // Сергей Иванович Вавилов: Очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1991. С. 154–159

Савина Г. И. Сергей Иванович Вавилов (1891–1951). URL: <http://www.ras.ru/presidents/3821713b-0f7a-4959-8480-cab4b85e6a85.aspx>.

Трускинов Э. В. Н. И. Вавилов в Царском Селе // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16, № 3. С. 716–723.

Романов В. В. Из истории становления системы образования в Приморье. Хабаровск, 2003. С. 27–44.

Исторический очерк [Педагогического института Тихоокеанского государственного университета]. URL: http://www.khspu.ru/articles.php?article_id=145.

Crellinsten J. Einstein's Jury: The Race to Test Relativity. Princeton, 2013. P. 102.

Vieweg Verlag // Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Vieweg_Verlag.

Дальневосточная командировка Аркадия Гайдара

Клара ЗИЛОВА

А.П. Гайдар. Хабаровск, 1932

Так сложилось, что важная часть писательской биографии Гайдара связана с Хабаровском – здесь он создал повесть «Военная тайна». Аркадий Петрович приехал в наш город 30 января 1932 года сложившимся журналистом и писателем, за плечами значительный отрезок жизни, наполненный событиями радостными и печальными.

А.П. Гайдар родился 22 января 1904 года в городе Льгове Курской губернии, в 1912 году семья переехала в Арзамас, где прошло его детство и отрочество. Отец Петр Исидорович Голиков – крестьянин, был учителем, мать Наталья Аркадьевна Салькова – дворянского происхождения, работала фельдшером. Аркадий учился в Арзамасском реальном училище с 1 сентября 1914 года. Когда в 1917 году в училище попросили ответить на вопрос анкеты о самом любимом занятии, он кратко ответил: «Книга». И перечислил любимых писателей: Гоголь, Пушкин, Гончаров, Достоевский, Толстой, Писарев, Шек-

Все время в дороге. Край интересный, а время очень горячее. В общем, я хорошо сделал, что уехал на Дальний Восток.

*Из письма А. Гайдара сестрам.
1932 год*

Аркадий Петрович Гайдар – известный писатель и журналист, участник Гражданской и Великой Отечественной войн. За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы в 1939 году награжден орденом «Знак Почета» и орденом Отечественной войны I степени в 1965 году (посмертно). Он автор произведений «Р.В.С.», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек», «Школа», «Тимур и его команда», «Голубая чашка», «Военная тайна», «Горячий камень» и других. На его книгах воспитывалось не одно поколение детей и подростков.

спир, Марк Твен. Шла Первая мировая война, отца мобилизовали в армию. Мальчик тоже попытался убежать на фронт, но его вернули домой. В письме отцу он писал: «А поезд уходил все дальше и дальше, мерно стучал по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносило вдаль за поездом к нему, милому и дорогому». И добавляет: «Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой».

В это время он пробует писать, ведет дневник. Началась революция, городок Арзамас бурлит; революционные события, Гражданская война захватывают и школьников. Аркадий Голиков пишет заявление в комитет партии коммунистов. Решение Арзамасского комитета РКП (б) от 29 августа 1918 года: «Принять А. Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания».

В 14 лет Аркадий Голиков, высокий и крепкий, прибавил себе лишние годы и ушел на фронт Гражданской

войны. В 1919 году учился на командных курсах в Москве и Киеве, потом в Москве в Высшей стрелковой школе. В 1920 году командир батальона написал в аттестации: «В моем же батальоне он является пока только одним удовлетворяющим требованиям командирования на высшие курсы». Принятый на младшее отделение командиров рот, Голиков оканчивает «Выстрел» по старшему тактическому отделению. В июне 1921 года командующий Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский подписал приказ о назначении Аркадия Голикова командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом. В списке полка значилось 2 879 человек. А. Голикову было на тот момент 17 лет и 5 месяцев. В это же время он достал учебники, ночами, урывками пытался готовиться к поступлению в Академию Генерального штаба, куда ему дали направление на учебу. Отцу писал о своих опасениях не сдать экзамены по общеобразовательным предметам. А вот военное дело знал хорошо. Опытные офицеры отмечали его талант в тактических вопросах.

А.П. Гайдар мечтал быть военным. Всю Гражданскую войну воевал в Башкирии, Сибири, Хакасии, был ранен, дважды контужен, но все же сумел получить два военных образования. В письме отцу Аркадий Голиков пишет: «В общем, я собой доволен. Немножко устал. Я живу по-волчьи, команду ротой. Деремся с бандитами вовсю».

Вторая контузия оказалась для Аркадия Голикова роковой. Снаряд разорвался рядом, он упал с коня спиной плашмя, ударился головой о землю. По состоянию здоровья не мог воевать, поэтому из армии его уволили. Вот запись из дневника А. Голикова: «...Фрунзе. Я сидел в приемной Р.В.С. – он вошел, проходя к себе в кабинет. Все встали. Через 10 минут Медянцев вышел из кабинета и сказал: «Ну вот – приказ подписан». Это было, кажется, 14 апреля 1924 года. Этим приказом я зачислен в резерв при Г.У. Р.К.К.А.»

После увольнения Аркадий поехал в Алупку навесить больную мать. Она думала, что уже не увидит сына, но он успел, застал, сфотографировался с ней. Мать умерла от туберкулеза в 1924 году, отец, воевавший и в Первую мировую войну, и в Гражданскую, умер в 1927 году в Арзамасе. А.П. Гайдара лечили, дали на полгода отпуск, продлили, потом уволили в запас, в итоге отправили в бессрочный отпуск. Но он всегда ходил в гимнастерке и сапогах, в полувоенной форме. И в каждом его произведении присутствует тема солдата. Даже когда герой повести «Судьба барабанщика» Сережа просит отца спеть солдатскую песню, а тот поет: «Горные вершины спят во тьме ночной ...» на слова М.Ю. Лермонтова, Сережа говорит, что это не солдатская песня. Отец объясняет: «Идет отряд, он устал, идти трудно. А на перевале белые. «Погодите, – говорит командир, – еще немного, дойдем, собьем... тогда отдохнем ...Кто до утра, а кто и навеки...» Как не солдатская? Очень даже солдатская!»

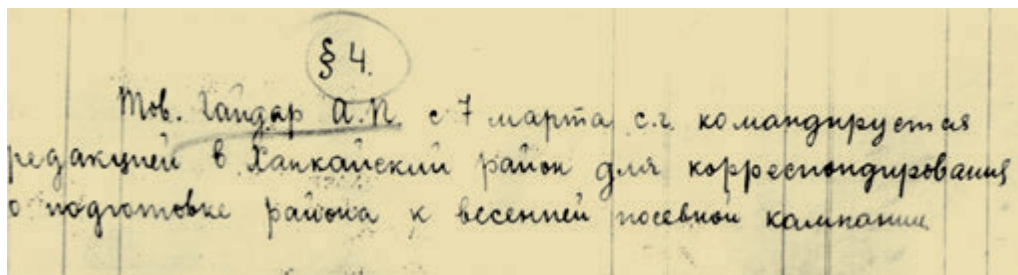
Завершив военную карьеру, А.П. Гайдар занялся журналистикой и литературой. И раньше, и теперь его

называют детским писателем. Сам же о себе он говорил так: «Пусть потом когда-нибудь люди подумают, вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом деле они готовили краснозвездную крепкую гвардию». С 1926 года Гайдар работал в различных газетах: в «Звезде» и «Уральском рабочем» на Урале, в архангельской «Волне» («Правда Севера»), в «Пионерской правде» и «Комсомольской правде» в Москве. Вместе с ним в Хабаровск из Архангельска приехали журналисты И. Шабанов, А. Фетисов, П. Кулыгин. Их пригласили на работу в газету «Тихоокеанская звезда». Главным редактором был назначен И. Шацкий. Приехавшие в Хабаровск журналисты жили в доме на улице Фрунзе, 67 (к сожалению, он не сохранился), а редакция находилась через двор на улице Калинина, 86. А. Гайдар жил вместе с Е. Титовым, Д. Нагишкиным, П. Кулыгиным.

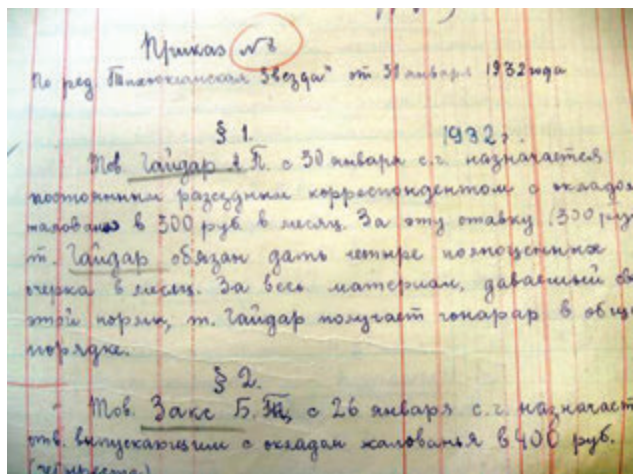
В редакции «ТОЗа» был издан приказ: «Тов. Гайдар А.П. с 30 января 1932 года назначается постоянным разъездным корреспондентом с окладом жалованья в 300 рублей в месяц. За эту ставку (300 рублей) т. Гайдар обязан дать четыре полноценных очерка в месяц. За весь материал, даваемый сверх этой нормы, т. Гайдар получает гонорар в общем порядке». Работы у Аркадия Гайдара в газете было много. «Предъявитель сего тов. Гайдар Аркадий Петрович командирован в Владивосток, Артем, Сучан для работы по подготовке к краевой конференции передовых предприятий. И. Шацкий». «Временно возложить на тов. Гайдара обязанности по освещению животноводства (кролиководство, свиноводство). И. Шацкий». Поручали ему освещать и посевную кампанию в Ханкайском районе Приморья. Как разъездной корреспондент он колесил по Дальневосточному краю (ДВК): Красная Речка, Иман, Турий Рог, Камень-Рыболов, Улахинский леспромхоз, Сучан, Новицкое, Угольная, Артем, Владивосток, Находка... Писал фельетоны, очерки, репортажи, статьи. Около 20 фельетонов опубликовано в «ТОЗе» (Хабаровск) и «Красной звезде» (Владивосток). К сожалению, дальневосточный период его журналистской работы мало изучен.

Свою манеру письма Гайдар выработал к 1932 году. Редакция пермской газеты «Звезда», в которой Гайдар был фельетонистом в 1926–27 годах, отмечала, что «за это время его фельетоны приобрели широкую популярность среди читателей». Р.И. Фраерман писал, что к началу 1930-х годов Гайдар пережил романтику бродяжничества, погони за необыкновенным. Возвышенные искания переросли в трезвое желание глубоко знать жизнь и искать поэзию в повседневном потоке современности. К утверждению моральных ценностей Гайдар приходил через фельетон и обличительный очерк. Он видел недостатки, которые в те годы называли пережитками прошлого, и с помощью печати боролся с ними. Одной из тем фельетонов Гайдара была бдительность, чему способствовала обстановка у дальневосточных границ, где после конфликта на КВЖД было неспокойно. Ожидание войны ощущается во многих его произведениях.

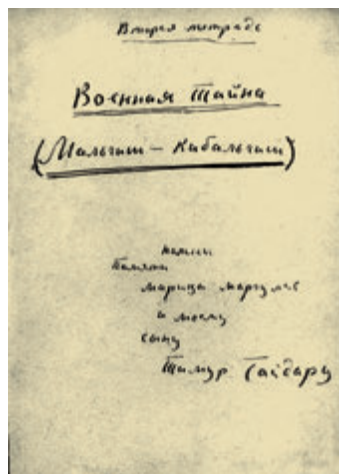

Параграф 4 приказа о командировке А.П. Гайдара в Ханкайский район для корреспонденции о подготовке района к весенней посевной кампании

Приказ по редакции газеты ТОЗ от 31 января 1932 года о назначении А.П. Гайдара постоянным разъездным корреспондентом

Титульный лист второй тетради рукописи Гайдара «Военная тайна», Хабаровск, 1932. Тетради были в твердом переплете, это первая страница рукописи

На страницах «Красного знамени» и «ТОЗа» публиковались фельетоны «Бездомная», «Карусель», «Мышь-ковая руда и медные лбы», «Метатели копий», «Триста робинзонов», «Сережа, выдай», «За каменной стеной», «Столбы и схемы», статьи на злободневные темы: «Мало голосовать за кролика. Кролика надо разводить», «Хотели прислать милиционера», «Тарелка слив», «Речь не о фонтанах», очерки «Бензин. Керосин. Лигроин», «Бригадир товарищ Волков», репортаж «Хабаровск – 1 мая» и другие. В Хабаровском государственном архиве сохранились газеты «ТОЗ» и «Красное знамя» с фельетонами, очерками, статьями А.П. Гайдара.

Обращение к фельетону было вызвано жизнью, борьбой с мещанством. В советской литературе в этом жанре работали Д. Бедный, И. Ильф и Е. Петров, М. Кольцов. Гайдар интересуется природа бюрократа-приспособленца. «Бюрократ хитер, – писал он в фельетоне «Метатели копий» – Бюрократ, он – бездушен, бессердечен». Автор называет имена и фамилии, учреждения. Бюрократ и мещанин-стяжатель, по мнению писателя, родственники. В фельетоне «300 робинзонов» он рассказывает о рыбаках, которых забросили на остров Римского-Корсакова, обещали следом прислать продукты и забыли. Месяц рыбаки голодали. В фельетоне «Сережа, выдай» Гайдар пишет о складе и лавке «Союззолота», в которых продавали дефицитные товары для тех, кто добывал золото. Но в нем по благу и записочкам руководства вещи и продукты продавались родным, близким и нужным людям. Гайдар собрал эти записки и процитировал: «Самойлов! Выдайте Корякину чулок женских пар 6 ... Кожевников». «Самой-

лов! Отпусти этому человеку 3 метра мануфактуры, необходимой ему для исшития трусов». В газете опубликовали карикатуру: мужчина в огромных трусах, сшитых из трех метров ткани. «Сережа! Не откажи в просьбе, дай спирту сему подателю. Нужно для одного обстоятельства».

Гайдар не писал свои очерки, фельетоны в кабинете, он создавал их в дороге, в поезде, обязательно ездил в те места, которые попали в его поле зрения. Рвачество и хулиганство осуждает в статье «Хотели прислать милиционера». Чтобы написать статью, он поехал в леспромхоз, побывал на рабочих местах, в столовой, в бане и увидел, что кормят отвратительно, в бане колотун, работа организована плохо. Встретился с рабочими, поговорил с ними, рассказал, как было трудно в Гражданскую войну, но все преодолели, победили. После публикации материала руководство района навело порядок на участке, никто уже не стал дебоширить, и отпала надобность в милиционере. Но в очерках Гайдара есть и положительные герои. За них он борется. Волков – бригадир арматурщиков на стройке Хабаровской электростанции. Простой рабочий, ударник. Ему он посвящает очерк «Бригадир товарищ Волков».

Ирония, сарказм, юмор и смех – неотъемлемые качества его фельетонов Он ведет разговор с читателем, старается сделать своим единомышленником. Художественное и публицистическое начала – единое целое в творчестве Аркадия Петровича. На дальневосточном материале Гайдар ставит большие проблемы, местная тема становится значительной. По словам В. Королева, Гайдар оказал большую помощь газетчикам. Чаще стали печат-

Бывшее здание редакции газеты ТОЗ, ул. Калинина, 86. Мемориальная доска в память о работе в газете А.П. Гайдара

Дом на улице Фрунзе, 67, в котором жил А.П. Гайдар в 1932 году

таться материалы из глубинки, улучшилась верстка газет, выразительнее стали называться фельетоны. Фельетоны приобрели силу общественного воздействия. В «ТОЗе» появился раздел «Люди Дальнего Востока», на страницах газеты обсуждались возможности создания садоводства в дальневосточном крае, говорилось о внимательном отношении к садоводам Лукашову и Мухину.

А.П. Гайдар уехал из Хабаровска в сентябре. Последней его статьей здесь была «Тарелка слив», в которой он выступил в защиту садовода Мухина, выведившего дальневосточные сорта фруктовых растений. Напечатана она в «ТОЗе» 11 сентября 1932 года, уже после его отъезда. В статье Гайдар выразил надежду, что когда он в следующий раз приедет в Хабаровск, у каждого жителя на столе будет тарелка слив.

В Хабаровске Аркадий Гайдар написал повесть «Военная тайна», в которую вошла

Памятник писателю в Детском парке имени А. Гайдара г. Хабаровска. Скульптор – Г. Мазуренко

сказка «Мальчиш-Кибальчиш». Задумал он написать повесть уже через три месяца после приезда на Дальний Восток. Вот строки из его дневника: «Надо собраться и написать книгу. Крым, Тимур, Лиля – все это связать в один узел, все это перечувствовать еще один раз, но книгу написать совсем о другом». «Это будет повесть. А назову я ее «Мальчиш-Кибальчиш». Более поздняя запись: «Неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш останется Мальчишом, но упор надо делать не на него, а на «Военную тайну», которая вовсе не тайна».

Первый черновой вариант повести «Военная тайна» Гайдар написал в больнице, куда его положили из-за приступов травматического невроза. Отдельной книгой повесть вышла в 1935 году. Уходя на фронт Великой Отечественной войны в 1941 году, Аркадий Петрович отдал на сохранение тетради с рукописью своему другу Н. Пантелееву. Рукопись «Военной тайны» перемежается дневниковыми записями. На первой странице первой тетради значится: «1932 г. Дальний Восток. 13/вш. Арк. Гайдар». В правом верхнем углу нарисована звездочка с пятью расходящимися лучами. На другой странице: «Эта тетрадь начата 13 августа и окончена 28 августа 1932 г.». Другая фраза: «Пока писал, то передумал, повесть будет называться «Военная тайна». Название подчеркнул линией. Следующая фраза: «Скоро – Москва. Сегодня жду телеграмму от Талки». Вверху звездочка с лучами. (Талка – Наталия Голикова, сестра Аркадия Гайдара. – *Прим. автора*). На одной из тетрадей написано: «Третья тетрадь. «Военная тайна». (Мальчиш-Кибальчиш). 29/вш 1932. Дальний Восток. Памяти Марицы Маргулис и моему сыну Тимур Гайдару». Есть и такие записи: «Как я сейчас живу: весь в книге – весь около тени Марицы Маргулис, около Альки и Натки»; «...Мне так легко писать эту теплую и хорошую повесть. Но никто не знает, как мне жаль Альку. Как мне до боли жаль, что он в конце книги погибнет. И я ничего не могу изменить» (Марица Маргулис, мать Альки, венгерская революционерка, погибшая в застенках тюрьмы в Венгрии. – *Примеч. автора*).

На пятнадцатой странице рукописи Гайдар пишет: «День опять солнечный. Падают первые листья. Я много работаю и гуляю для отдыха в тихом заросшем травю саду. Норма у меня в день 6 страниц, но иногда даю и целых семь...» Три крестика и еще несколько строк от 15 августа: «Встал в четыре утра. Вся больница еще спит. Принял потихоньку холодную ванну и сажусь писать. Видел во сне Тимура».

Сказку «Мальчиш-Кибальчиш» рассказывает пионервожатой Натке Алька, герой повести «Военная тайна». «В повесть она входит органично. Она – ее песня. Ее балладный стиль подготовлен всем, что сказано раньше, и бросает свой отсвет на все, что случилось позднее», – так пишет о сказке «Мальчиш-Кибальчиш» Тимур Аркадьевич Гайдар в «Слове об отце». Мальчиш-Кибальчиш сражался с буржуинами. Они схватили его, допрашивали, но не раскрыл он им Военной Тайны. Рассмеялся им только в лицо. «Что это за страна? – воскликнул

тогда удивленный Главный Буржуин. – Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово? ... И погиб Мальчиш-Кибальчиш».

Началась Великая Отечественная война. Аркадий Гайдар был командирован 19 июля 1941 года в Красную армию юго-западного направления в качестве военного корреспондента газеты «Комсомольская правда». Он успел прислать в газеты «Комсомольская правда» и «Пионерская правда» свои корреспонденции: «У переднего края», «Мост», «У переправы», «Ракеты и гранаты», «В добрый путь», «Война и дети», «Берись за оружие, комсомольское племя». В письме второй жене Доре Матвеевны Чернышевой он писал: «Наши войска сражаются хорошо. Бои, как ты сама читаешь, идут упорные, но настроение у войск и народа твердое».

Когда из Киева журналисты улетали в Москву, Гайдар решил остаться, а потом вместе с другими военными, попавшими в окружение, ушел в партизанский отряд. О службе А.П. Гайдара в партизанском отряде подробно рассказывает Б. Камов в книге «Партизанской тропой Гайдара». Погиб писатель 26 октября 1941 года, спасая своих товарищей-партизан. Спустя несколько лет, 21 сентября 1947 года, Тимур Аркадьевич принимал участие в перезахоронении праха Аркадия Петровича Гайдара из села Лепляво на другой крутой берег Днепра в город Канев. Ему слышался голос отца, его любимая песня «Гори, гори, моя звезда ...» и звучали памятные с детства, обернувшиеся пророчеством слова: «Похоронили Мальчиша на зеленом бугре возле Синей реки ...»

С Тимуром Аркадьевичем Гайдаром (1926–1999), контр-адмиралом, редактором военного отдела газеты «Правда» (он окончил Ленинградское высшее военноморское училище и Военно-политическую академию) я встречалась два раза в Москве. Он познакомил меня со своей женой Ариадной Павловной Бажовой (историком, доктором наук), дочерью писателя Павла Петровича Бажова, автора уральских сказов «Малахитовая шкатулка». Но еще до нашей встречи Тимур Аркадьевич прислал два письма, в одном из которых отмечал, что «Дальний Восток был и колыбелью, и источником вдохновения многих замечательных писателей».

В Гродековский музей Т.А. Гайдар передал копию фотографии 1939 года с отцом и копию письма А.П. Гайдара 1932 года с Дальнего Востока сестрам. Это письмо особенно дорого, потому что он пишет о Хабаровске, о дальневосточном крае: «Дорогие сестренки! Не писал – не знаю почему. Все время в дороге. Край интересный, а время очень горячее. В общем, я очень хорошо сделал, что уехал на Д.В. Месяц, как я не был в Хабаровске. Сейчас я на границе недалеко от Владивостока. На днях вернусь в Хабаровск, пошлют еще куда-то. Здесь весна. Снега нет, тепло. Был я несколько дней тому назад на берегу озера Ханка на самой китайской границе ... Пишите мне, буду ждать...»

Фото из архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова

Кибальчишия – место, где я родился и живу

Виктор БУРЯ

Поводов к появлению этого материала несколько. Назову два: материал в интернет-журнале «Самиздат» автора «Марко Поло» «Мальчиш-Кибальчиш и другие» и недавнее 110-летие Аркадия Петровича Голикова (Гайдара). Так вот, «Марко Поло» утверждает, что Кибальчишия находится в... Семиречье. Его аргументы: «...На одну из окраин Советской России снова нападает «из-за Черных Гор» буржуинское войско. На этой окраине... нет гарнизона регулярной Красной Армии, ее ближайшие части находятся за горами на удалении двух-трех суток конной почты, то есть трех-четырёх сотен верст... Ближайшим прототипом для алькиной-наткиной-гайдаровской сказки будут события конца 1921 года... в полосе между реками Или и Енисей, по обе стороны недавней границы Российской и Китайской империй».

«Марко Поло» вычислил и прототип Кибальчиша. «...За Саянами они победили. Отчасти и потому, что их поддержали отряды крестьянской самообороны, которыми командовал Сергей Кочетов (С.К. Кочетов, 1894 года рождения). Геройский командир отряда числится у «Марко Поло» «фаворитом в конкурсе на должность Мальчиша-Кибальчиша».

Теперь о Кибальчишии. «...Гайдар ...находился в нынешней северной части Хакасии. Был он в это время «начальником Второго боерайона, включающего территорию шести нынешних районов на юге Красноярского края: Ужурского, Шарыповского, Орджоникидзевского, Ширинского, Боградского и части Усть-Абаканской... По прямой тут около 400 верст до урянхайской, впрочем, уже тувинской с августа 1921-го, Атамановки, где в декабре сражались партизаны Сергея Кочетова и войство Андрея Бакича (у «Марко Поло» – генерал Андрей Степанович Бакич «остался единственным Главным Буржуином на весь Восточный Туркестан»). Не знать ему (Голикову-Гайдару) эту историю об одном из последних набегов победленных на территорию победителя, произошедшем сов-

сем рядом... невозможно. Конечно... полную истину тут не знал... никто. Но какой-то профессиональный чекистский фольклор на эту тему, видно, запал Голикову в память. И всплыл десять лет спустя, когда корреспондент «Тихоокеанской звезды» Аркадий Гайдар лечился от запоя в хабаровской психиатрической больнице и там же написал свою удивительную «Сказку про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово».

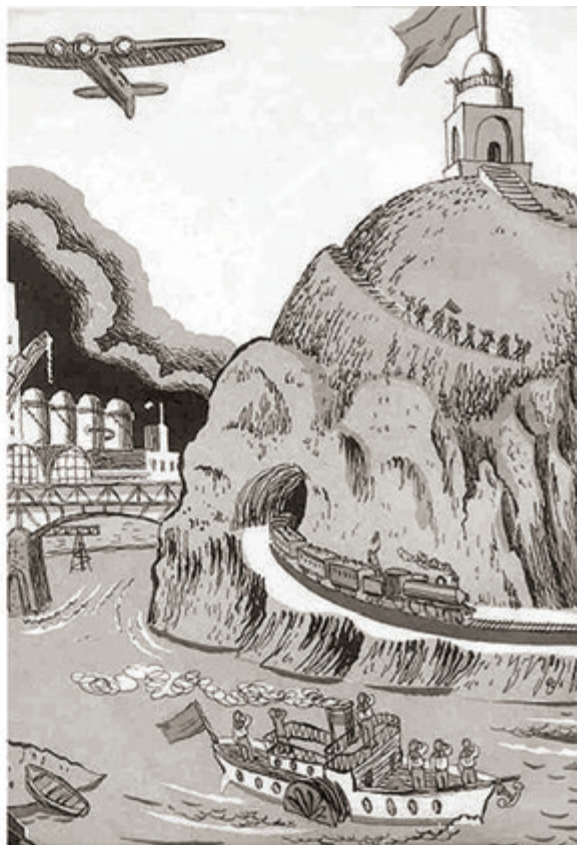
Спорить с «Марко Поло» не буду, уважая его интереснейшее исследование, но и своего мнения менять не стану. А оно таково: «Буржуинское войско» грозило СССР со стороны занятой японцами в 1931 году Маньчжурии. Отсюда моя уверенность, что Кибальчишия – это Приамурье и Уссурийский край. Сидит эта уверенность во мне со школьной поры, когда я будучи ровесником Мальчиша-Кибальчиша бегал в детский парк смотреть в кинотеатре-самолете мультики, а в середине 1960-х годов пионером собирал металлолом на сооружение памятника Аркадию Гайдару (первый вариант), написавшему сказку о Твердом слове Мальчиша в моем родном Хабаровске.

О начале работы над новой повестью А.П. Гайдар впервые упоминает в дневнике еще до приезда в Хабаровск, в середине 1931 года: «Надо собраться и написать для «Молодой гвардии» книгу. Крым, Владивосток (думаю, понятно, почему я выделил столицу Приморья – В.Б.), Тимур, Лиля, все это связать в один узел, все это переувчувствовать еще раз, но книгу написать совсем о другом. <...> Только сегодня (это уже из писем и записей в дневнике, сделанных в Хабаровске, – 1932 год) начинаю писать эту книгу. Она вся у меня в голове, и через месяц я ее окончу <...> это будет повесть. А назову я ее «Мальчиш-Кибальчиш». <...> ...Написано 25 страниц, и все шло хорошо. <...> А когда перечитал, то зачеркнул все, сел и снова написал всего 9 страниц – стало гораздо лучше. Но сначала зачеркивать было жаль и зачеркивал, скрепя сердце. Неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна. <...> Написал только две с половиной страницы. Очевидно, немного устал. Надо чуть передохнуть».

Итак, Гайдар приступил к написанию повести весной 1932 года в Хабаровске, куда еще в январе приехал из Перми работать развездным корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда». Тогда же было придумано и еще одно название повести – «Такой человек» («Верный человек»).

«...Какой это человек? И кто этот человек? Это будет видно потом», – напишет Гайдар в письме из Владивостока детской писательнице А.Я. Трофимовой. Был июнь

Акикуса Сюн, генерал-майор Японской императорской армии.
 В 1920-х годах принимал участие в военной интервенции в Россию. В 1933-1936 годах помощник начальника Японской военной миссии в Харбине в чине майора. Принимал непосредственное участие в создании Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) в 1934 году, при котором стал советником.
 Летом 1936 года Акикусу перевели в японский Генеральный штаб помощником начальника русского отделения. С декабря 1942 года проходил службу в пограничных войсках в Маньчжурии на Уосун.
 В 1943 году получил чин генерал-майора. В начале февраля 1945 года возглавил японскую военную миссию в Харбине.

В 1928 году вблизи села Волочаевка (ныне - Смидовичский район Еврейской автономной области) на месте одного из крупнейших сражений Гражданской войны на Дальнем Востоке, на вершине сопки Июнь-Корань, рядом с братской могилой по проекту скульптора А. А. Бадоньи (участник Волочаевского боя) было построено здание музея с расположенной на крыше скульптурой красноармейца.

1932 года. Сказка о Кибальчише еще не родилась. 1 августа 1932 года Аркадий Гайдар записал в дневнике о повести: «Она вся у меня в голове, и через месяц я ее окончу, тем более что отступить теперь уже поздно». 23 августа 1932 года: «Сегодня я неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш остается мальчишем, но упор надо делать не на него, а на «военную тайну», которая вовсе не тайна».

«...За свою жизнь я был в лечебницах раз, вероятно, восемь или десять – и все-таки это единственный раз, когда эту хабаровскую, сквернейшую из больниц, я вспоминаю без озлобления, потому что здесь будет неожиданно написана повесть о Мальчише-Кибальчише». В этой записи «повестью» Аркадий Гайдар назвал Сказку о Мальчише-Кибальчише... И не случайно. Недаром считается, что Сказка – это «ключ к повести», «эпиграф» к ней. Она помогает юному читателю осмыслить связь времен, воспитывает готовность «отдать себя в настоящем и будущем правому делу народа».

В сказке-эпиграфе повести «Военная тайна» прошлое (Отец, Старший брат) – лишь зачин повествования, главное содержание – настоящее и будущее. В дальневосточной детской газете «Знамя пионера», чья редакция находилась в том же здании на улице Калинина, что и редакция «Тихоокеанской звезды», в начале 1930-х годов часто можно встретить фразу-девиз к пионерам: «На смену старшим, в борьбе уставшим, молодая рать идет!». Девиз этот шифровался даже в ребусах.

Тема предчувствия войны – стержень книги. Этому способствовала и напряженность международной обстановки, особенно на Дальнем Востоке. Японские войска вторглись в Маньчжурию. Газеты Дальнего Востока из номера в номер публиковали подробные материалы о захвате северо-восточной территории Китая японскими войсками в 1931–1932 годах. «Знамя пионера» обращалось к своим молодым читателям с призывами оказывать всяческую поддержку и даже организовывать денежные сборы в помощь китайским сверстникам. Кроме газетных публикаций был у Гайдара «осведомленный

ЛИТЕРАТУРА

источник», знающий обстановку в Маньчжурии из первых рук, – Еллидифор Иннокентьевич Титов (1896–1938) – этнограф, археолог, собиратель фольклора северных народов, который в ту пору делил с Гайдаром и Борисом Заксом одну комнату в общежитии. С 1927 по 1932 год Титов работал в Харбине, где жили его жена с дочерью. Сначала в Центральной библиотеке Китайской Восточной железной дороги, затем редактировал советскую харбинскую газету «Молва». В его знакомых и друзьях числились работники генерального консульства СССР в Харбине А.Я. Авдощенко – ученый, специалист по экономике Японии, Н.В. Устрялов – директор Центральной библиотеки КВЖД. Вернувшись в 1932 году в Хабаровск, Титов вновь стал сотрудником «Тихоокеанской звезды», руководил в редакции литературным и международным отделами.

В середине июля 1932 года обстановка на дальневосточной границе накалилась. Начальник русского отделения 2-го (разведывательного) отдела японского генерального штаба Касахара телеграфировал начальству: «Подготовка завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии». Рубежные территории СССР на этой военной тропе – Приморье и Приамурье. Надо помнить, что 1932 год – это 10-летие освобождения Дальнего Востока от интервентов. Соответствующие мероприятия, встречи с участниками боев за освобождение Дальнего Востока от интервентов, в том числе и на сопке Июнь-Корань, где еще в 1928 году рядом с братской могилой было построено здание музея памяти о волочаевском сражении. Эхо прошедшей войны и гром наступающего грозного времени наполняли пространство, окружающее Гайдара в Приамурье и Приморье. С конца августа до 28 октября 1932 года Гайдар не делал записей в дневнике. Лишь в Москве он вновь возьмется за него. Прощай, Хабаровск! На Дальний Восток Аркадий Гайдар вернется уже в камне в 1972 году.

В печати «Сказка о Военной Тайне, Мальчише-Кибальчише и его Твердом слове» впервые появилась в 1933 году на страницах газеты «Пионерская правда» в номерах за 5–11 апреля. В том же году «Сказка...» выходит отдельной книжкой в Детгизе с яркими рисунками художника В.М. Конашевича и авторским посвящением: «Моему смелому сыну Тимур-Гайдару» (именно так и написано «Тимур-Гайдару»). И только в 1934 году завершится работа над повестью «Военная тайна». В журнале «Пионер» (№ 5–6) Гайдар, отвечая на вопросы читателей, расскажет: «...Сейчас я работаю над повестью, которая называется «Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смывке, о пионерских отрядах и еще много о чем другом».

Повесть «Военная тайна», с полностью вошедшей в нее «Сказкой...», впервые опубликована в 1935 году в журнале «Красная новь» (№ 2) и почти одновременно вышла отдельной книгой в Детгизе. Сказка о Мальчише-Кибальчише – эпиграф не только к повести, но и девиз почти четырех лет работы писателя Аркадия Петровича Гайдара, результатом которой стала «Военная тайна» – повесть, окончательно утвердившая его детским писателем.

Самым фантастическим в поисках дополнительных аргументов для подтверждения моей географии места

действия «Сказки...» и тайны «буржуинского войска» оказались... иллюстрации Конашевича. На иллюстрации № 1 изображен портрет Главного Буржуина (обратите внимание на фото реального человека, помещенное под иллюстрацией). На другой – № 2 – изображены железно-дорожные мост и тоннель, а на противоположном берегу реки (как я полагаю – Амура) от памятника Мальчишу, который очень даже похож на памятник партизанам на Волочаевской сопке, и портал тоннеля. Тоннель под Амуром строился, заметьте, в 1937–1941 годах для дублирования моста через Амур. Понятно, не от хорошей (читай – мирной) жизни. Во время Гражданской войны один пролет моста был взорван отступавшими партизанскими частями во время провокационного выступления японских военных. Введенный в постоянную эксплуатацию 25 октября 1942 года тоннель – единственное подводное сооружение на железных дорогах России. То есть нет больше такого места в нашей стране, где рядом были бы и мост, и подводный тоннель. Вот вам и фантастика! Как Конашевич в 1933 году мог знать про тоннель и нарисовать «портрет» Главного Буржуина? Кстати, я больше не видел иллюстраций к «Сказке...» (за исключением одного старого мультфильма, где интервенты объединены в международную команду: немец, англичанин и японец), где Главный Буржуин имел бы азиатскую внешность.

Иллюстрации к «Сказке...» Конашевича оказались забыты. Причиной такой забывчивости могли стать разные обстоятельства, в том числе и политическая обстановка. Автор другой замечательной детской повести, о капитане Врунгеле, вспоминал, с каким трудом проходили в печать главы с главным злодеем книги адмиралом милитаристской Японии. Составитель первой и наиболее полной библиографии творчества А.П. Гайдара К.П. Кипарисова писала: «Не все издания произведений А.П. Гайдара пригодны для использования их в работе с детьми. Многие из них имеют очень плохое оформление, схематичные, надуманные, небрежно выполненные иллюстрации». В ее «черный список» попало издание 1933 года с иллюстрациями В.М. Конашевича.

Необходимо сказать два слова о Владимире Михайловиче Конашевиче (1888–1963), художнике, заслуженном деятеле искусств РСФСР. Слово коллегам художника: «...В Конашевиче мы ценим прежде всего неистощимую выдумку мастера. Посмотрите книжки, им оформленные, – как изобретательно претворяется в зримый образ текст книги. И наряду с изображением, продиктованным текстом, сколько деталей добавлено художником! Фантазия художника, как дар доброго волшебника – нет ей границ... Есть у него образы героические, славящие смелых, сильных, упорных. Композиции в этих случаях наполнены напряжением, динамикой... В этом жанре Конашевич – один из самых ярких художников».

В Хабаровске помнят Аркадия Гайдара. Его имя носят главная городская детская библиотека с 1951 года, детский парк с 1954-го и улица с 1964-го. Имеется памятник работы скульптора Галины Мазуренко (1972), мемориальная доска на бывшем здании редакций газет «Тихоокеанская звезда» и «Знамя пионера» (1972).

Кибальчишия находится где-то здесь – на Дальнем Востоке. Думаю, вы согласитесь со мной.

Литература сегодня – не только «буквенность»

Олег КОПЫТОВ

Во-первых, именно так – «буквенность» можно точно перевести с латинского корень «litera» и суффикс «ture». Во-вторых, в русском языке это слово в первую очередь связывается с художественными текстами, с публицистикой, а затем уже с другими – научными, скажем, или техническими. В-третьих, первично и идеально литературный процесс – это незримый, очень и очень условный, через большую дистанцию во времени и пространстве диалог писателя и читателя.

На самом деле это два различных хронотопа, это два резко противоположных одиноких состояния, когда в тишине и часто в полном уединении – Болдинская осень Пушкина, Vallis clausa, Уединенная Долина Петрарки, – писатель сотворяет свое произведение, а затем, бывает через годы, бывает через столетия, читатель – тоже в тишине и уединении, – читает, вынимает из рядов букв целых два мира – тот, что в книге, и свой, теперь этой книгой, этой буквенностью раздвинутый, расширенный, порой – преображенный.

Сегодня это изначальное с двух сторон одинокое состояние литературы, конечно, остается, и остается первичным. Но складывается впечатление, что вроде бы вторичное, необязательное, спонтанное даже тогда, когда запланировано, состояние литературы, когда писатель и читатель встречаются, разговаривают, спорят, порою даже не о текстах, не о буквенности! – когда она, литература – катализатор клуба, клубней и клубков, в клубах дыма от искр настроений и праздника, – становится или уже стало таким же обязательным и важным, почти что нужным и необходимым, как сами писание и чтение. Собрания литературных клубов, кафе, площадок, презентации книг (а то и рукописей!), встречи с поэтами и прозаиками, круглые (а то и в яствах и напитках!) столы, юбилеи, дискуссии, писательские туры...

Мне скажут, что такое было. В начале XX века, в век Серебряный: «Бродячая собака», «Стойло Пегаса», «Пятницы» Случевского и «Среды» Телешева, (и даже «Ничевоки»), et cetera, et cetera, et cetera... Отвечу: было, да не то. То было средой элитарных площадок, то были «камеры-обскуры» богемы для богемы (как говорится, при

Александр Лобычев на презентации своего двухтомника

всем к ней уважению). Сейчас другое, сейчас – как ни ругаем порой демократию, она пришла в литературу. Сегодняшняя клубная жизнь литературы, наверное, да, в ущерб ее качеству, как никогда демократична. Когда почти любой читатель – homo не только читающий, но и сочиняющий (во всяком случае, стихи, миниатюры), когда почти любой может зайти сюда с улицы... И даже до конца остаться незнакомцем (иль незнакомкой, причем без блоковского флера и тумана).

Теперь покажем это просто на примерах литературной жизни Приморья. За пару последних лет.

На презентации двухтомника ведущего приморского критика Александра Лобычева «Шествие с Востока» – о художниках и писателях, которую он вел вместе со своим другом издателем книги Александром Колесовым 2 ноября 2014-го в большом зале Приморской филармонии, кажется, присутствовал весь литературный Владивосток. Кто только не выходил на сцену и не оказывался между двумя Александрями! Поэты и художники, главные редакторы газет и телеканалов, музыканты и актеры, «простые читатели», не менее других желавшие прочесть стихи – как из приморских классиков, так и свое – во славу города и края. Вспоминали ушедших, прежде всего тем же летом Вячеслава Протасова... Говорили о том, что Николай Матвеев, Юл Бриннер, Элеонора Прей, да и «Мумий Тролли» могли родиться (иль состояться!) только здесь. О том, что только в в этом джинсовом городе, где 50 тысяч жителей всегда в море, в советское время свежие диски Deep Purple, Queen, Pink Floyd и иных сначала пробовали на вкус, а потом уж, через месяц-другой, позволяли столи-

Владимир Тыцких в объятиях московских друзей

Севастополь. После презентации книг «Киевский морполит. Третий выпуск», (авторы Светлана Кириченко, Олег Гречко, Владимир Тыцких) и «Поклон адмиралу» (авторы Владимир Гаманов, Даниил Смирнов, Владимир Тыцких)

Библиотека «Просвещение трудящихся». После презентации книг «Киевский морполит. Третий выпуск» и «Поклон адмиралу»

Слева направо: поэтесса Марина Зайцева-Гольберг, адмирал Александр Кобец, писатель Андрей Углицких, адмирал Михаил Аполлонов

цам. О том, что отродясь в России свобода начиналась там, где всколыхнётся парус. Сегодня – тоже... Ораторов, пиитов, сменяли менестрели...

В писательский тур за три моря – от Японского к Черному (минуя Каспий, Арал и Азов), в Крым, Владивосток – Москва – Севастополь, авиа – авто, 10 950 км (за свои средства, разумеется) Эльвира Кочеткова взяла фотокамеру и свой многолетний навык. И не напрасно: получился мини-фильм, конечно же, любительский по статусу, но вот по качеству, а главное – контенту, конечно же, документальный в самом серьезном смысле слова. И этот фильм – «*Между трех берегов*» потом смотрел опять-таки весь литературный Владивосток (рассылкой самой Эльвиры и дальше по цепочке). Главное действующее лицо – поэт, прозаик, критик, старейшина цеха Владимир Тыцких... Наверное, можно уже сегодня сказать, что в сложнейшее даже для здорового человека путешествие, когда от Москвы до полуострова на море и далее вокруг него – на разных, глухонущих на бездорожье в том числе автомобилях, ночевка и обеда где придется, он отправился после операции на сердце. И приговаривал: «Да лучше уж в дороге, чем...» Все обошлось (дай Бог В.Т. сто лет здоровья!), и лето пятнадцатого года и для крымской, и для приморской литерату-

ры, не только для участников тура: Москва, Электросталь, Сергиев Посад, Каменск-Шахтинский, Ялта, Севастополь..., а там еще и Петербург! – наверное, еще обернется новыми текстами, встречами, а главное, взаимным интересом. Но и взаимным прошлым, ведь многие из тех, кто нынче житель Крыма или Москвы, служили в городе на сопках и у моря и начинали как писатели в погонах «в малых рангах»... Из статьи Э. Кочетковой: «...*Легко одолев паромную переправу, мы двинулись по не очень хорошим дорогам, взглядываясь в крымскую землю, как взглядываются в родное лицо, забытое за долгие годы. В Севастополь прибыли за полночь. Но однокурсник Владимира Михайловича Василий Лысенко надежно стоял в свете наших фар на назначенном перекрестке. Он сдал нас недорого, уютной гостинице, появился утром, отвел в редакцию газеты Черноморского флота «Флаг Родины»... В сердце моем встречи и люди. Севастополь и Крымская Земля – исток веры и надежды. Я думаю о своем времени, в котором выпало жить, я знаю моих героев, о которых хочу рассказать. Я верю в неслучайные случайности, подаренные этой поездкой...*»

На 20-летию поэтического объединения «Серая лошадь» 3 октября 2015-го в кафе «Чкалов» на владивостокском Арбате – улице Адмирала Фокина, обстановка

была, мало сказать, самобытная. Поиски сравнения приведут к атмосфере лондонского паба, где читают свои стихи двадцать Джонов Леннонов и десять Йоко Оно. (Точность сравнению придает запах пивного солода, легкий в 19.15, сильный ближе к 23.00). Сцена, где читали стихи из свежизданного «Лошадного» альманаха, была таким же объектом притяжения, как и сосед по столику или силуэт у дальней стены. Рядом мог оказаться человек, ко-

Нелли Мизь на презентации своей книги

Для презентации книги ведущего краеведа Приморья Нелли Григорьевны Мизь «Владивосток: прогулки в прошлое» перед новым, 2016 годом устроителями был заказан малый зал краевой филармонии. О чем они горько пожалели еще перед началом действия: сей зал рассчитан на 200 мест, народу собралось в два раза больше.

В книге семь очерков. Уже названия – песня для тех, кто любит Владивосток, кто здесь живет, бывал и еще будет: «По улице Прудовой», «Усадьбы на главной улице», «В саду Морского собрания», «К Пушкинскому театру – по заповедной улице», «История улицы Суйфунской», «От Амурского залива – по Светланской», «Железнодорожный вокзал Владивостока как символ русского Дальнего Востока». На встрече узнали, что книга редкой на сегодня ручной работы: Нелли Григорьевна не признает компьютер, пишет пером, а даже серьезные ученые-нейрофизиологи сегодня подтверждают: сие не вырубешь топором, тогда как от набора клавиатурой обязательно что-то теряется. Издатель – столичный житель, влюбленный в Приморье Александр Филькин, напечатал фолиант в Москве по новейшим технологиям, включил в состав иллюстраций редкие старые фотоизображения города, тщательно отобрал современные, на презентации книги более стоял в тени автора, других ведущих краеведов – Алексея Буякова, Геннадия Турмова, ведущей вечера и продюсера проекта Марины Бариновой...

Публика, разумеется, как губка впитывала желаемую информацию, например одну из любимых историй Нелли Григорьевны последнего времени, что на одном из изразцов по фризу вокзала Владивостока, победоносно вскинув серповидный меч, скачет в короне на белом коне отнюдь не Георгий Победоносец, как раньше считали, а Александр Македонский. «В одной из книг по искусству Древней Руси я обнаружила изображение изразца, полностью идентичное нашему. Там была «расшифрована» с древнерусского надпись, которая гласила: «Царь Александр Македонский». Почему он? А его весьма почитали на Руси, например, он один из героев декора Дмитриевского собора в одной из древних столиц Руси городе Владимире, он христианизирован, его подвигам посвящена повесть древнерусской литературы «Александрия»... Но вряд ли лекционный контекст на этой и подобных встречах главное – главное, конечно же, ощущение праздника и даже соборности, пусть малой во времени и тесной в пространстве... На презентации книгу можно было приобрести. Сто экземпляров разлетелись еще до начала. Еще около четырехсот продали до вечера следующего дня в дружественном устроителям презентации книжном по цене, между прочим, в полторы тысячи рублей. А публика была из тех, кого зовут небогатым словом «бюджетники» – преподаватели, наставники кружков и секций, врачи... Мне не досталось. Пойду в библиотеку. Там есть. Шеф городских библиотек пообещал...

торого ты не видел много лет, который приобрел черты лица зрелые и костюм импозантный, но сквозь них проглядывает тот юноша, та девушка, что начинали робкими верлибрами в здании сталинского ампира на Алеутской, 19, давшем название всем прежним семи, теперь уже легендарным и известным далеко за пределами Приморья, в питерах, москвах и парижках, поэтическим альманахам, – давшим имя, наверное, не просто поэтическому объединению, а целому настроению на эстетический модерн уже с приставкою не столько *neo-*, сколько *post-*... Здесь были и пионеры как первопроходцы, авторы еще первого, 1997 года альманаха, выпущенного при помощи тогдашнего известного на всю Россию мэра Черепкова, и пионеры чуть ли не по возрасту. Были авторы первых альманахов – Александр Белых, Константин Дмитриенко..., был вездесущий Александр Лобычев..., был Юрий Кабанков, который утверждал, что сегодня стоит говорить все же о 22-летию, что еще в девяносто третьем он в качестве наставника собирался с молодыми поэтами в «Серой лошади», на Алеутской, 19... Не было первого, до миллениума, фронтмена и хедлайнера «Серой лошади» Алексея Денисова (москвича с 2000-го), с чьим именем связывают стиль «меняющейся оптики» стиха, интерес к психологическим нюансам человека конца XX века..., хотя... – ну да, за каждым 20-летием непременно следует четвертьвековой юбилей. Кстати, «Серая лошадь» породила своих «жеребят» на западе страны, вслед за Приморьем ее юбилей и выход «Лошади...» восьмой отметили и в Санкт-Петербурге 4 ноября того же года в клубе «Порядок слов», состоящем и из бывших приморцев, например Вячеслава Кржижановского, одного из авторов «Лошади...» первой...

Толика оптического обмана

Удэгейский фольклор в творчестве советских писателей

Наталья ПОЗИНА

В 1930-е годы одновременно с созданием письменности и этнокультурными новообразованиями русские писатели адаптировали для широкого круга читателей фольклор коренных малочисленных народов Севера, в частности удэгейцев. Это связано с национальной политикой СССР, декларировавшей сохранение, развитие и демонстрацию культурной самобытности народов многонационального государства. Не случайно в программе единственного в регионе литературно-художественного журнала «На рубеже» появился фольклорный раздел.

При правлении регионального отделения Союза писателей создали комиссию по сбору фольклорного материала, в Хабаровске проводились вечера устно-поэтического творчества коренных народов Дальнего Востока, а в связи с подготовкой празднования двадцатой годовщины Октября вышло постановление Далькрайкома об организации сбора фольклора народов Дальневосточного края. К этой дате намечался и выпуск двухтомника о советском Дальнем Востоке, в котором важное место отводилось устному творчеству корен-

ных народов края как одному из факторов, выделяющих культуру определенного этноса из среды других. Материалы были собраны, сборник подготовлен к изданию, но из-за трагических событий, связанных с арестом его авторов И.И. Шабанова и Е.И. Титова, он так и не увидел свет.

Одновременно планировалась публикация юбилейной серии из двенадцати коллективных сборников о Дальневосточном крае. Один из них должен был представить фольклор Дальнего Востока. Большинство материалов относилось к послеоктябрьскому периоду и отражало современность, колхозное и социалистическое строительство в национальных районах, небольшая часть содержала охотничий фольклор. Дальневосточные литераторы собрали сказки, песни, загадки, приметы ульчей, эвенков, удэгейцев, нанайцев и нивхов, а также русских, корейцев, китайцев. К сожалению, издание постигла та же судьба: Е.И. Титов был репрессирован, материалы остались неопубликованными.

В 1940 году, к юбилею советизации Дальнего Востока, работу по сбору фольклора возобновили. Запланировали издать фольклорный сборник, состоящий из трех разделов: «Сказки, легенды», «Устные сказы», «Дооктябрьский фольклор». В то время уже существовала проблема деформации фольклора при обработке. П.С. Комаров, принимавший участие в работе над книгой, призывал авторов к точности и полноте записей, говорил о недопустимости искажения в передаче

собранных материалов. В 1940 году Б.А. Слуцкий, в то время сотрудник газеты «Красное знамя», записал в поселке Красный Перевал от П.З. Канчуги пять удэгейских сказок для журнала «На рубеже» – «Джонгой Марига» («Голый мужчина»), «Кулига» («Змей»), «Гэмый мамаса» («Нехорошая жена»), «Как бедный богатого обдул», «Вакцины и шаман» («Охотник и шаман»), но материалы не были опубликованы.

Несмотря на то, что запись и обработка образцов удэгейского фольклора русскими писателями велась в течение двух десятилетий, удэгейские сказки в художественной трактовке Б.А. Можаяева, Ю.А. Шестаковой, С.А. Холодного увидели свет только в начале 1950-х. Связано это с изменившейся социокультурной ситуацией в государстве. К концу 1930-х годов интернационалистская политика государства перестала существовать, а советская национальная идеология четко разделяла иерархию статусов разных народов, устанавливая приоритеты по отношению к ним. Значимость национальной самобытности отошла на второй план, поскольку начала формироваться общесоветская культурная система, которая вела к ассимиляции национальных культур.

Одной из первых публикаций фольклора народа удэ стали сказки о новом времени в обработке С.А. Холодного, переосмысленные в духе советской идеологии. Автор придерживается художественного шаблона, характерного для того времени: богатый шаман притесняет бедного, бедняк обманывает богатого. Подобный сюжет противоречил удэгейской фольклорной традиции, которая, напротив, отдавала предпочтение богатому человеку, но был актуален для общесоветской культуры, когда дореволюционная жизнь представлялась исключительно как угнетение бедных богатыми, а постреволюционная – обретение счастья бедными и наказание богатых. Под негласным запретом оказались

фольклорные сюжеты, связанные с получившими статус «пережитков» шаманизмом и мифологическими представлениями коренных дальневосточных этносов.

Важным этапом в адаптации фольклора удэгейцев стало появление сборника «Удэгейские сказки» (1955), а спустя несколько лет второго, расширенного по числу сказок издания «Железный клюв» (1959) в обработке Б.А. Можаяева. Сказки, опубликованные этим автором, записаны в двух селах – Сяин и Олон Пожарского района Приморского края. Публикация не содержала «стилизации под народность», поэтому обладала несомненной коммуникативной ценностью и была высоко оценена прежде всего носителями удэгейской культуры.

Б.А. Можаяев отрицал представление о народных сказках как исходном материале и о роли автора, который придает законченность фольклорному произведению. В рассказе «Трое» (1956) он писал: «Почему это произвольность народного творчества вы хотите подогнать под колодку определенного образца, хорошо известного вам? Разве оттого, что вы придадите сказке вашу законную систему развития сюжета, она выиграет в оригинальности? Разве ее кажущееся несовершенство не придает ей своеобразную неповторимость, которой вы хотите лишить ее? <...> Закон сюжета, строгость формы!.. Да поймите же – все это относительные понятия; реалисты под ними разумеют одно, модернисты – другое, а удэгейские сказочники – третье. А у нас читаешь, так сказать, народные сказки в обработке иных сочинителей: осетинские, тувинские, якутские – и все на один манер сказываются, похожи, как башмаки с одной колодки. И там и тут богатый притесняет бедного, и там и тут бедняки обманывают богатого; вся разница лишь в том, что у одних мулла, у других бай, у третьих шаман. В литературе же находятся умные люди, которые обобщают все это и делают мудрый вывод о бродячих сюжетах. Нет ника-

ких бродячих сюжетов! Есть бродячие литераторы, которые оболванивают народное творчество, подделываясь друг под друга».

Несколько ранее к удэгейскому фольклору обратилась Ю.А. Шестакова. Интерес к устно-поэтическому наследию удэ у нее был вызван литературной работой над повестью Д.Б. Кимонко «Там, где бежит Сукпай» и изучением традиционной культуры этого народа. Первое издание удэгейских сказок в ее переводе относится к началу 1950-х. «Переводу» Ю.А. Шестаковой свойственно использование слов, нехарактерных для фольклора удэгейцев, поэтому представители удэгейской культуры рассматривали сказки в ее трактовке как «идеологически обработанный пересказ имевшегося в распоряжении русского перевода сказки». Ю.А. Шестакова часто обращалась к фольклорному наследию удэгейцев, используя его в своих произведениях. В повести «Новый перевал» (1951) она отмечала, что «задача собирателя фольклора состоит в том, чтобы представить устное творчество народа без всяких литературных прикрас», поэтому в сказках, используемых в повести, стремилась сохранить строй речи рассказчика, синтаксические конструкции удэгейского языка.

Однако такая позиция видна только при включении фольклора в текст художественных произведений, впоследствии, уже в другой редакции, автор отступила от нее. После продолжительного перерыва, в 1970-е годы, Ю.А. Шестакова выпустила книгу сказок по мотивам удэгейского фольклора «Богатырь с Кедровой речки», куда вошли ранее уже издававшиеся сюжеты, но в новой литературной обработке: «Про сову», «Тигр и человек» и «Богатырь с Кедровой речки». Варианты сказки «Про сову» встречаются в повести Д.Б. Кимонко «Там, где бежит Сукпай», у Б.А. Можая «Как сова зимовать в тайге осталась», варианты «Богатырь с Кедровой речки» – у Б.А. Можая «Храбрый Нядыга», у В.Т. Кялундзюги «Сильный Егдыга», у Л.И. Сем «Зажили счастливо вчетвером». Первый вариант сказки «Тигр и человек» вошел в повесть Ю.А. Шестаковой «Новый перевал», второй опубликован в сборнике «Сказки народов Севера» (1951).

Во всех трех сказках Ю.А. Шестакова вводит развернутые зачины, где в сказовой форме приводит этнографические зарисовки быта, нравов и обычаев удэгейцев, дающие толкование сюжетам повествования. Отступая от традиционной простоты сюжета и лаконичности, автор включает в повествование художественные описания природы, внешнего вида, поведения птиц. «Сова была нарядная, в пышном оперении. Белые и дымчато-серые перья лепились перышко к перышку так густо, что, когда сова взлетала, расправив свои крылья, бесшумная такая и легкая, она была похожа на большой клубок дыма». Кроме того, она изображает чувства персонажей, наделяя их внутренними монологами. «Сова, наблюдавшая за ними с высокого дерева, слуша-

ла и возмущалась: «Какая дрянь эта утка, – со злостью думала она, – всем, всем рассказывает! Пожалуй, надо спрятаться от них».

Литературная обработка Ю.А. Шестаковой коснулась не только стилистики произведения, но и сюжета, числа персонажей. Например, количество встреченных в сказке «Тигр и человек» возрастает с одного до трех: помимо сохатого, как в первом варианте, тигр встречает изюбра и лошадь. Кстати, последний образ, чуждый фольклору коренных народов (появляется в третьем варианте сказки), помогает автору дать многостороннюю оценку человеку: так, в восприятии сохатого и изюбра, которые его не видели, но слышали, он сильный, а в глазах лошади он «...сильный. Но бывает и не очень».

В вариантах удэгейских сказок Ю.А. Шестаковой очевидна художественная трактовка сюжета русским автором. Зачастую поступки героев противоречат традиционной удэгейской идеологии. В сказке «Тигр и человек» охотник глумится над зверем, показывая свое превосходство:

«Человек взял веревку и стал привязывать тигра к стволу дерева. Обходит полосатого кота со всех сторон <...>

– Отвяжи меня! Зачем привязал? У тебя огонь страшный в руках. <...>

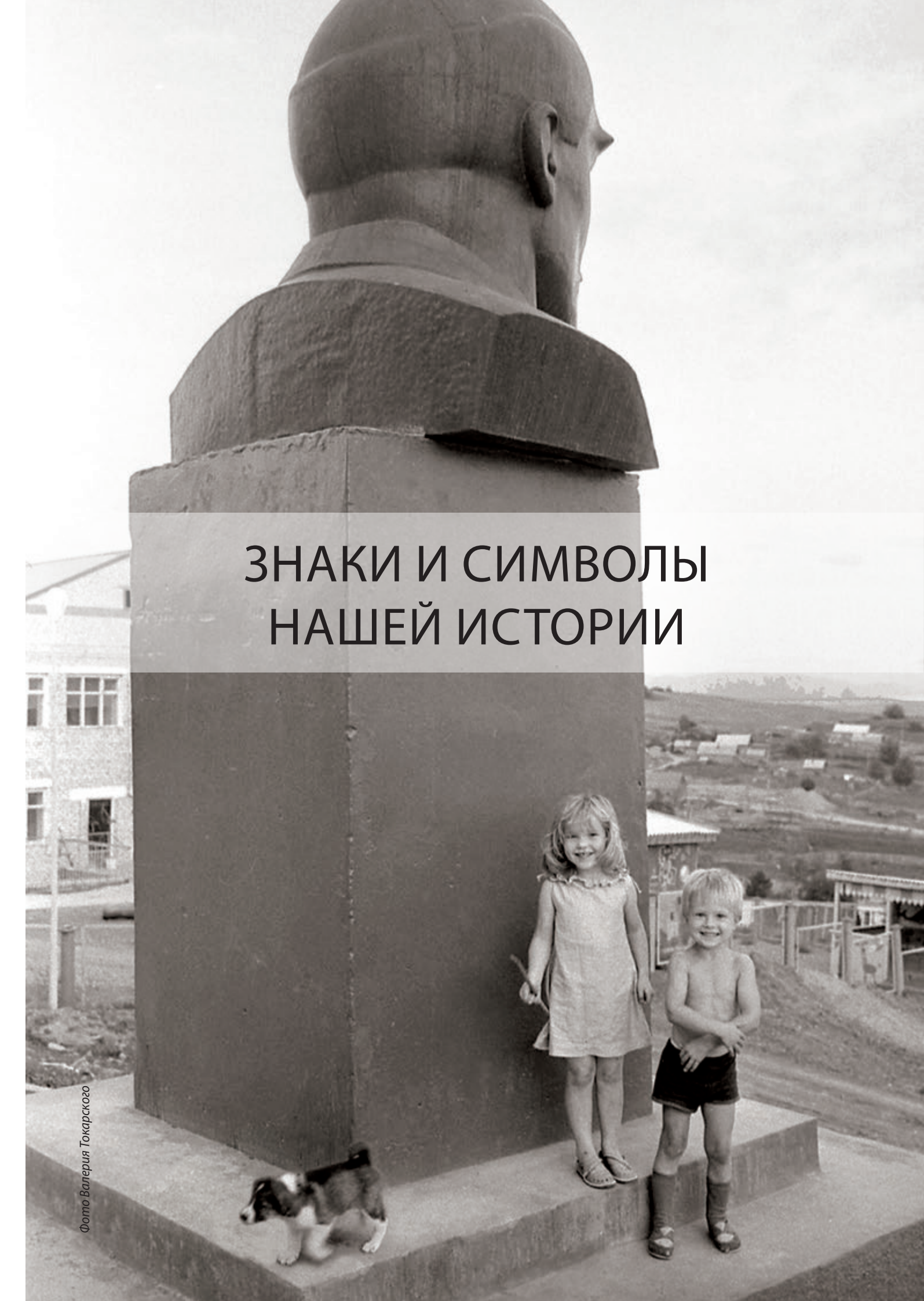
Опять бабахнуло! И снова дым пошел... Куты-мафа еще сильнее испугался, из глаз бегут слезы. Опять он просит отпустить его:

– Развяжи мне хоть передние лапы! Я слезы вытру!»

В культурной традиции тигр считался сородичем, «человеком» другого рода, ему нужно было оказывать особые знаки почтения. В сказке человек отступает от запретов, тем самым нарушая Закон тайги. Во втором варианте сказки «Тигр и человек» (1951) герой, желая проучить тигра, трижды стреляет мимо зверя, убивает ворона, волка, пугает медведя, и после этого стреляет ему в глаз. Вопрос о том, почему тигры человека не трогают, объясняется не законом тайги, а победой человека над природой.

Рассматривая многочисленные варианты одной и той же сказки в обработке Ю.А. Шестаковой, можно проследить, как традиционное удэгейское сказание *ниманку* трансформировалось в литературное произведение, написанное по мотивам удэгейского фольклора. На основе этих и других подобных произведений формировалась литература коренных народов Севера, притом процесс трансформации фольклорных материалов оказался неизбежен. Это подтверждает и С.С. Аверинцев, известный филолог и историк культуры, говоря, что «любой переход конкретного историко-культурного феномена в сферу общечеловеческих, общезначимых, универсальных ценностей неизбежно есть его отчуждение от собственной конкретности и требует некоторую толику оптического обмана».

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Историческая правда

Возвращение имени Ивана Платоновича Барсукова

Нина ДУБИНИНА

Иван Платонович Барсуков. 1904. Село Ярилино.
Публикуется впервые

В поисках автора

Печальное известие о кончине в Париже 18 ноября 1881 года графа Н.Н. Муравьева-Амурского породило у князя М.С. Волконского страстное желание издать о графе книгу, которая бы увековечила его имя, сохранила в анналах России память о выдающемся государственном деятеле и русском патриоте. Так он хотел выразить и личную признательность Н.Н. Муравьеву за смелое и заинтересованное участие в трагической судьбе семьи Волконских, в частности, и в его личной судьбе. Михаил Сергеевич родился в Забайкалье в семье декабриста С.Г. Волконского и его жены Марии Николаевны, одной из муз А.С. Пушкина, в числе первых жен декабристов отправившейся в ссылку к мужу. Благодаря восточносибирскому генерал-губернатору Муравьеву, привлечшему на службу юношу-изгоя, М.С. Волконский семь лет выполнял его ответственные поручения и вошел в знаменитую когорту муравьевских соратников.

Являясь неравнодушным свидетелем того, как в Петербурге все глубже становилась пропасть забвения гра-

Во второй половине XIX века в историко-литературных кругах России фамилия Барсуковых пользовалась известностью и уважением. Три брата Барсуковых – Николай Платонович, Александр Платонович и Иван Платонович – происходили из старинного дворянского рода, из семьи разорившегося помещика Тамбовской губернии. Посвятив жизнь исследованию российской истории, они обогатили ее своими трудами, открыли читателям новые имена, малоизвестные грани деятельности знаменитых современников. Старшие братья были видными археографами и признанными авторами многочисленных научных трудов, а младший, несмотря на авторство оригинальных капитальных книг о митрополите Иннокентии и графе Муравьеве-Амурском, в силу ряда обстоятельств оставался в тени. К сожалению, и в наше время И.П. Барсуков (1843–1906) все еще остается малоизвестным историком.

Эта статья посвящена 110-й годовщине со дня кончины Ивана Платоновича Барсукова и подготовлена на основе документов и материалов из трех центральных архивов России.

фа Муравьева-Амурского, искренне уважавший и высоко его ценивший Волконский не мог с этой несправедливостью смириться. В первую очередь он обратился к императору Александру III и получил разрешение собирать материалы в архивах высших государственных учреждений. Родственники и знакомые графа Муравьева-Амурского, его соратники – «сибиряки» и «амурцы» – поспешили сообщить о нем разнообразные данные. Амурская графиня Екатерина Николаевна передала князю все бумаги, оставшиеся после смерти мужа. Документы также передали младший брат графа Александр Николаевич, его сестра Екатерина Николаевна Моллер и его племянник граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский. Великий князь Константин Николаевич, как только узнал о предполагаемой книге, прислал князю подлинники переписки с графом, предоставив право предать ее гласности. Следует заметить, что некоторые документы князю приходилось и покупать. За несколько лет стараниями Волконского и его друзей была собрана значительная коллекция разнообразных архивных документов и материалов, посвященных Н.Н. Муравьеву.

Наряду с формированием архива князь настойчиво искал автора будущей книги прежде всего в кругу бывших муравьевских сподвижников, обладавших литературным даром. Попытки привлечь к написанию книги М.И. Венюкова, затем Б.В. Струве по разным причинам оказались безуспешными. Расширив круг поисков, М.С. Волконский, ставший товарищем министра народного просвещения, обратил внимание на малоизвестного историка Ивана Платоновича Барсукова. В 1883 году появилась его книга о святителе Иннокентии (Вениаминове) – митрополите Московском и Коломенском, в которой раскрывалось во многом неизвестное его апостольское служение. Для Барсукова книга о митрополите Иннокентии стала выполнением личного долга памяти об уникальном русском религиозном деятеле, который произвел на него сильное неизгладимое впечатление своим миссионерством в Северной Америке и на Камчатке. За книгу Императорская академия присудила автору престижную Уваровскую премию (в денежном эквиваленте 500 рублей).

По просьбе князя Волконского Н.П. Барсуков обратился к брату Ивану с серьезным и лестным предложением стать составителем биографии графа Муравьева-Амурского при этом в довольно сжатые сроки (ее выход планировался в 1889 году, к 80-летию со дня рождения графа). Каковы же были изумление князя и растерянность старшего брата при получении из Москвы отказа. В начале января 1885 года Иван Платонович в письме брату дал исчерпывающее объяснение своего решения: «Жизнь этого деятеля (Муравьева-Амурского – Н.Д.) более или менее [мне] известна, так как она тесно связана с жизнью покойного митрополита Иннокентия, и я с удовольствием взялся бы за этот труд; но служба моя и срок работы принуждают положительно отказаться. Я не понимаю, возможно ли принять труд на срок, ведь это не шить сюртук и т. п. Я люблю работать, не будь срока и при полной свободе. Наконец, у меня на руках еще издание творений Иннокентия, которые протянутся по крайней мере лет пять. Во всяком случае очень и очень тебя благодарю за столь лестное для меня предложение, от которого я по изложенным обстоятельствам с грустью должен отказаться»¹. Очевидно, главной причиной отказа являлось глубокое погружение Барсукова в мир святителя Иннокентия, желание предоставить читателям его религиозные и научные труды, которые он назвал «творениями» и над подготовкой к изданию которых углубленно работал. Категоричность отказа Барсукова, казалось, навсегда закрыла проблему.

Выбор сделан

Спустя почти три года после отказа Волконский узнал, что Барсуков завершил подготовку трехтомного сочинения произведений Иннокентия и повторно сделал ему предложение стать автором биографии Муравьева-Амурского. На этот раз Барсуков ответил согласием.

Почему князь Волконский «прикипел» к Барсукову, почему именно ему хотел передать представлявший большую ценность муравьевский архив, что привлекло его в этой малоизвестной личности? И вообще, каким человеком был Иван Платонович, какой жизненный багаж находился за его плечами?

*Михаил Сергеевич
Волконский*

Юность младшего Барсукова прошла в метаниях и скитаниях, мучительных поисках своего места в жизни. В отличие от старших братьев, окончивших кадетский корпус, Иван учился в петербургской гимназии, но, не доучившись, ушел из седьмого класса, не задержался и в артиллерийском училище, затем служил в редакции газеты, в банке, коллежским регистратором, кассиром на вокзале. Конечно, бедствовал. Но впитавший с малолетства от отца Платона Александровича Барсукова, выпускника Лицея при Московском университете, интерес к книгам, не мог без них жить. Авторские книги братьев заменили ему университетские учебники. Литературный дар, которым он был награжден от природы, постепенно укреплялся и совершенствовался. Иван Платонович не поехал к братьям в Петербург, а поселился в Москве, где женился, став семейным человеком. Когда в начале 1880-х годов он занял место помощника главного смотрителя Странноприимного дома Н.П. Шереметева (ныне институт им. Склифосовского), в его жизни появилась некоторая стабильность. Конечно, в благотворительном заведении, приюте для больных и бедных людей, для нищих и калек, каким являлся Странноприимный дом, помощник смотрителя получал скудное жалование, и большая семья едва сводила концы с концами. Некой компенсацией служило предоставление жилья и медицинского обслуживания, что для семьи, где росли шестеро детей, было весьма существенным. Братья оплачивали учебу племянников в кадетском корпусе, ежемесячно высылали семье Ивана небольшую сумму денег (20–40 рублей), хотя и сами получали за свою службу скромное вознаграждение и часто испытывали большую нужду в издании своих трудов. Иван Платонович с душевной болью как-то признался братьям: «...Я не перестаю возбуждать вас к денежной помощи. Грустно, очень грустно. Это меня мучает и мучает до слез»². Утешением для него были любимая жена Анна Михайловна и дети. Конечно же, для для Барсукова исключительно важным являлось уважительное, «любезное» отношение к нему покровителя Дома графа С.Д. Шереметева, предоставлявшего возможность семье жить летом в одном из своих многочисленных имений. Иногда Иван Платонович получал приглашения на праздники и приемы, которые граф устраивал даже в честь и с участием императора Александра III. Доброжелатель-

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

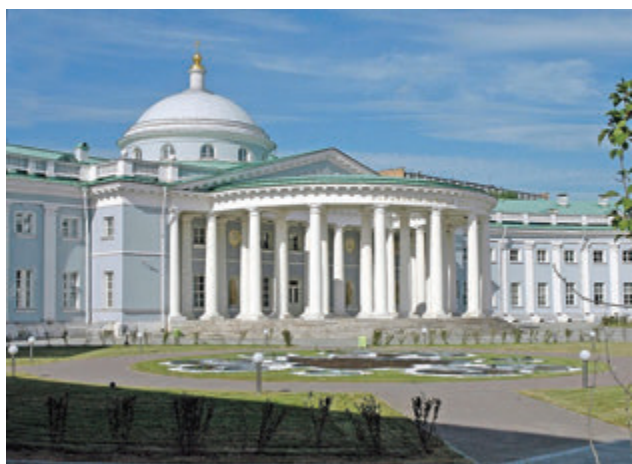
Граф Сергей Дмитриевич Шереметев

*Иван Платонович Барсуков
Публикуется впервые*

*Александр Платонович Барсуков
Публикуется впервые*

*Здание Странноприимного дома,
сейчас институт им. Склифосовского*

*Николай Платонович Барсуков. Портрет кисти художника
Н.П. Богданова-Бельского. Публикуется впервые*

ное отношение к Барсукову С.Д. Шереметева, известного в высшем свете очень богатого человека, историка, издателя памятников древней письменности, благотворителя, стало для князя Волконского лучшей рекомендацией Ивана Платоновича как человека.

Познакомившись с князем и согласовав основные параметры будущей книги, И.П. Барсуков 5 апреля 1888 года заключил с М.С. Волконским договор³. Барсуков-автор обязался на основании переданных ему Волконским-издателем извлечений из правительственных архивов, копий официальных документов, частных писем, записок и других материалов составить биографию Н.Н. Муравьева в двух томах. Первый том объемом от 25 до 30 печатных листов предполагал текст биографии, второй, объемом не более 50 листов, приложения – акты, проекты, официальная переписка и прочее. Все это следовало подготовить и сдать не позднее 4 сентября 1889 года. Окончательная редакция биографии представлялась на усмотрение издате-

ля. Автор брал на себя обязанность просмотра одной корректуры обоих томов и мог потребовать предоставления ему из типографии двух корректур каждого листа.

Особой строкой в договоре говорилось об архиве, переданном Волконским И.П. Барсукову. «Материалы, принятые мною, Барсуковым, по особым четырем отдельным описям от князя Волконского, составляя его собственность, должны быть возвращены мною в целости по окончании работы, т. е. 4 сентября 1889 года». Автор обязался никому их не передавать и не пользоваться ими для каких-либо своих статей в журналах, газетах или для отдельных сочинений. Договор определил отношения автора с издателем во время написания биографии. Барсуков обязался следовать указаниям Волконского относительно удлинения или сокращения тех или иных частей биографии. За работу автору полагалось по 50 рублей за каждый лист биографии и по 10 рублей за каждый лист приложения. Все расходы на издание М.С. Вол-

конский взял на себя. Таким образом, в отличие от книги об Иннокентии новая книга носила заказной характер. Взяв на себя обязательство создать капитальный исторический труд всего за полтора года, Барсуков осознавал, что взвалил огромную ношу. Она потребует серьезных умственных и физических усилий, поскольку работать над книгой И.П. Барсуков сможет только в свободное от службы в Странноприимном доме время.

Право автора

С самого начала, несмотря на имевшиеся договоренности, между автором и издателем возникли разногласия, носившие принципиальный характер. Как только первые главы были готовы, Барсуков отправил их М.С. Волконскому в Петербург и с умеренным оптимизмом стал ждать его реакции. Из письма князя Барсуков узнал, что первые главы рукописи он прочел «с большим интересом, читаются они легко и увлекательно». Князь сделал три частных замечания, полагая, что «можно было бы еще кое-что выпустить из нападок графа слишком желчных» на тогдашнюю администрацию Кавказа. При этом он высказал мнение, касавшееся изложения деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева. «Я разумею, – писал издатель, – что характер личного повествования должен уступить изложению проектов, мероприятий, преобразований и т. д.»⁴. В суждениях князя Иван Платонович с тревогой почувствовал непонимание им авторских представлений о будущей книге и в целом концепции биографии и ответил ему большим письмом. Вначале он поблагодарил князя за лестный отзыв о первых главах книги. «Я буду всегда рад, – утверждал он, – если Ваше Сиятельство найдет нужным исправить какие-либо встреченные Вами недостатки, неизбежные при спешном труде или сделать какие-то сокращения...». Но по поводу того, чтобы выпустить некоторые желчные нападки Муравьева на администрацию Кавказа – сделать это, по убеждению автора, «будет неудобно, ибо может послужить в ущерб характера Муравьева»⁵. «Его нападки... были вполне справедливы... вследствие поступков администрации с ним... Если же эти нападки набрасывают тень на тогдашнюю администрацию, то в этом нет никакого вреда, ибо речь идет о временах давно минувших, а ошибки прошлого могут послужить уроками для настоящего. По моему мнению, прежде всего и во всем должна быть историческая правда»⁶.

Повествование о деятельности Муравьева в Сибири по сравнению с предыдущими главами, конечно, изменится, согласился Иван Платонович, но вместе с тем твердо заявил: «Совершенно отступать от раз принятой системы, я нахожу для себя совершенно невозможным; характер личного повествования должен быть все-таки удержан как самый правдивый способ изложения...». Он доказывал, что его задача состоит в том, «чтобы правдиво очертить личность Муравьева и его заслуги государству по тем данным, какими мы только могли располагать».

В новом послании от 27 января 1889 года М.С. Волконский уклонился от обсуждения поставленных автором проблем, но сделал замечание по поводу отсутствия

в тексте авторских выводов и заключений. Так, деятельность Муравьева на Кавказе, считал он, «требовала бы общей сводки этой деятельности, а равно и объяснения некоторых черт его характера, обрисовавшихся в его письмах в слишком густых красках...»⁷. Реакция Барсукова на это замечание издателя была незамедлительной. «Муравьев, – пишет он, – при его честном характере, при возвышенно-благородных порывах сослужить государству полезную службу, весь высказывается в своих письмах со всею искренностью и неподдельностью чувств; уклоняться от тона этих писем и вдаваться в объяснение его характера – значит, по моему мнению, уклоняться от строгой объективности, какой положил я держаться в книге, предоставляя читателю самому делать непосредственные выводы, какие ему благоугодно будет». И продолжая свою мысль, отстаивая свое авторское право, Иван Платонович убежденно, категорично написал: «Если отнять у Муравьева его раздражительность, желчность, его горячность в суждениях о начальствующих лицах, от чего бы все это не зависело, – то Муравьев не будет Муравьевым. Таково мое мнение»⁸. Отвага, настойчивость, убежденность в своей правоте, с которыми И.П. Барсуков отстаивал «самый правдивый способ изложения, принятую им «систему», стали для М.С. Волконского полной неожиданностью. Ему казалось, что автор, не избалованный читательским вниманием, будет чутко прислушиваться к замечаниям и послушно следовать указаниям издателя. К счастью, выяснение спорных позиций не дошло до конфликта. Князь не стал настаивать на отказе от «личного повествования», от «системы», которую автор считал наиболее целесообразной и самой правдивой. Важно подчеркнуть, что в письмах князя, адресованных Барсукову, даже между строк нельзя обнаружить проявлений высокомерия или недоверия, которые в подобной ситуации другой издатель вполне мог бы высказать «историку из богадельни».

Свыше тысячи страниц – о Муравьеве-Амурском

Еще в апреле 1888 года И.П. Барсуков сообщил М.С. Волконскому, что он «с благословения высокопреосвященного митрополита Исидора и благословенного епископа Уфимского Дионисия приступил к занятиям по составлению биографии». При первом знакомстве с архивом Барсуков обнаружил огромный массив личных и деловых писем Муравьева, основной поток которых пришелся на сибирский период его жизни, когда переписка являлась единственным средством коммуникаций. Чем больше писем он читал, тем сильнее проникался уважением и симпатией к незаурядному человеку, к его высоким помыслам беззаветного, самоотверженного служения Отечеству. Ценно, что письма позволяли проследить, проанализировать становление Муравьева как выдающегося государственного деятеля России. Восхищаясь своим героем, Иван Платонович работал с необыкновенным усердием. Он находился в постоянной переписке с князем, который по его запросам направлял дополнительные копии документов: послужной список графа, послужной список его отца Николая Назарьевича Мура-

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

вьева и другие. Творческий настрой всемерно поддерживали братья, снабжавшие необходимой литературой, а им Иван Платонович сообщал об этапах написания биографии. Так он писал: «...Бьюсь как рыба об лед. Жду не дождусь доехать до Сибири, авось тогда пойдет полегче, т. е. материала будет больше. В настоящее время я окончил турецкую кампанию и приступаю к польской...»⁹

Порой отношения с Волконским становились неровными, нередко обостренными. Вынужденный спешить, Иван Платонович нервничал, сердился, энтузиазм, с которым он приступил к написанию книги, покидал его. Об этом свидетельствует следующее письмо братьям, в котором он с горечью писал: «Моя рукопись гуляет по всему Петербургу... Вся масса людей читает мою рукопись, каждый дает замечания. Князь пишет официальные письма. Так он пишет: «Последние тетради еще интереснее первых, но не могу не сказать, что чем дальше Муравьев становится государственным деятелем, тем ощутимее становится и недостаток конкретного объективного изложения». Вот и расхлебывай последние слова»¹⁰. В состоянии нервного срыва Барсуков написал князю, что лучше он писать не может, да ему и некогда, поскольку он каждый день на службе в Странноприимном доме, что книгу он пишет вечерами и ночами. Тем не менее последняя глава книги была закончена 21 августа 1889 года, немного раньше оговоренного срока. Однако Волконский не спешил с публикацией рукописи. В письме братьям Иван Платонович описал встречу в Москве с князем, который «о Муравьеве говорил очень неопределенно» и сообщил им свое важное решение: «Я усиленно принялся за пересмотр всего сочинения и когда кончу, то запакую и отложу в сторону и примусь снова за Иннокентия»¹¹. (Он решил подготовить к публикации еще и письма Иннокентия). Через месяц Барсуков, находившийся в отпуске, пишет старшему брату: «Я до такой степени углубился в своего Муравьева, что даже забыл числа, поэтому прости, что так долго не отвечал тебе... У меня теперь переписывают Муравьева три писца»¹².

В первых числах июня 1890 года Иван Платонович по приглашению князя приехал в Петербург для окончательной шлифовки текста рукописи. «У князя Волконского я каждый день, – сообщал он жене Анне Михайловне, – не исключая и воскресных дней утром от 9 часов и до одного часа пополудни. Занимаемся с ним очень усердно, и он, по видимому, очень доволен моим трудом, но все-таки делает различные добавления. Завтракаю у него каждый день и изредка обедаю...»¹³ По словам Барсукова, свой труд он «окончил вторично» 29 июня 1890 года. Он составил свыше тысячи страниц. Настроение поднимали «любезные письма» Волконского, в которых он благодарил автора за его труд, при этом подчеркивал, что в печатном виде он чрезвычайно выигрывает и полон интереса. Князь обещал все сделать для сохранения цельности книги. Для печатания он выбрал Синодальную типографию в Москве.

На суд истории

Книга И.П. Барсукова «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский» в двух томах вышла в свет в марте 1891 года. Автор назвал свой труд «громадным». Действительно, первая кни-

га (биография Муравьева-Амурского) насчитывала 700 страниц, вторая (приложения) – более 300. Текст биографии разбит на 77 глав, обозначенных соответствующими годами, и каждая глава имела краткий перечень ее содержания. Понимая высокую источниковедческую ценность писем Муравьева, достоинство которых, по словам Барсукова, заключалось «в их подлинности, непосредственном отражении прошедшего», автор наполнил ими текст биографии. В книге приведено более 50 писем Муравьева любимому брату Валериану Николаевичу, которые носили откровенный, иногда исповедальный характер и раскрывали его мировоззрение, душевное состояние, отношения с людьми и т. д.

Приведенные в книге более 60 муравьевских писем двоюродному брату и ближайшему соратнику М.С. Корсакову, помогали вникнуть в особенности функционирования генерал-губернаторской власти, в ее взаимоотношения со столичными ведомствами, узнать о «тычках и подножках», которые часто возникали на пути Муравьева. Включенная в биографию переписка с великим князем Константином Николаевичем, с министром внутренних дел Л.А. Перовским, с министрами раскрывала целеустремленную энергичную деятельность восточно-сибирского генерал-губернатора, направленную на решение пограничного вопроса с Китаем, а также социально-экономических проблем огромного сибирского края. Благодаря удачно подобранным и искусно скомпонованным письмам повествование в книге нередко велось словами самого Н.Н. Муравьева, что придавало ему автобиографический характер.

Завершая биографию, Барсуков написал: «Скажем одно: всякий беспристрастный читатель сумеет оценить по достоинству Муравьева, а праведный суд истории произнесет над ним свой окончательный приговор»¹⁴.

Вторая книга представляла собой продолжение биографии графа, достоверное документальное подтверждение его масштабной деятельности. В ней 160 муравьевских документов, извлеченных из дел Комитета министров, министерств и ведомств. Треть посвящена установлению российской государственности в Примурье и на Тихоокеанском побережье, взаимоотношениям с Дайцинской империей. Об интенсивной работе Муравьева над решением Амурского вопроса свидетельствовали отчеты, рапорты и записки на имя императоров Николая I и Александра II (около 10), переписка с министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым (20 документов), с директором Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским (24 документа), несколько писем в Трибунал Внешних Сношений Китая (министерство иностранных дел Дайцинской империи). Барсуков посчитал целесообразным привести в книге текст Айгунского договора России с Китаем (с. 168–169), заключение которого стало поистине звездным часом жизни Н.Н. Муравьева.

Естественно, что первые отзывы о своей книге автор получил от братьев. «Ты уже чересчур возвеличил мой труд, назвав его «замечательным»¹⁵, – написал он Николаю Платоновичу. «Твоя биография достигает... высшего интереса со времени назначения Муравьева генерал-гу-

бернатором Восточной Сибири», – прочитал автор в развернутой рецензии брата Александра. – «Главы о сибирской службе Муравьева, по моему мнению, составляют веский вклад в нашу историческую литературу. Мастерская группировка важных писем, искусное изложение всего хода Амурского дела, всех перипетий его, привели меня в восторг, и я от всего сердца поздравляю тебя с успехом»¹⁶. Деятельность Н.Н. Муравьева в Восточной Сибири Александр Платонович сравнил с деятельностью Петра I: «Но особенно хорош Муравьев в беспредельной пустыне Амурской! Чего-чего не натворил он там в какие-нибудь десять лет! В своих распоряжениях о сплавах, заселениях он точь-в-точь Петр Великий... Несомненно, Петр Великий был идеалом Муравьева. Недаром же он назвал его именем отдаленный залив Японского моря».

Не раз Ивану Платоновичу довелось слышать хорошие, даже хвалебные устные отзывы о книге. «Я до настоящего времени не могу жаловаться на своих рецензентов: они меня милуют», – писал он братьям. По горячим следам рецензии на книгу опубликовали «Биржевая газета», газеты «Новости» и «Гражданин», журнал «Вестник Европы» и другие. Одни авторы считали, что книга вышла к десятилетию кончины графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Другие указывали на счастливое совпадение появления книги с путешествием наследника цесаревича Николая Александровича по обширному Амурскому краю, приобретение которого для России составляло незабвенную заслугу графа. Третьи ссылались на новые проекты о продолжении строительства Сибирской железной дороги, идею которого одним из первых выдвинул Муравьев. Во всех отзывах содержалась характеристика Муравьева-Амурского как прозорливого государственного деятеля и необыкновенной личности. В «Вестнике Европы» было подчеркнуто, что государственные способности и характер графа Муравьева, по независимым от него обстоятельствам, более пошли на борьбу часто бесплодную, с препятствиями, нежели на самое дело. Несмотря на это, имя Н.Н. Муравьева-Амурского будет всегда произноситься с вполне заслуженным им уважением, особенно благодаря труду Барсукова, посвященному его памяти. К сожалению, рецензенты в большинстве своем проигнорировали заслуги автора в воссоздании объемного портрета графа Амурского и явно поспешили на добрые слова в его адрес. По мнению же Барсукова, рецензии «более или менее одинаковы, вследствие их скороспелости». «Господа рецензенты читали книгу поверхностно, на главные факты они не потрудились обратить особое внимание. Во всяком случае, спасибо им и за это; по крайней мере, не бранятся»,¹⁷ – великодушно заметил он.

На инициированном М.С. Волконским заседании Ученого комитета министерств народного просвещения отзыв о книге представил профессор С.Ф. Платонов, который считал, что монография интересна и назидательна. В ней главное внимание обращено на процесс освоения и закрепления за Россией реки Амур, который изложен с «чрезвычайной обстоятельностью, преступающею рамки простого жизнеописания». «Удачное и обстоятельное описание присоединения Приамурья, – по мнению профессора, – составляет главную заслугу автора перед нашей исторической наукой, которая в успехах государ-

Титул книги И.П. Барсукова
«Граф Н.Н. Муравьев-Амурский»

венной и народной колонизации видит один из важнейших процессов нашей истории».

К удачам автора профессор отнес и стиль изложения книги – спокойный, проникнутый эпическим ровным отношением к лицам и событиям. И вывод: труд господина И.П. Барсукова – хорошее приобретение нашей исторической литературы. Ученый комитет министерства рекомендовал книгу «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский» для фундаментальных и учебных библиотек средних учебных заведений¹⁸.

Безусловно, этот исторический труд привлек общественное внимание к выдающейся личности и крупным государственным заслугам графа Муравьева-Амурского, явился достойным пополнением книжного фонда российской исторической науки. И еще высветил имя талантливой личности русского историка Ивана Платоновича Барсукова.

В благодарность за книгу, которая превзошла все ожидания издателя и получилась интересной, цельной и убедительной, Волконский представил автора к правительственной награде. В августе 1891 года появился царский указ о награждении И.П. Барсукова орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени. Это стало одним из немногих счастливых, возвышенных моментов в суровой, полной лишений жизни Барсукова, знаком высокого признания его как русского историка.

А высшей наградой для Волконского стала благодарность графини Е.Н. Муравьевой-Амурской. В одном из писем князю она написала: «Как же выразить Вам, дорогой Мишель, мою признательность за все то, что Вы делаете и сделали в память о моем дорогом покойном. Только такое сердце, как у Вас, было бы способно заняться этим делом и довести его до конца. Любой другой отказался бы от этого и не вынес бы всех трудностей, которые Вы испытали»¹⁹.

В заключение необходимо подчеркнуть, что написанная в конце XIX века с явным пиететом Муравьеву-Амурскому и одновременно правдиво и добросовестно книга И.П. Барсукова, несмотря на наличие некоторых архаиз-

Имение в селе Ярилино Калязинского уезда Тверской губернии, в котором И.П. Барсуков провел последние годы жизни.

Рисунок архитектора Ивана Машкова с дарственной надписью.

Публикуется впервые

сына Михаила, последний взгляд Иван Платонович обратил к книжной полке, где стояли его девять книг, посвященных любимым святителю Иннокентию и графу Муравьеву-Амурскому, а также многочисленные тома братьев – Николая Платоновича и Александра Платоновича.

Для историко-литературного общества кончина Барсукова оказалась незамеченной. В год десятилетия со дня смерти отца Михаил Иванович опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью «Памяти

Ивана Платоновича Барсукова»²⁰. Он причислил его к «скромным труженикам, которые, не открывая широких горизонтов, шаг за шагом расчищали дорогу великим творцам научной мысли». Такими творцами являлись корифеи отечественной истории С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, достойным современником которых и стал историк Барсуков – один из участников настоящего подъема российской историографии. Книги И.П. Барсукова и в XXI веке сохраняют научную и источниковедческую ценность и служат основой национальной памяти россиян о крупнейшем религиозном деятеле митрополите Иннокентии и выдающемся государственнике, патриоте графе Н.Н. Муравьеве-Амурском.

ИСТОЧНИКИ

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.87. Оп.1. Д.73. Л.69.

² РГАЛИ. Ф.87. Оп.1. Д.76. Л.143

³ Рукописный отдел Государственной Российской библиотеки (РО РГБ)Ф.18.К.9Д.9Л.1–2.

⁴ РГАЛИ.Ф.87.Оп.1.Д.74.Л.121

⁵ Там же

⁶ Там же. Л.122об

⁷ Там же. Л.175

⁸ Там же. Л.178

⁹ Там же. Л. 532

¹⁰ Там же. Д.75.Л.340

¹¹ Там же. Д.75.Л.701 об

¹² Там же. Л. 715

¹³ РОГРБ.Ф.18.Ф.18.К.20.Д.4.Л1

¹⁴ Барсуков И.П. Граф Н.Н.Муравьев-Амурский. Кн.1. М. 1891. – С. 643

¹⁵ РГАЛИ. Ф.87. Оп.1. Д.76. Л.165.

¹⁶ РО РГБ. Ф.18. Кн.19. Д.2. Л.43–44.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1146. Оп.1. Д.197. Л.9

¹⁸ РО РГБ. Ф.18, к.17, Д.12. Л.1–2.

¹⁹ ГАРФ. Ф.1146. ОП.1. Д.686. Л.1 об.

²⁰ Исторический вестник. 1916. V. С.479–482.

Здание бывшего Ксенинского института благородных девиц. Санкт-Петербург. Фото Елены Глебовой

мов, и ныне служит образцом издания историко-биографического жанра.

Почти эпилог

Последние девять лет жизни Барсуков служил главным секретарем и казначеем петербургского Ксенинского института благородных девиц – закрытого учебно-воспитательного заведения для дворянских дочерей. Здоровье его с каждым годом ухудшалось, а служба все более и более тяготила. Выслужив небольшую пенсию, он в 1904 году поселился в маленьком родовом имении жены Анны Михайловны – в селе Ярилино Калязинского уезда Тверской губернии. Наконец-то свершилась его давнишняя мечта – жить в деревенской тиши, наслаждаясь природой. К сожалению, счастье было недолгим. Уже 14 апреля 1906 года в окружении жены и детей И.П. Барсуков в возрасте 65 лет «ушел в лучший мир». По свидетельству

Где родился Ерофей Хабаров

Сергей КРАСНОШТАНОВ

Этот вопрос возникает, когда заходит речь о великом землепроходце, чье имя носит один из самых крупных дальневосточных городов. В 2008 году в Хабаровске Приамурским географическим обществом издана книга Георгия Борисовича Красноштанова «Ерофей Павлович Хабаров (документальное повествование)», в которой содержится ответ на этот вопрос.

Автор, занимавшийся поиском материалов не один год, отмечает, что в архивных документах Ерофея Хабарова нередко называют устюжанином. Сам он так и пишет в челобитной царю: «Сирота Ваша государева, устюжанин, промышленный человек Ярофейка Павлов». В других источниках говорится, что он уроженец Сольвычегодского уезда. Устюг Великий и Соль Вычегодская были тогда главными городами двух отдельных уездов.

М.И. Белов, много времени посвятивший поиску места рождения первопроходца, пришел к выводу, что родина Ерофея Хабарова – деревня Дмитриево на берегу реки Сухоны. Она и поныне существует в составе Нюксенского района Вологодской области. Георгий Красноштанов показал, в чем ошибка М.И. Белова. Дело в том, что три деревни с названием Дмитриево располагались недалеко друг от друга. Когда Ерофей Павлович был на Таймыре и Енисее, а затем в Мангазее, много раз в документах он упоминался со второй фамилией – Святицкий. Некоторые авторы считали, что такая фамилия свидетельствует о набожности Хабарова, Георгий Красноштанов пишет, что на самом деле название Святицкий имеет прямое отношение к месту рождения первопроходца. Можно определенно утверждать: родился Ерофей Хабаров в деревне Святица, недалеко от деревни Дмитриево на Двине в Вотложемской волости Устюжского уезда, а не на реке Сухове.

Деревня Святица не сохранилась, ее смыло наводнением еще до 1626 года. После этого Ерофей и Никифор Хабаровы переселились в деревню Выставок Ленивцев Сольвычегодского уезда. В 2010 году в «Вестнике Приамурского историко-родоведческого общества» за № 4 опубликована статья Г.Б. Красноштанова «В поисках родины Ерофея Хабарова». Автор пишет, что во время работы с фондом Центрального госархива древних актов ему посчастливилось найти более надежные документы, из которых видно, кем был, где родился и вырос Ерофей Хабаров. Эти документы приводятся в статье.

В самой ранней сохранившейся книге Устюга Велико-го за 1626 год есть важная запись: «Пустошь, что была деревня Святица на реке на Двине. А дворы и треть ее поль сметало рекою Двиною». Указано, что пашут ее крестьяне из ближайших деревень, а из деревни Дмитриево пашет Меншичко Хабаров. Выше приводятся сведения о деревне

Дмитриево на Двине, где находится двор Микитки Меншикова Хабарова. Георгий Красноштанов отмечает, что здесь записан неизвестный ранее, видимо, родной старший брат Ерофея Хабарова. Сохранился и такой любопытный документ, как купчая, в которой называется отчество отца Ерофея Хабарова – Павел Иванов сын Хабаров. В книге «Ерофей Павлович Хабаров» высказывается предположение, что Меншичко Хабаров и есть Павел Хабаров. Теперь оно подтверждено документально. В писцовой книге от 12 сентября 1647 года записано: «Деревня Выставка Ленивцев, а в ней двор крестьянина Ярофея Павлова сына по прозвищу Хабаров». «В это время Ярофей и его брат Никифор были на реке Лене, – комментирует Г. Красноштанов, – а продолжали числиться в Усольском уезде».

В 2006 году кандидат исторических наук, доцент Котласского филиала Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций Сергей Александрович Гладкий, ознакомившись с историческими материалами фонда Центрального госархива древних актов, предоставленными ему Г.Б. Красноштановым, через год организовал историко-краеведческую экспедицию по поиску точного местонахождения бывшей деревни Святица. В научном отчете экспедиции утверждается, что расположение бывшей деревни Святица на территории современного Котласского района не вызывает сомнений. Елена Крюкова в газете «Двинская правда» от 29 января 2010 года опубликовала статью под названием «Дом Ерофея Хабарова стоял на Красной горке». Автор статьи излагает сведения, которые сообщил ей С.А. Гладких.

Поселение Святица находилось в юго-восточной части современного Вотложемского луга. После затопления семья Хабаровых переехала в небольшую деревню Выставок Ленивцев, стоявшую неподалеку от деревни Курцево и со временем вошедшую в ее состав. Старожилы до сих пор называют южную часть Курцево «Ленивицей». По словам С.А. Гладких, перед историками стояла задача наиболее точно определить место, где находился дом Ерофея Павловича. Оно описано в купчей его отца на деревню Выставок Ленивцев, и там достаточно точно указаны границы участка, который принадлежал семье Хабаровых.

В декабре 2009 года С.А. Гладких вместе с помогавшей ему в поисках коренной жительницей Курцево Екатериной Александровной Хабаровой сравнили старинные карты из архива Курцевской опытной станции с результатами опроса старожилов. В итоге удалось достаточно точно установить, где располагалась усадьба Хабарова. Речь идет о западной части Курцево – месте, которое здешнее население именует Красной горкой. Деревня Курцево находится в Котласском районе Архангельской области.

Статья журналиста Елены Крюковой завершается пожеланием увековечить память о землепроходце, потому что из всех выдающихся личностей, родившихся на территории современного Котласского района, Ерофей Павлович величина номер один.

Мозаика земли

Размышления В.П. Крымова по пути в эмиграцию

Татьяна КИРПИЧЕНКО

Владимир Пименович Крымов

Книга В.П. Крымова «Богомолы в коробочке» появилась в Хабаровской научной библиотеке в 1940 году. В 1944 году из старого здания, в котором библиотека располагалась с дореволюционных времен, вместе со всем книжным фондом она переехала в нынешнее помещение и попала в отдел краеведческой литературы, в фонд ее ценных и редких изданий. Чем же привлекла внимание эта невзрачная, в грубоватом, явно «неродном» переплете, напечатанная на плохой желтой бумаге книга? Как попала в Хабаровск изданная в 1921 году в Берлине книга русского эмигранта? Этого мы, наверно, никогда не узнаем. Можно только сказать, что принесли ее, видимо, из чьей-то личной библиотеки, поскольку штампов других библиотек на ней нет. Нет и экслибриса или владельческой подписи.

Автор книги Владимир Пименович Крымов не был популярным писателем в России, но зато знаменит был как коммерсант и успешный издатель. Родился он в 1878 году в городе Динабурге тогдашней Витебской губернии (ныне это Даугавпилс в Латвии), жил без отца в среде ста-

И без всякого притягивания за хвост, без какого-либо писательского манерничанья и натяжки, у меня в голове все время параллель между историей человечества и поведением богомолов...

В.П. Крымов

роверческой родни, не баловавшей мальчика любовью и лаской. «Меня окружала в детстве среда, где стремились к накоплению, – вспоминал позже В. Крымов, – все заботились об увеличении своего состояния, хотя бы и мизерного; лично у меня в моей семье, где была только моя мать-вдова и я – единственный сын-мальчишка, мы думали не о накоплении, а как бы кое-как дотянуть на том, что есть, однако, видимо, преобладающее настроение окружающих влияло на мои детские сны...»

Детство, прожитое в бедности, наложило отпечаток на всю последующую жизнь. Учась в реальном училище, а затем в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, Владимир Крымов стремился к знаниям с большим рвением, но сельским трудом никогда не занимался. «Так как я хотел стать богатым, то окончивши с отличием высшее агрономическое учебное заведение, сразу и навсегда решил никогда не заниматься сельским хозяйством», – писал он позднее. Еще учась в академии, начал печатать в московских газетах статьи и заметки, в том числе о Всемирной выставке в Париже 1900 года. Пробовал проявить свои склонности на разных поприщах, занимался коммерцией, где весьма преуспел, но нашел себя в журналистике. Перебравшись в Петербург, работал у издателя Суворина в «Новом времени» коммерческим директором. Как преуспевающий журналист стал появляться в высшем свете, получил доступ в салоны петербургской аристократии и даже был знаком с членами царской фамилии. С помощью этих связей ему удалось наладить собственное дело, которое принесло деньги и славу.

Крымов стал издавать глянцевоый, на дорогой мелованной бумаге журнал «Столица и усадьба», на страницах которого не было никакой политики и чернухи, а лишь блестящая великосветская жизнь и роскошные иллюстрации. Журнал имел оглушительный успех и быстро раскупался, но в 1917 году его звезда закатилась. Срочно переведя весь свой капитал в Швецию, В.П. Крымов с женой выехал из России. В первом классе сибирского экспресса пересек всю Сибирь и через Японию отправился в кругосветное путешествие. Жена М.А. Булгакова Л.Е. Белозерская в своих мемуарах «О, мед воспоминаний» писала о Крымове: «Из России уехал, как только запахло революцией, «когда рябчик в ресторане стал стоить вместо сорока копеек – шестьдесят, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно», – его собственные слова. Будучи богатым человеком, почти в каждом европейском государстве приобретал недвижимую собственность, вплоть до Гонолулу».

Побывал в Корее, Японии, США, Марокко, на Гавайях, в Китае, на Цейлоне, в Порт-Саиде, а с февраля 1918 года поселился с семьей в Берлине. Здесь же в 1921 году вышла книга об этом путешествии «Богомолы в коробочке». К этому времени Крымов был уже автором нескольких художественных книг, которые с удоволь-

ствием раскупались читателями, но никак не принимались писателями и литературными критиками. Каждую новую книгу Крымова они встречали в штыки, хотя и признавали в нем талант. Тем не менее в 1933 году, когда в Берлине увидела свет его трилогия «За миллионами», имя писателя стояло на втором месте по количеству выданных книг в парижской Тургеневской библиотеке, оставив далеко позади себя и Бунина, и Куприна, и Чехова. Важно еще отметить, что все написанное Крымовым он издавал за свой счет. Прозаик Василий Яновский признавался: «Крымов был несомненно талантливым литератором, с культурой языка. Но беда в том, что купцом он оказался гениальным, и это действовало на нас, искривля перспективу».

Книга «Богомолы в коробочке» была встречена литературным сообществом более благосклонно, возможно потому, что это было не художественное произведение, а размышления автора об увиденном в экзотических для европейцев странах. Современники писали: «Книга, которую читаешь с неослабевающим интересом. Один за другим следуют очерки путевых впечатлений, которые пришлось сделать автору за два года его странствий по Дальнему Востоку, Тихому океану и Америке. Очерки эти написаны ярко... получается красочная «мозаика земли». Главное достоинство этой книги в том, что она оставляет у читателя бодрое настроение: как разнообразна наша земля и как часто мы склонны в наивном самомнении преувеличивать нашу европейскую жизнь» (Яценко А. Русская книга (Берлин), 1921, № 5).

«Богомолы в коробочке» – это не классическое стройное описание путешествия в форме дневника. Крымов искал новые литературные формы. В предисловии к книге он сообщал, что перемешал всевозможные пустяки и путевые байки с серьезными раздумьями на разные темы без всякого порядка, что является обычным стилем автора, от которого он не собирается отходить при написании своей очередной книги. «Богомолы в коробочке» открываются главой «Корея. Сахалин». Описывая остров, автор отмечает, что японцы, получив Сахалин после победы в Русско-японской войне, очень актив-

но стали его осваивать. «Образовано 160 новых поселков. Строятся дороги. Из страны ужаса, русской каторги, скоро будет культурный край, несмотря на трудные климатические условия». Сахалину и Японии автор посвятил много страниц своей книги. Здесь и размышления о том, чего лишилась Россия с потерей Сахалина, и история взаимоотношений Японии с другими государствами в XIX веке, и бытовые зарисовки, и элементы этнографических описаний, и оригинальные рассуждения о своеобразии японского искусства. Восхищаясь японской деревянной гравюрой, он как-то иронично пишет о скудости сюжетов местной живописи.

«Долго я ходил кругом и около японских картин. Смотрел их и прямо и вкось, и днем и вечером, и в одном настроении и в другом – и не мог постигнуть японской красоты. Изломанные фигуры, искаженные лица, однообразные надоевшие сюжеты: ландшафт, Будда, японка перед зеркалом, японка любитесь вишневыми цветами, группа японок любитесь цветами сливы, просто группа японок; японки любятются ирисами, ландшафт с Фуджи и ландшафт без Фуджи, опять ландшафт и ландшафт, опять Будда сидит в лотосе или на павлине, или опять павлин; самураи с искаженными лицами, аисты в тростнике и просто один тростник, японские собачки, ирисы, пионы, цветущие вишни и сливы отдель-

но, азалии и камелии, боги с тигром, просто боги и просто тигр. Трактуют однообразно, скучно, непонятно для европейского глаза».

Также непривычны для европейца были иероглифы. Они вызывают у автора полное неприятие и раздражение. «Когда я стал знакомиться с иероглифами, они сразу показались мне величайшим абсурдом, но я боялся сказать это. Ведь тысячи лет люди сидели над ними, всю свою китайскую премудрость вложили в них. Может быть, я просто не постигаю глубины премудрости. Но чем больше я изучал эту абракадабру, тем все больше чувствовал в себе решимость отбросить всякое почтение к ней. Бред сумасшедшего». Как ни пытался автор найти логику в написании тех или иных иероглифов, ему это не удалось. Чтобы постичь красоту и мудрость китайской письменности, считает автор, нужно быть китайцем или потратить на это долгие годы.

В 68 главах книги Крымов излагает впечатления о Гавайских островах, американских гостиницах, американской литературе и американских журналах в сравнении с европейскими. Путешествуя по странам Восточной Азии поражается иному мировоззрению и иным, чем у европейцев, нравам в Индокитае, Сиаме, Камбодже, на Цейлоне...

В главе «Всеобщая история» и богомолы» мы находим объяснение и необычному названию книги В. Кры-

В.П. Крымов со своей женой Б.В. Ловяновой. Шату, 1962. Фото К.Д. Померанцева

мова. Он пишет: «У меня было семь богомол. В течение дня пятерых съели их же товарищи. Ели они друг друга не с голоду, потому что туда же было посажено несколько бабочек, кузнечиков и два черных таракана. Этим беззащитным насекомым богомолы пооткусывали головы и поотгрызли по куску туловища – дальше есть не хотелось. Друг друга ели явно из любви к искусству.

Когда осталось два богомола, самых больших, они в течение двух недель ничего не ели, а сидели в угрожающих позах, в противоположных углах коробки и ждали момента, когда можно схватить другого. Несколько раз схватывались, но неудачно, оба начинали грызть друг друга одновременно. Один грыз горло, а другой в то же время выгрызал этому дырку в боку. В конце второй недели один из богомол обессилел от голода больше другого и тогда этот накинулся на него ночью, в темноте, мертвой хваткой и перегрыз его на две половины. Сам он к тому времени был тоже настолько истощен и изранен, что издох через несколько дней, пооткусывавши головы десятку кузнечиков... Паршивое насекомое...

В то время, когда богомолы сидели в коробке, я читал «Всеобщую историю». И без всякого притягивания за хвост, без какого-либо писательского манерничанья и натяжки, у меня в голове все время параллель между историей человечества и поведением богомол. ...».

Немало страниц книги В. Крымова занимают размышления о России,

о революционных событиях, о тех последствиях, которые ждут Россию в будущем.

«Пока мы богомолы в коробочке – это ужасно, страшно, жалкое человечество, но это так. И строя новую Россию, надо это помнить.

Разве в Западной Европе много людей, которые болеют душой о благоденствии России. Так много пишут, так горячо интересуются сейчас Россией, хотя мира и довольства в ней – это потому, что любят нас? Болеют душой за нас? Разумеется, нет. Хотят получить долги, хотят русского хлеба и сырья, хотят опять концессий, хотят заработать деньги на торговле с нами и беспокоятся, чтобы другой не занял места. Будем называть вещи своими именами – тогда вернее, меньше ошибок. А главное, боятся за себя, за свой пирог, который нельзя спокойно кушать, пока у нас вулкан. И те, у кого всегда был самый вкусный пирог – скажем, у Англии – разве пожелают поделиться с нами когда-нибудь поровну? Да разве мы и имеем право на те богатства культуры, которые накоплены тут их отцами, дедами и прадедами».

Революционные события в России он называл чистой, которая выметет все лишнее, освободив место для нового, более чистого, более высокого по духу, которое даст возможность рождения новой культуры.

«Культурная Россия» – есть девиз, который должен объединить всех, для кого вообще существуют девизы. Так хотелось бы вместо это-

го сказать – «культурная Европа», «все люди – братья». Но рядом, там, в углу коробочки, сидит брат-богомол и ждет и, выбравши удобный момент, бросится и перекусит пополам. И чтобы он не бросился, есть пока одно только средство: быть таким же сильным, как он, или сильнее его».

До самой смерти Владимира Крымова в феврале 1968 года его вилла в Шату, куда он перебрался после прихода к власти нацистов в Германии, была одним из самых своеобразных центров русской эмиграции. Этот дом в предместье Парижа, который принадлежал когда-то знаменитой шпионке Мата Хари, а потом не менее знаменитому актеру Макс Линдеру, встречал аристократов, писателей, философов, издателей, художников. Хозяин его всегда был приветлив, щедро кормил гостей, и часто кто-то из неустроенных эмигрантов жил на его вилле. При этом он никогда никому не давал денег ни на какие разорительные эмигрантские проекты. Это многих раздражало, и о хлебосольном хозяине за глаза отзывались недобро.

В. Крымов послужил прототипом богатого и азартного циника Парамона Ильича Корзухина – героя пьесы М. Булгакова «Бег». Однако Л.Е. Белозерская в своих мемуарах писала: «...прототип булгаковского Корзухина был совсем не плохой человек, отнюдь не зациклившийся на процессе делания денег и не лишенный литературных способностей... Вероятно, Булгаков чувствовал, что его самого в эмиграции ждала бы скорее судьба не миллионера Крымова, а Голубкова, Хлудова... и к богатым, ассоциировавшимся прежде всего с хамоватыми советскими нэпманами, питал стойкую неприязнь, вылившуюся в карикатурный образ Корзухина».

В наши дни вновь возник интерес к творчеству и личности писателя, журналиста и коммерсанта В.П. Крымова. На просторах интернета ценители его произведений и жизненной позиции объединились в организационный комитет по подготовке полного интерактивного собрания сочинений В.П. Крымова, создан специальный блог и планируется издание традиционной печатной версии его сочинений в 16 томах. Руководит проектом А.С. Сумароков.

Колымские сезоны

«Лагерное прошлое» магаданской сцены

Елена ГЛЕБОВА

В магаданском издательстве «Кордис» к 75-летию Магаданского музыкального и драматического театра вышла книга Владимира Левиновского «Десять театральных сезонов на Колыме». Собирая на протяжении многих лет бесценную фактуру, изучая архивные материалы и печатные источники, автор создал образ уникального театра, соединившего в себе два жанра. Но самое главное, восстановил многие важные страницы его истории, в свое время тщательно скрывааемые, а сегодня, к сожалению, почти забытые.

Режиссер Владимир Яковлевич Левиновский приехал в Магадан в 1965 году по направлению Всесоюзного театрального общества, посетив перед этим Владивосток и Хабаровск. На него возложили особую миссию – пропагандировать творческий метод Г.А. Товстоногова после двухлетней стажировки в БДТ имени М. Горького под непосредственным руководством этого мастера. Пребывание в Колымском крае планировалось коротким, ничто не предвещало перемен в судьбе, но в итоге Левиновского задержали на постановку «Королевы красоты», а потом и вовсе предложили возгла-

Владимир Мягков с сыном Владимиром и Владимир Левиновский у входа в театр. 1967

Здание ДК, в котором началась театральная история Колымы

вить Магаданский музыкально-драматический театр. Рискнул и в итоге задержался здесь на десять театраль-ных сезонов.

Так случилось, что с самого начала В.Я. Левиновский стал изучать театральную историю Крайнего Северо-Востока, старался отыскать недостающие фрагменты, записывал воспоминания, чтобы потом, спустя десятилетия, соединить все это в объемную и честную картину. Не исключено, что одной из причин кропотливого исследования послужила история университетского учителя Владимира Левиновского – Юлиана Григорьевича Оксмана. В 1949 году Левиновский оказался в семинаре этого известного пушкиниста и знал, что еще совсем недавно тот был колымским ээком. Десять лет лагерей «за попытки срыва юбилея Пушкина путем торможения работы над юбилейным собранием сочинений», где Оксман работал банщиком, бондарем, сапожником, сторожем, бракером, а потом отпущен на волю с запретом жить в крупных городах. Так ученый и оказался в Саратове.

«Изучая историю «моего» театра, упоминаемого в документах в качестве предприятия государственной структуры – треста «Дальстрой», я открыл для себя картину, как говорят одесситы, «достойную кисти Айвазовского», – пишет Владимир Яковлевич. – Об этом театре мало что было известно в театральном сообществе СССР. Уж очень далеко находился этот Магадан, да и на слуху было другое слово – Колыма, с тревожным оттенком значения. Главным моим открытием стал уникальный для театральной России музыкально-драматический профиль театра, опыт утверждения союза Музыка и Драмы».

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Для автора принципиальным было уточнить дату основания театра, которой всегда считалось 7 ноября 1938 года – день премьеры спектакля «Любовь Яровая». Но ведь история театрального Маглага начала складываться еще за пять лет до этого. В феврале 1932 года на пароходе «Сахалин» в числе дальстроевцев на магаданскую землю прибыл театральный режиссер Георгий Шнабель. Он привез «рекомендованную» к постановке пьесу «Утопия» и стал первым руководителем театрального коллектива клуба Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛа). Как остроумно подмечает автор книги, «само появление режиссера на берегу бухты Нагаева выглядело утопией, предвещавшей «необычную форму» театрального ренессанса на пространстве Колымы, куда советская власть в ее укоренившемся виде еще не совсем проникла». Тем же пароходом прибыл первый руководитель Дальстроя Э.П. Берзин. Когда-то он окончил Берлинское королевское художественное училище, а потому был убежден, что освоить и социализировать такое огромное пространство, как Колымский край, невозможно без развитой сети учреждений культуры. Нынче Берзин выступал посланником Сталина, но, как отмечает В.Я. Левиновский, «он ошибся – не угадал замыслов «чудесного грузина», предназначавшего эту территорию для всесоюзного концентрационного лагеря, используя опыт строительства Беломоро-Балтийского канала для добычи драгоценных металлов». Прошло совсем немного времени, и Берзин был расстрелян. Но первый кирпичик в основание театра все же заложили.

«Возникновение театра на Колыме – событие естественное для русской культуры, – размышляет Левиновский. – Но способ его создания был противоестественным. Его «художественное» руководство находилось за... кремлевской стеной. Там формировалась «труппа» будущего театра. Сначала к берегам бухты Нагаева причалили баржи, заполненные новыми обитателями ГУЛАГа. Затем возникли «культбригады» – прообраз будущего театра за колючей проволокой. Искусство зеков – известных мастеров советского театра – невозможно было удержать в границах Маглага, их спектакли стали вывозить за пределы «зоны доступа». Затем к лагерному театру присоединились «вольнонаемные» творческие работники. Последнее привело к основанию внелагерного Музыкально-драматического театра имени М. Горького весной 1938 года».

Афиша первого «лагерного театра» поражает широтой драматургического размаха – от совсем свежих, написанных в 1930-х годах «Утопии» А. Штейна, «Платона Кречета» А. Корнейчука, «Дальней дороги» А. Арбузова, до классических «Талантов и поклонников» и «Женитьбы Бальзамина» А.Н. Островского, «Горя от ума» А.С. Грибоедова, «Цезаря и Клеопатры» Б. Шоу, «Коварства и любви» Ф. Шиллера. Среди постановщиков упоминается Георгий Кацман – человек, чье имя как художника значилось в афишах Магаданского музыкально-драматического два десятилетия. Коренной петербуржец, учившийся на театральном отделении Государственного института истории искусства (ГИИИ) у крупнейших педагогов, слушавший выступления А. Блока,

Ю.Г. Оксман. Саратов. 1949

Вс. Мейерхольда, С. Есенина, Ю. Тынянова, друживший с Д. Хармсом и занимавшийся в качестве режиссера театром обзериутов, в 1927 году он был арестован по доносу. Комитет ОГПУ осудил его по статье УК 58-10 на 10 лет ИТЛ. Срок, уменьшенный позднее до шести лет, Кацман отбывал в ИТЛ Беломорбалта – четыре года в лагере и два на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Условно-досрочно освобожденный, но потерявший к тому времени родителей, он решил поехать на Дальний Восток, где уже начиналось строительство БАМа. Возглавил Центральный театр драмы, а когда окончился срок договора, вернулся в Ленинград. Кацман поступил на работу в Эстрадный театр-студию, но вскоре подписал договор с Дальстроем НКВД СССР, чтобы на долгие годы связать свою жизнь с Колымой, став первым художественным руководителем Магаданского театра. К счастью, оставаясь свободным человеком.

Борис Цекиновский, написавший предисловие к «Десяти театральным сезонам на Колыме», подчеркивает, что «автор книги обладает ценнейшим качеством: для него история театра – это история людей театра». Действительно, Колымский «остров», поскольку все, что находится за пределами лежащего в зоне вечной мерзлоты края, называют материком, подарил Владимиру Левиновскому удивительные встречи с теми, кто прошел испытания сталинскими лагерями и сохранил человеческое достоинство. Среди них главный дирижер Магаданского музыкально-драматического театра, виртуозный скрипач Владимир Андреевич Вавриковский, арестованный за анекдот, который рассказал

Магаданская культбригада под руководством Л. Варпаховского (в центре в светлой куртке). Во втором ряду первая справа Ида Зискинд

Георгий Кацман – первый худрук Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького

Леонид Варпаховский. Фото из личного дела з/к

Ида Зискинд в роли Виолетты в опере «Травиата»

Гастрольная группа артистов Магаданского театра. 1950-е

Галина Ветрова – концертмейстер-пианист

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

в окопе во время боев под Сталинградом, и отправленный на Колыму. В течение десяти сезонов Левиновский работал с ним бок о бок, но темы лагерного прошлого маэстро никогда не касался. Как оказалось, это была общая черта у всех, кто прошел через Маглаг. Лишь много лет спустя, когда музыканта не стало, Владимир Яковлевич узнал от его супруги некоторые подробности колымских испытаний музыканта.

«Каждый день – борьба за выживание. А тут еще прибавилась «забота» – сохранить эти удивительные пальцы, способные «бегать» по струнам с невероятной скоростью. Музыкант приспособил палку, похожую на гриф, и в свободные минуты «извлекал» волшебные интервалы прошлых звучаний, возвращая пальца утраченную беглость. Можно представить картину, когда его «коллеги» – «блатные», «фраера», «мокрушники» – застали его за виртуозным исполнением «Каприса Паганини» на... палке. Сокамерники тоже были способны на волшебство – вскоре у Владимира Андреевича появилась настоящая скрипка и «благодарные» слушатели.

Еще одна встреча – с профессиональным концертмейстером Галиной Георгиевной Ветровой. На вечерних спектаклях она присоединялась к артистам оркестра и своим мастерством пианиста восполняла недостающие инструменты в оркестре, причем так виртуозно, что коллеги говорили: «Ветрова играет за весь оркестр». Она закончила Одесскую консерваторию, во время Великой Отечественной войны оказалась в оккупированной Одессе, была аккомпаниатором приехавшего из Румынии иммигранта шансонье Петра Лещенко. Этого оказалось достаточно для «путевки» в колымский лагерь. В магаданском театре Галине Ветровой посчастливилось работать с Леонидом Варпаховским и Георгием Кацманом, и эта школа научила ее главному правилу магаданской сцены – артист должен уметь делать все.

Довелось Владимиру Левиновскому работать и с актрисой Антониной Митрофановной Винник, появившейся в труппе тоже благодаря Варпаховскому. Можно сказать, он спас ее, посодействовав переводу с работ на лесоповале в культбригаду. Яркая, талантливая, музыкальная, Антонина Винник жила с родителями в Маньчжурии, но с приходом туда советских войск оказалась в руках СМЕРШа и была доставлена в бухту Нагаева. На магаданской сцене она реализовала себя в качестве солистки оперетты в амплу лирических героинь, а со временем, уже при Левиновском, перешла на острохарактерные роли.

Рассказывая о магаданском периоде жизни Леонида Викторовича Варпаховского, автор книги приводит интереснейшие факты о постановке в 1945 году на Колыме оперы Д. Верди «Травиата», называя ее кульминационным моментом в его лагерной режиссуре. Лирическое сопрано для партии Виолетты Варпаховский обнаружил у заключенной Иды Зискинд. «Одетая в телогрейку и стеганные штаны, выпуская при дыхании клубы пара на жутком морозе, 23-летняя лагерная швея никак не вязалась с лицом женского пола, и уж никак не могла «соответствовать» образу Дамы с камелиями...». Тем не менее с ролью она справилась блистательно. Главные хоровые партии оперы исполнили заключенные

артисты Эстонской национальной мужской капеллы под управлением выдающегося эстонского композитора Густава Эрнесакса. По «счастливой» случайности как раз именно в это время они прибыли в Колымский край. Это был «подарок» Варпаховскому от лагерного «мецената» и большой поклонницы искусства А. Гридасовой из начальства Дальстроя, которая поставляла для магаданской сцены артистов и музыкантов.

«Травиата», декорации к которой сделал художник с мировым именем Василий Шухаев, а эскизы костюмов не менее известная Вера Шухаева, имела ошеломляющий успех. Зрители устроили такие оглушительные овации, что Виолетта – Ида Зискинд потеряла сознание, ее на руках унесли со сцены. До конца срока заключения лагерной актрисы оставалось еще восемь месяцев, но вопрос об условно-досрочном освобождении даже не рассматривался. В рецензиях, опубликованных в «Советской Колыме», восторженно говорилось об общей слаженности спектакля и сценической убедительности исполнительницы роли Виолетты, о постановщике, сумевшем создать цельное и яркое зрелище, о светлых и чистых красках в оформлении спектакля, о красочности и характерности костюмов. И никаких имен, поскольку все, кто участвовал в создании «Травиаты», были заключенными.

Георгий Кацман, Леонид Варпаховский и его жена Ида Зискинд (к тому времени у них уже родилась дочь Анна, в будущем актриса и режиссер) покинули Колыму в 1953 году, но благодаря их таланту и сотворчеству на магаданской сцене рождались насыщенные музыкой синтетические спектакли, закладывая прочную основу музыкально-драматического театра. К сожалению, в новом столетии он не устоял от разрушительных перемен, и Владимир Левиновский пишет об этом, не скрывая горечи: «Результатом сепаратизма и актерской вольницы стало разрушение уникальной модели единственного в России русского музыкально-драматического театра. Руководство Магаданской области, «идя навстречу пожеланиям трудящихся», приняло «историческое решение» о разделе труппы на два театра... Поющие актеры настояли на «разводе» ради того, чтобы получать вокальную пенсию, драматические – ради вящей «самостоятельности». Подрублены плодоносящие корни, глубоко залегающие в вечной мерзлоте театрального Магадана, отвергнута уникальная традиция синтеза музыки и драмы».

Больше чем через полвека в Магадан приехала Анна Леонидовна Варпаховская, чтобы поставить на этой сцене спектакли в память об отце. При поддержке федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» вышла книга Владимира Левиновского «Десять театральных сезонов на Колыме» (редактор Светлана Склеинис, художественное оформление Владимира Мягкова), отмеченная на дальневосточной выставке «Печатный двор – 2015» серебряной медалью в конкурсе «Лучшее краеведческое издание». Автор напомнил нам о многих важных вещах не только в театральной жизни, но и во взаимоотношениях людей, связав воедино прошлое и настоящее. Потому что одно без другого невозможно.

Фотографии предоставлены издательством «Кордис»

90 лет Хабаровскому музыкальному театру

От Хабаровска до Харбина

Память – пусть она останется
Такой же светлой,
Как те некрашенные доски,
На которых фронтовые бригады,
Когда-то давали спектакли и концерты.

Тамара БАБУРОВА

Война... Да, наши музы не молчали, когда грохотали пушки. Музы сражались. Участники фронтовых театральных бригад не ходили в атаку и в разведку, не стреляли из орудий. Тем не менее все, что они сделали, по праву можно приравнять к театру военных действий. Артисты были в годы войны «солдатами искусства». Они делали все, что было в их силах. Своим оптимизмом, своим искусством, верой они тоже приближали победу как могли.

Артисты филиала Хабаровского театра музыкальной комедии. В центре З.А. Матушевская – Сильва, слева И.Ю. Войнаровский – Бони. Харбин, 1945

Военные дороги театра музыкальной комедии

Коллектив держался стойко

Приказ № 11 по Хабаровскому краевому театру музыкальной комедии от 17.01.1942 начальника Краевого Отдела Искусств Г. Слюско: «Принимая во внимание военное время, коллектив театра должен быть готов на моментальную перестройку своей работы, усиливая оборонную тематику. Приказываю: создать 4 концертных бригады по 15–10 человек. Назначить руководителями товарищей Митина, Ланцетти, Молчанова, Разумова, Дорэ, Тащиева, Веленского, Шумович. В военное время театр должен работать по-военному. Мы должны быть готовы отдать свои силы обслуживанию фронта».

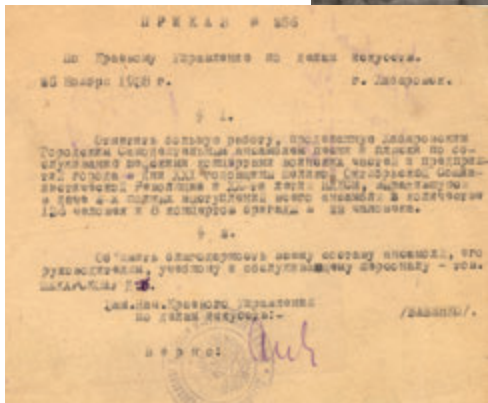
Приказ № 156 по Хабаровскому краевому театру музыкальной комедии от 21.10.1942 директора Г. Слюско: «Организовать филиал Хабаровского краевого театра музыкальной комедии с выездом по частям Красной армии и флота ДВК».

Принимая во внимание важность задач по обслуживанию военных гарнизонов и пограничных подразделений, в театре организовали филиал из 22 человек под художественным руководством И.Л. Энбе. Сюда входили артисты ведущего положения – героиня З.А. Матушевская, премьер В.М. Любаров, субретка Н.И. Симонова, протак И.Ю. Войнаровский, артистка хора О.Ф. Добровольская, артисты Г.П. Климов, М.И. Варшавский, солисты балета И.А. Жилин и М.П. Енгличевская, концертмейстер В.Д. Разумов. Утвержден следующий репертуар: «Ярмарка невест», «Мадемуазель Нитуш», «Роз-Мари», «Сильва», «Сорванец» и концерты. Филиал побывал в отдаленных пунктах пограничных застав, воинских частей. Было трудно, особенно зимой, но коллектив держался стойко, дружно и творчески интересно. Актриса ведущих партий Зоя Матушевская, в прошлом артистка хора, очень повысила свой вокальный уровень. Именно здесь начала свою карьеру совсем юная тогда Нина Симонова. Задорный, эксцентричный дуэт Симоновой и Войнаровского неизменно вызывал восторг зрителя.

«Мои ощущения с войной навсегда связаны с творческим ростом, я много работала – вспоминала Нина Симонова. – Я пела арию Денизы из оперетты «Мадемуазель

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

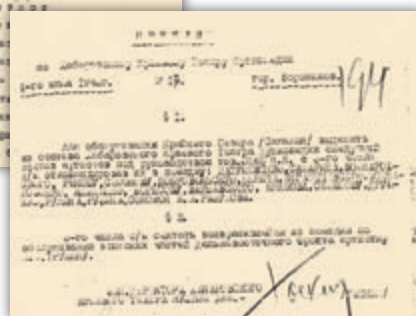
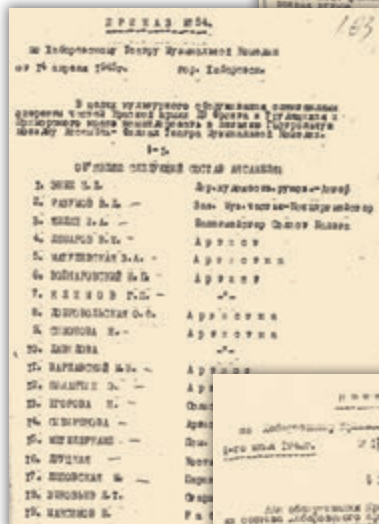
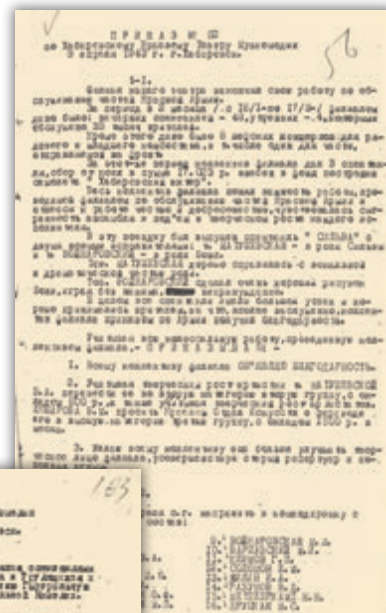
Шефская агитбригада в 1935–1936 гг.

Нитуш». Исполняла роль Стаси в оперетте И. Кальмана «Сильва», комедийные номера с Игорем Войнаровским, прекрасным артистом, председателем шефской комиссии и моим мужем с 1944 года. Ездили всю войну, став для пограничников совсем родными. Весь коллектив проникся исключительностью возложенных на нас задач».

Чувствовалась сыгранность ансамбля, подъем и творческий рост исполнителей. Коллектив филиала внес сбор от трех спектаклей, а это более 20 тысяч рублей старыми деньгами, в фонд Комсомольского авиационного завода для выпуска самолета «Хабаровский актер». Спектакли имели большой успех и хорошо принимались зрителями, за что выездной коллектив приказом по армии заслуженно получил награды и благодарности.

Бригада радости

Артистическая бригада «Театра радости», как называли его жители города с 1930-х годов, шефствовала над городами вдоль Амура, погранзаставами Дальнего Востока и над строительством дороги Владивосток – Находка. Выступали даже перед войнами генерала Василия Блюхера на Халхин-Голе во времена вооруженного конфликта 1939 года. Возили четыре спектакля в слегка усеченном варианте. В труппу входили певцы, танцоры, два аккомпаниатора, костюмер – всего порядка 35–40 человек. Хоровые арии пели за сценой все свободные на данный момент солисты. Танцевали двести пар, остальные подтанцовывали, на небольших, в основном импровизированных площадках и просто на привалах. В тех обстоятельствах смотрелось это действо очень пристойно, если не сказать, шикарно.

Солисты балета М.П. Енгличевская и И.А. Жилин

Ведущие артисты С.Г. Моргулис и В.Н. Рекова

В.Н. Рекова и Г.И. Доре

1945 год

В мае 1945 года Германия подписала акт о капитуляции, и вся наша огромная страна праздновала победу. Но на Дальнем Востоке оставался еще один очаг войны. По плану «Кантокуэн», разработанном в Токио еще в 1942 году, предусматривалось отторжение от СССР Дальнего Востока и Сибири. Верные союзническому долгу, 9 августа советские войска начали боевые действия против Квантунской армии, развернув позиции по фронту протяженностью свыше 5 тысяч километров.

Эшелоны с запада развозили победителей по домам, но для более чем миллиона бойцов война продолжилась на Забайкальском и Дальневосточном фронтах. Артисты Хабаровского театра музыкальной комедии следовали за армией на восток и видели поезда, украшенные зелеными ветками и цветами, поющих солдат: «От границ до британских морей Красная армия всех сильней...» Не верилось им тогда, что возможны еще бои и кто-то останется в этой земле навсегда.

Долгая дорога через Хинган

Из воспоминаний артистки фронтовой бригады Нины Симоновой:

«Во время гастролей в Чите в конце июля 1945 года труппе хабаровчан предложили поездку в Китай через Маньчжурию. Не думая о трудностях и опасностях, уложили чемоданы и двинулись в дальний путь. Ехали поездом, но в предгорьях Хингана железная дорога оборвалась, труппу погрузили в «студебеккеры» со всем скарбом: костюмами, декорациями и реквизитом. Предстояло «покорить» Хинган и пустыню Гоби. Невероятно трудные 10 суток, думали, не кончатся никогда. Днем жара, песок забивается в рот, глаза. Ночью холод и страх. Страх оттого, что в скалах засели и стреляли, большей частью в сумерках, японцы-смертники. Наши войска гнали Квантунскую армию по всему фронту, но отдельные группы то тут, то там нападали на небольшие отряды, на местное население. Китайцы рассказали, что за день до приезда артистов был вырезан персонал медсанчасти, направлявшийся на базу. Известие еще больше накалило нервную обстановку. Поэтому ночами не двигались, время коротали в землянках, повсеместно вырытых по пути следования. Выставляли патруль. Страшно было так, что зубы стучали. Но вида старались не подавать... Однако не всем хватало мужества стойко переносить невзгоды. Чаще всего являлся предметом насмешек наш любимый тенор Любаров. Даже днем, во время следования по перевалам, он забирался под скамью в кузове машины, надеясь уцелеть в случае внезапного обстрела. Над ним потешались, и смех разряжал тягостную атмосферу. Впрочем, ехать с закрытыми глазами и не замечать окружающей природы, конечно, невозможно. Долгие десять дней одно и то же. Слева неприступные скалы, справа губительные пески пустыни. А еще брошенные артиллерийские орудия, приметы прошедших боев. И все же, несмотря на трудный переход и страх смерти, молодежь испытывала восторг от сознания причастности к важному событию в жизни страны.»

Концерт состоялся

От Читы добирались то поездом, то машиной. Все устали. А впереди большая дорога. Все расположились в помещении для ожидания в китайском аэропорту Ваннимяо. К группе подошел молоденький лейтенант в сопровождении двух солдат. На лице радость: настоящие артисты! Как в мирное время! Отрапортовал: «Командир, дислоцируемой в Ваннимяо части просит дать кон-

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

церт прямо здесь, на площадке рядом с аэродромом!» Получив согласие, офицер распорядился отнести костюмы, реквизит и личные вещи актеров в специально подготовленную для них комнату. В назначенное время загримированные артисты под гром аплодисментов пробирались сквозь толпу солдат к дощатым подмосткам, гордо именуемым сценой. Вдруг прозвучала команда спуститься со сцены и отойти на безопасное расстояние. Отогнув пару досок, лейтенант приказал кому-то выходить с поднятыми руками. В полном молчании один за другим из-под грубо сколоченных подмостков вылезали испуганные японцы и бросали оружие на землю. Артисты были испуганы не меньше, ведь они впервые видели врага, да еще так близко.

На концерт всем комсоставом

Первым крупным населенным пунктом после изнурительного преодоления Гоби и Хингана был Чанчунь – столица Маньчжоу-Го. Поселили артистов в офицерском собрании, где все было обустроено без излишеств, но удобно. Правда, предметы быта к их приезду находились в беспорядке. Высший состав японской армии в спешке покидал насиженное место, бросив личные вещи, ароматно приготовленное мясо, выложенное в глубокую миску, да так и не тронутое. Столь стремительное бегство японцев вселяло уверенность в скорой победе.

Зал в собрании был с дорогими портьерами, кулисами, гримерными. Артисты готовилась к эффектному появлению на сцене, но когда подняли занавес, их ослепили ордена и медали зрителей. Сверкая золотом и отливая медью, они приковывали взор и заставляли волноваться. В Чанчуне стояли части под командованием Родиона Малиновского. Весь комсостав прибыл на концерт. Был и Хорлогийн Чойбалсан, главнокомандующий Монгольской народно-революционной армией, позже ставший главой правительства Монголии.

Встречали по-китайски

Почти месяц труппа давала спектакли в этом городе. Зрители принимали с неизменным восторгом, многие смотрели не по одному разу. Китайцы очень хорошо относились к освободителям. В любой, самой бедной хижине, приглашали к столу. На рынке старались что-нибудь подарить в благодарность за покой и изгнание японских милитаристов с родной земли. Особенно всем запомнился веселый торговец хлебом, который всегда чем-нибудь вкусеньким угощал. Звали его на русский лад – Ваней. Бывало, завидит хорошеньких молоденьких русских артисток, наполнит до краев тарелку пампушками или пирожками и обязательно вручит их с поклонами и приговорками. Своими, китайскими.

Далекая и манящая

После Чанчуна вслед за нашими войсками театр добрался до Харбина. Большой город, где артистам предоставили гостиницу, как на гастролях в мирное время.

Режиссер М.И. Веризов
Харбин, 1946

Г.М. Самарин. Харбин, 1946

И.Ю. Войнаровский

С.Г. Моргулис – Эдвин.
«Сильва».

И.Л. Энбе и Н.И. Симонова. «Табачный капитан». 1945

Помимо солдат на спектакли собиралось и китайское гражданское население, и много русских эмигрантов, для которых связь с родиной была потеряна много лет назад. Правда, вначале многие скептически относились к афише театра.

«Но с первого спектакля и в дальнейшем, – вспоминал концертмейстер Разумов, – эти же эмигранты восторженно отбивали ладони, аплодируя нам. Они радовались, слыша русскую речь, приглашали в гости. Кормили всякий раз пельменями, считая, наверное, что выражают тем самым особое уважение советским артистам. Особисты не одобряли подобных походов, но ослушавшихся

«Барышня-крестьянка». И.Ю. Войнаровский – Степан, Н.И. Симонова – Настя

не наказывали. Да и провокаций со стороны эмигрировавших не было. Спектакли имели потрясающий успех, ведь разыгрывались сцены из другой жизни – далекой, манящей своей беззаботностью и легкостью».

И снова воспоминания Н. Симоновой:

«В Харбине нам удалось попасть на спектакль театра оперетты «Модерн» с русскими артистами. Помню, это была «Свадьба Марион». На сцене красивые женщины и эффектные мужчины со средними, но очень приятными голосами. Марион играла очень изящная актриса, к сожалению, я не помню ее имени. Все, что она делала в своей роли, воспринималось как нечто легкое и бездумное... Но все же это была оперетта! Это был жанр в таких его неотъемлемых качествах, как красота, изящество, праздничность, легкость и, главное, не бедность. Я впоследствии возвращалась к харбинским впечатлениям, вспоминая в первую очередь эту праздничность. Именно этих примет жанра – легкости, изящества, куража недостает подчас некоторым нашим классическим спектаклям. При воспоминаниях звуков и запахов тех лет кажется, что молодость на миг возвращается, а потом появляется щемящее чувство утерянного навсегда».

В конце гастролей в Харбине советское военное командование вручило отличившимся актерам филиала

Харбинский театр «Модерн». 1940-е

Хабаровского театра музыкальной комедии правительственные награды. Орденом Красной Звезды наградили Энбе, Матушевскую, Войнаровского, Симонову. Медалью «За доблестный труд» Любарова, Варшавского, Климова, Добровольскую, музыканта Разумова. К ноябрьским праздникам в 1945 году артисты возвращались домой в Хабаровск.

В мирную жизнь

Маньчжурская стратегическая наступательная операция стала завершающей во Второй мировой войне. Отборные части Вооруженных сил Страны восходящего солнца были разгромлены за 24 дня, и 2 сентября 1945 года главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада подписал акт о безоговорочной капитуляции Японии. В начале ноября труппа хабаровчан собралась домой, где их встретили как героев. Мирная жизнь страны потекла своим чередом: с невероятным энтузиазмом восстанавливали хозяйство, вели строительство, ставили спектакли, встречали с разных концов страны будущих дальневосточников. Труппа Хабаровского театра оперетты расширяла репертуар, радо-

вала публику новыми спектаклями и в слегка обновленном составе по-прежнему давала шефские представления для погранвойск.

Как оказалось, поездка в Харбин была не последней. В 1946 году, к 20-летию юбилею театра, наряду с гастроллями в Комсомольск-на-Амуре и Чите театру разрешили поездку в Харбин. Была еще свежа память о встрече со

зрителями Китая в 1945 году, и вот гастролли с полноценным репертуаром...

«С большим волнением мы собирались в Харбин, чтобы поделиться опытом в области советского искусства, и в частности в жанре оперетты, с нашими соотечественниками и дружественным китайским народом, – рассказывал в интервью режиссер М.И. Веризов. – Спектакли проходили на ура. Русских там было много... Когда началась революция, российская интеллигенция через Хабаровск двигалась в Китай. Здесь много наших художников, артистов, музыкантов. Мы работали в новом районе города, который очень напоминал и Хабаровск, и Владивосток. Наши гастролли для нас событие большого культурного значения. Мы надеемся оправдать то большое доверие, которое нам оказали. Надеемся, что наши спектакли «Табачный капитан», «Принцесса цирка», «Свадьба в Малиновке», «Девушка из Барселоны» вам понравились». («Русское слово», № 89 (121) от 18 апреля 1946 года, г. Харбин).

Фото из архива Театра музыкальной комедии

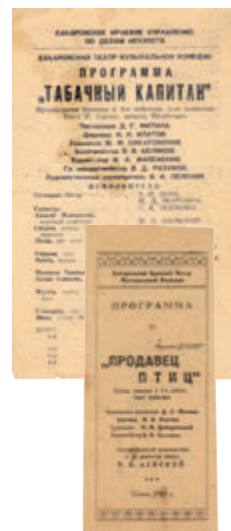
ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Н.И. Симонова – Мадемуазель Нитуш

Н.И. Симонова

Н.И. Симонова

Нина Ивановна Симонова (1925–2013) родилась и выросла в Хабаровске. Поступила в театр в 1942 году после студии при Дворце пионеров. Игорь Юрьевич Войнарковский (1912–2003) приехал в театр из Москвы. В 1936 году он окончил Московскую балетную школу имени Чистякова. Эту пару ожидал оглушительный успех, зрители их обожали. Войнарковский стал первым народным артистом РСФСР в Хабаровском театре музыкальной комедии. В 1973 году неожиданно для всех любимые артисты решились на крутой поворот и все начали с нуля. Вместе с режиссером Григорьевым и группой единомышленников они покинули Хабаровский театр и уехали в Караганду создавать новый театр. Правда, ностальгия по Хабаровску и театру осталась с ними навсегда. В последний раз артисты вышли на хабаровскую сцену в 1996 году, на 70-летний юбилей театра, и были по-настоящему счастливы.

В.Д. Разумов принят в Хабаровский театр музыкальной комедии на должность главного концертмейстера в 1940 году и прослужил в нем 10 лет. Оставил воспоминания о театре военного времени.

Чета Войнаровских

Святое Евангелие

Форзац и первая страница Святого Евангелия

Евангелие священника Максима Никонишина

Наталья РУБАН

**Образ во есте лобызающим подвиг ваш,
Яко ни скорь, ни теснота, ни смерть,
От любви Божия разлучити вас не возмогоша.**

Из молитвы новомученикам и исповедникам Российским

О жизни и мученических подвигах православных священников в годы гонений на церковь в XX веке мы знаем большей частью из книг, фильмов, статей и документальных свидетельств тех лет. Но еще более близкими эти события становятся, когда соприкасаешься с ними через воспоминания родных людей, их фотографии, семейные реликвии.

В нашей семье хранятся духовные книги – Библия, Святое Евангелие, молитвослов, изданные еще до революции 1917 года и переданные моему мужу, Николаю Ивановичу Рубану, его родителями. Предки по линии его мамы Ирины Степановны Рубан (Ровенко), происходившие из первых украинских крестьян-переселенцев в Приморье, были верующими православными христианами. Ее отец Степан Корнилиевич Ровенко, по воспоминаниям родных, даже в самые тяжелые годы гонений на церковь строго воспитывал детей своих в вере, исполнял дома все молитвенные правила, соблюдал посты, читал Библию, особенно любил Святую Псалтирь. В Никольске-Уссурийском, где проживала семья Ровенко, уже к 1928 году не было ни одной действующей церкви. Когда в 1945 году по ходатайству верующих вновь открыли для служения храм Покрова Пресвятой Богородицы,

члены семьи Ровенко стали постоянными его прихожанами. В 1950 году в этой церкви крестили и моего мужа.

Среди хранящихся у нас духовных книг мое внимание особенно привлекло Евангелие, изданное в Петрограде в 1914 году. На оборотной стороне уже изрядно потертой обложки чернилами сделана надпись, прочесть которую, признаюсь честно, с первого раза не сумела. Но после недолгих усилий смогла разобрать следующее (орфография сохранена): «Из книг Священника Максима Иоакимовича Никонишина. Октября 19/1 Ноября 1925 года. В память его рукоположения в городъ Никольск-Уссурийском Пресвященным Епископом Киприаном, Приморским и Владивостокским». Каким мужеством и какой любовью к Богу должен был обладать этот человек, принявший священнический сан в 1925 году! Ведь в то время быть священником-тихоновцем было равнозначно подписать смертный приговор. Возникло желание найти какие-либо сведения о епископе Киприане и об отце Максиме Никонишине. С помощью различных источников – работ приморских ученых и исследователей, мариолога Рязанской области, генеалогических сайтов и других удалось составить краткое описание жизни и мученических подвигов этих истинных подвижников веры православной.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Архиепископ Киприан (Комаровский)

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в селе Черниговка Приморского края, в котором служили о. Андрей Зимин и о. Максим Никонишин. 2013

Архиепископ Киприан (в миру Константин Станиславович Комаровский) возглавил Владивостокскую и Приморскую кафедру в 1925–1927 годах. Родился в 1876 году в Самарканде, происходил из семьи польских католиков. Окончил в 1899 году Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, в этом же году хиротонисан во иеромонаха. Занимался миссионерской деятельностью в Киргизской миссии Омской епархии. В 1911 году рукоположен во епископа Семипалатинского викария Омской епархии. В 1922 году владыка перешел в обновленческий раскол и стал обновленческим епископом Семипалатинским, но через год, покаявшись, вновь принят в лоно Русской православной церкви. В 1923 году епископа Киприана арестовали, и до 1925 года он отбывал наказание в одном из самых страшных мест ГУЛАГа – в Соловецком лагере особого назначения. С 1925 года находился в ссылке во Владивостоке, с 13 ноября 1925 года стал епископом Владивостокским и Приморским, позднее возведен в сан архиепископа. В марте – сентябре 1927 года владыка вновь находился в заключении в тюрьме Владивостока, а с 1927 по 1933 годы продолжил службу в Иркутской, Уфимской и Ижевской епархиях. В июне 1934 года назначен архиепископом Вятским (Кировским).

В августе 1937 года новый арест, после которого владыка был осужден тройкой при УНКВД СССР по Кировской области как руководитель контрреволюционной группы церковников сергиевской ориентации за шпионскую работу в годы колчаковщины под руководством резидента японской разведки Миня, за связь с японской разведкой через его резидента бывшего Вятского епископа Евгения (Зернова). Его приговорили к высшей мере наказания и 11 сентября 1937 года расстреляли в подвале внутренней тюрьмы НКВД города Кирова.

Священник Максим Иоакимович Никонишин родился в 1888 году в городе Старокопачинской Волынской губернии (ныне Хмельницкая область, Украина) в семье портного. Вероятно, его родители прибыли в Приморский край по столыпинской аграрной реформе переселения на Дальний Восток. Известно, что у о. Максима был старший брат Марк Иоакимович Никонишин (1877 года рождения),

Степан Корнильевич и Мавра Карловна Ровенко, 1951

Ирина Степановна Рубан (Ровенко) с младшим сыном Колей, 1954

служивший священником в Хабаровском крае и Приморье, который также был репрессирован в 1930-е годы.

Максим Никонишин окончил второклассную учительскую школу. Свое служение начал псаломщиком в Свято-Никольском храме села Александровка Зеньковской волости Иманского уезда (ныне Спасский район Приморского края). Затем был дьяконом в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Черниговка Примор-

Храм Николая Угодника Чудотворца в селе Веретье Рязанской области – последнее место службы о. Максима. 2012. В настоящее время храм восстанавливается

ского края. Многие годы настоятелем этого храма был протоиерей Андрей Зимин, в 1918 году зверски замученный вместе со всей семьей и прислугой в собственном доме предположительно бандой Шатьковского, которого поддерживали большевики. По воспоминаниям жителей села, дьякон Никонишин, проживавший по соседству с о. Андреем, не убоившись отмщения, организовал похороны убиенного настоятеля и всей его семьи – престарелой матери жены, матушки и троих дочерей.

Как уже говорилось, священнический сан отец Максим принял в 1925 году и до 1930 года продолжал служить в храме Черниговки. У батюшки была большая семья, в которой росли пятеро детей – две дочери и три сына. В 1930 году он был арестован по обвинению в саботаже, контрреволюционной агитации и дискредитации мероприятий, проводимых советской властью. Причиной ареста стало невыполнение священником «твердого задания по хлебозаготовкам», когда к указанному сроку он не смог сдать требуемое количество хлеба. Получив 10 лет лагерей, сначала отбывал наказание на Артемовских угольных копях Владивостокского округа, где были каторжные работы, пытки, карцер. Через восемь месяцев его освободили по состоянию здоровья, как указано в документах, «хромым на левую ногу».

После освобождения отец Максим уехал в Читу, где служил священником до 1935 года, а с 1936 года возглавил Никольский приход в селе Веретье Спасского района Рязанской области. К этому времени он проживал уже без семьи: матушка, вероятно, скончалась, а взрослые

Татьяна и Эдуард Никонишины, Николай Рубан, автор статьи Наталья Рубан. 2015

дети разлетелись: дочери остались на Дальнем Востоке, два сына в Керчи, один в Москве.

31 августа 1937 года отца Максима арестовали и заключили в тюрьму Рязани. Ему предъявили следующее обвинение: «По прибытии из ссылки продолжает вести контрреволюционную деятельность среди граждан села Веретье, говорит проповеди контрреволюционного содержания о том, что все невзгоды и бедствия происходят от коммунистов, и предсказывает кончину мира». Первый допрос состоялся 17 сентября, а несколько следующих – с 20 ноября. Далее в день следовало по два допроса. В показаниях батюшка не отрицал свою твердую позицию о необходимости сохранения православной церкви: «Говорил крестьянам, чтобы они не слушали коммунистов и не бросали Церковь и, что когда закроют все церкви, тогда наступит конец света. Говорил, что все равно – что черт, что и коммунист. Смотрите, все они ведут к дьяволу!» Священника обвинили в том, что он завербован агентом японской разведки, проводил контрреволюционную повстанческую работу в пользу Японии, для чего и перебрался с Дальнего Востока в село Веретье. Решением тройки при УНКВД СССР по Рязанской области его приговорили к расстрелу, приговор привели в исполнение 10 января 1938 года. Реабилитирован священник Максим Никонишин только в 1989 году.

Как именно Святое Евангелие с надписью отца Максима оказалось в семье Ровенко, установить сейчас сложно: «ими же веши судьбами». Возможно, в период разграбления и закрытия храмов в Уссурийске и Черниговке верующие люди пытались сохранить духовные книги, иконы, церковную утварь. Разыскать прямых потомков отца Максима пока не удалось. Но внук и правнук его родного брата, священника Марка Никонишина, также служившего в храмах Приморья и пострадавшего за веру, проживают ныне в селе Лазо Лазовского района Приморского края. Нам удалось повстречаться во Владивостоке с правнучатым племянником отца Максима – Эдуардом Витольдовичем Никонишиным и его супругой Татьяной. Эдуард Витольдович работает преподавателем фортепиано и аккомпаниатором в школе искусств села Лазо, его жена Татьяна – прихожанка храма преподобного Серафима Саровского в селе, читает на клиросе. Вместе с мужем они активно помогают настоятелю прихода в восстановлении храма после пожара, произошедшего в 2014 году. Они многое знают о судьбе отца Марка Никонишина, но об отце Максиме ничего не слышали. С трепетом и благоговением приняли Эдуард и Татьяна Никонишины в дар от нашей семьи Евангелие, сохраненное священником Максимом, пожившим свою жизнь за веру Христову.

Источники:

1. Книга памяти Рязанской области. Новомученики и исповедники Русской православной церкви XX века. //stopgulag.org/object/.
2. Марк Никонишин. //nekropole.info/ru/Mark-Nikonishin-1877.
3. Никонишин Максим Якимович. //rosgenea.ru/serchcatal.
4. Православие и ты. Новомученики и исповедники церкви русской. 10 января. //vk.com/wall-54161241.
5. Православные духовные воины. День памяти – 10 января. //rugarud.ru/forum/index.php/.
6. Прозорова Г.В. Пострадавшие за Христа в Приморье. – Владивосток: Изда-во ДВГТУ, 2000 – 32 с.
7. Пушпашева П. Протоиерей Андрей Зимин. //vladivostok-eparhia.ru/eparhia/new/monks/zimin/.

Авторы

БАБУРОВА

Тамара Семеновна – руководитель литературного отдела Хабаровского краевого музыкального театра, заслуженный работник культуры РФ

ЖУК

Светлана Юрьевна – главный хранитель ДВХМ, заслуженный работник культуры РФ, автор более двадцати публикаций по музейной тематике

ЛЮСЯ

Лидия Ивановна

БАЙКОВА

Райса Георгиевна – исполнительный директор общественной организации «Международная ассоциация национальных культур Хабаровского края»

ЗАВЬЯЛОВА Ольга

Владимировна – председатель комитета по делам ЗАГС и архивов правительства Хабаровского края

МАНАКОВ

Михаил Юрьевич – библиограф, издатель, ведущий архива Кира Булычева (Челябинск)

БЕНДИК Наталья

Николаевна – учредитель и генеральный директор ООО «Бизнес-Архив», кандидат исторических наук

ЗИЛОВА

Клара Николаевна – старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова

НИКИШИНА

Елена Владимировна – ведущий археолог КБГУ «Государственный архив Хабаровского края»

БОГДАНОВ Сергей

Александрович – ведущий археолог сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края

КРАСНОШТАНОВ

Сергей Иннокентьевич – профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (ДВГУ), кандидат филологических наук

ПОЗИНА

Наталья Сергеевна – заведующая сектором истории, культуры и искусства Краевого музея имени Н.И. Гродекова

БУРЯ

Виктор Петрович – главный редактор издательского дома «Частная коллекция», литературный краевед

КИРПИЧЕНКО

Татьяна Васильевна – старший научный сотрудник отдела краеведческой литературы ДВГНБ, председатель клуба «Краевед»

РАДИШАУСКАЙТЕ

Наталья Витаутовна – главный библиотечный сотрудник Центра консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края ДВГНБ

ГРЕБЕНЮКОВА

Наталья Петровна – старший научный сотрудник сектора истории, культуры, и искусства Краевого музея им. Н.И. Гродекова

КОСТРОМИНА Марина

Витальевна – начальник архивного отдела управления делами администрации г. Хабаровска

РУБАН Наталья

Алексеевна – научный сотрудник сектора истории, культуры, и искусства Краевого музея им. Н.И. Гродекова

ДАВЫДОВА

Татьяна Алексеевна – искусствовед, член Союза художников России, заслуженный работник культуры РФ

КОПЫТОВ

Олег Николаевич – доктор филологических наук, журналист, писатель. Профессор Дальневосточного федерального университета (Владивосток, о. Русский)

ШИШКИНА

Виктория Авенировна – доктор педагогических наук, профессор кафедры дизайна ДВГУ, член Союза художников России, искусствовед

ДУБИНИНА

Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Москва)

ЛЕПЕТУХИН

Александр Петрович – доцент кафедры изобразительного искусства ДВГУ, член Союза художников РФ, член Союза писателей РФ

ЧАНОВА

Татьяна – преподаватель высшей школы, журналист, член Союза журналистов России (Комсомольск-на-Амуре)

Тема следующего номера – **«Экспедиция в древность»**

*Женщина с ведрами. 1990.
Картон, пастель. ДВХМ. Хабаровск*

*Воспоминания о Японии.
Картон, пастель. Собственность семьи*

*Старый наналец (Наналец с трубкой). 1979–1987.
Бумага, пастель. ДВХМ. Хабаровск*

ФЕНТИСОВ Евгений Михайлович (1939–1993) – график, педагог.

Родился в с. Пены Курской области, в том же году его семья переехала в Хабаровск. В 1945 г. Е. Фентисов окончил семилетку и устроился в Дом военно-морского флота на должность ученика художника, через год поступил на художественно-графическое отделение Хабаровского педучилища и в 1950 г. окончил его с отличием. С 1951 по 1954 г. служил в армии, стал армейским художником, а после демобилизации поступил на художественный факультет ВГИКа. Студентом сотрудничал с журналом «Советский моряк», где с 1958 по 1960 г. проиллюстрировал более 20 литературных произведений. Дипломная работа Е. Фентисова, представлявшая собой эскизы и раскадровку к фильму по рассказу К. Паустовского «Телеграмма», получила высокую оценку на 8-й выставке дипломных работ студентов художественных вузов.

Закончив ВГИК с отличием, Е.М. Фентисов вернулся в Хабаровск и 3 мая 1960 г. был принят на только что созданный художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института. В общей сложности он посвятил ему 28 лет, из которых 10 лет заведовал кафедрой, исполнял обязанности декана факультета. Главная заслуга Фентисова-педагога в том, что он, обладая обширными знаниями и высоким уровнем культуры, помогал молодым художникам существовать в широких рамках искусства.

Е.М. Фентисов первым в истории изобразительного искусства Хабаровска стал работать в технике пастели. Первая персональная выставка, приуроченная к его 50-летию, состоялась в 1979 г. в Дальневосточном художественном музее (ДВХМ). Именно тогда многие открыли для себя художника, чье творчество оказалось глубоко философским, лишенным штампов, с ярко выраженной авторской палитрой. В 1986 г. Е.М. Фентисов оставил педагогику и полностью посвятил себя творчеству. В его графических работах отразились темы дальневосточной природы, картины из жизни коренных народов Приамурья. «Фентисов обладал особым чувством пространственного положения цвета, – писал его ученик Александр Лепетухин. – Он мог плоско закрасить разными цветами поверхность, и некоторые пятна ощутимо к нам приближались, а какие-то столь же ощутимо отступали в глубину. Это редкое свойство, и у Фентиова оно было доведено до совершенства». В 1989 г. в Картинной галерее им. А.М. Федотова состоялась вторая персональная выставка Е.М. Фентисова, следующая – и последняя – в японском городе Томиоко префектуры Гумма. После ее открытия художник ушел из жизни.

Спустя пять лет в Арт-подвальчике Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры на выставке памяти мастера было представлено большое количество его неизвестных ранее работ. Масштабная выставка «Возвращение» прошла в 1994 г. в ДВХМ, в собрании которого хранится значительная часть работ классика дальневосточного искусства Е.М. Фентисова.